ТАРАПЫГИН, Ф.

ИЗВЕСТНЫЕ РУССК. ВОЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ.

ИЗВѢСТНЫЕ

РУССКІЕ ВОЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

КРАТКОЕ ИХЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЕ.

Составилъ Ѳ. А. Тарапыгинъ.

Редакція Генеральн. Штаб. Генер.-Маіора Влад. Пруссака.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. В. Леонтьева. Басковъ переулокъ, домъ № 4.
1911.

ИЗВѢСТНЫЕ

РУССКІЕ ВОЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

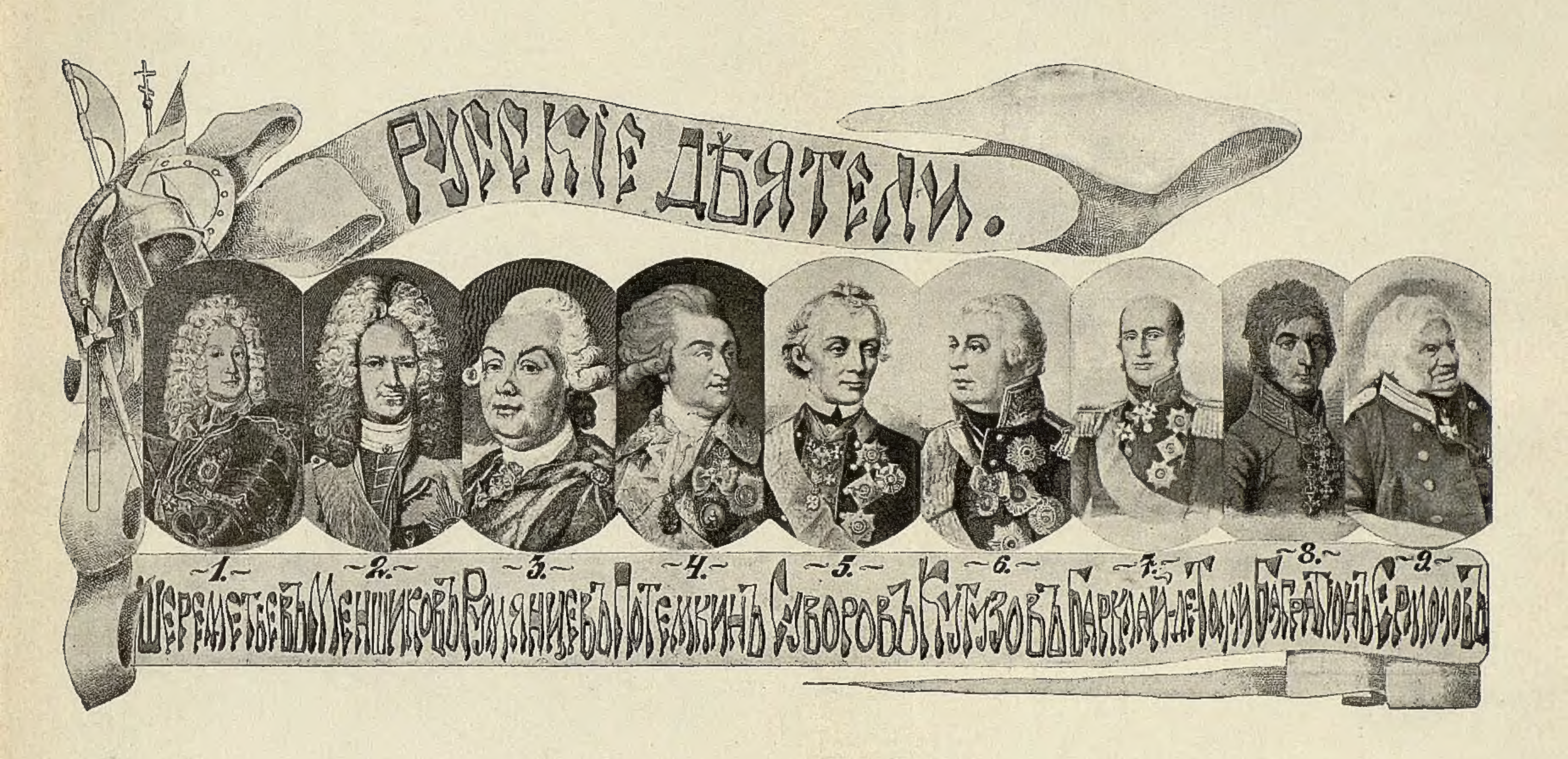
КРАТКОЕ ИХЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЕ.

Составилъ Ѳ. А. Тарапыгинъ.

Редакція Генеральн. Штаб. Генер.-Маіора Влад. Пруссака.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. В. Леонтьева. Басковъ переулокъ, домъ № 4.
1911.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Годы:	1	2	3	4	5	6	7	8	9
рожденія	1652	1673	1725	1739	1730	1745	1761	1765	1772
кончины	**1719**	**1729**	**1796**	**1791**	**1800**	**1813**	**1818**	**1812**	**1861**

Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ (1652—1719).

Гр. Б. П. Шереметевъ — извѣстный сотрудникъ Петра Великаго — происходилъ изъ старинняго дворянскаго рода. Чувствуя склонность къ военному дѣлу, онъ еще въ молодыхъ годахъ участвовалъ въ походахъ подъ руководствомъ своего отца, боярина Петра Васильевича, и рано обнаружилъ качества выдающагося воина. Немало было и другихъ достоинствъ у даровитаго юноши. При восшествіи на престолъ Іоанна и Петра Алексѣевичей, онъ сталъ участвовать во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ. Не вмѣшиваясь ни въ какіе внутренніе раздоры, онъ проявлялъ во всѣхъ своихъ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ самую чистосердечную преданность монархамъ, благородство характера и любовь къ правдѣ, а своими рѣдкими дарованіями ума много способствовалъ внѣшнимъ успѣхамъ Россіи. Эти выдающіяся достоинства и важныя заслуги Шереметева скоро снискали ему особое благоволеніе Государей и глубокое уваженіе и искреннюю любовь народа. Отличившись и прославивъ имя свое удачными дѣйствіями противъ непріятеля во время перваго похода Петра Великаго къ Азову, Борисъ Петровичъ, будучи уже 45 лѣтъ отъ-роду, испросилъ у Государя разрѣшеніе отправиться заграницу для изученія военнаго дѣла и вообще для пріобрѣтенія полезныхъ знаній. Пробывъ заграницей два года, онъ вернулся въ Россію вполнѣ просвѣщеннымъ человѣкомъ, способнымъ понять и по достоинству оцѣнить преобразовательныя стремленія своего Царя. Нечего и говорить, что Петръ

Великій встрѣтилъ его съ восторгомъ. Дѣятельное участіе принялъ Шереметевъ въ Великой Сѣверной войнѣ. Онъ начальствовалъ конницей подъ Нарвой, разбилъ шведовъ при Эрестферѣ и Гуммельсгофѣ, взялъ, подъ руководствомъ самого Петра и при содѣйствіи Меншикова, Нотебургъ и Ніеншанцъ. Подвиги эти доставили ихъ герою орденъ св. Андрея Перво званнаго, царскій портретъ, осыпанный брилліантами, и чинъ генералъ-фельдмаршала, шведовъ же заставили иначе думать о русскихъ, научили ихъ считаться съ русскими богатырями и бояться ихъ. Утвердившись на берегахъ Невы, Петръ направилъ Шереметева въ Эстонію для уничтоженія въ ней припасовъ, необходимыхъ для шведовъ; успѣшно выполнивъ данное ему порученіе, Шереметевъ сталъ вслѣдъ затѣмъ возвращать подъ власть русскаго Царя старые города, отнятые у насъ шведами; такъ покорены были: Копорье, Ямбургъ, Нарва, Дерптъ или Юрьевъ и Ивангородъ. Въ 1706 г. вспыхнулъ стрѣлецкій бунтъ въ Астрахани; Государь отправилъ противъ мятежниковъ своего вѣрнаго полководца, и Шереметевъ усмирилъ возстаніе. Война со шведами тѣмъ временемъ продолжалась, и Карлъ XII двинулся изъ Польши въ Россію. Петръ собралъ военный совѣтъ для обсужденія вопроса, гдѣ дать сраженіе надвигавшемуся врагу: въ Польшѣ или же на русской границѣ. Присутствовавшій на этомъ совѣтѣ Шереметевъ настаивалъ на томъ, что вести войну въ Польшѣ неудобно, такъ какъ не вездѣ можно положиться на мѣстное населеніе, и совѣтовалъ встрѣтить шведовъ на собственныхъ границахъ и тутъ, не вступая съ ними въ рѣшительное сраженіе, понемногу обезсиливать ихъ лишеніемъ всѣхъ способовъ къ полученію въ пути провіанта и фуража и нападеніями при переправахъ черезъ рѣки и во время похода. Совѣтъ и самъ Государь одобрили это мнѣніе, и оно блестяще оправдалось на дѣлѣ. Въ достопамятный день Полтавской битвы — 27 іюня 1709 г.—фельдмаршалъ графъ Шереметевъ командовалъ центромъ русской арміи, и, какъ и всегда, и

тутъ отличился своей безпримѣрной храбростью. Находясь все время подъ жестокимъ огнемъ, онъ едва не былъ убитъ вражеской пулей, насквозь простреливщей высунувшуюся у него изъ камзола рубашку. Въ награду за свою доблесть въ этой битвѣ онъ былъ надѣленъ многими помѣстьями, а въ слѣдующемъ году онъ уже снова отличился подъ Ригой. Осадивъ крѣпость, онъ принудилъ наконецъ упорнаго генералъ-губернатора вступить въ переговоры и подписать договоръ о сдачѣ крѣпости русскимъ. 12 іюня 1710 года онъ торжественно вступилъ въ городъ. Благодарные ему граждане Риги за проявленное имъ человѣколюбіе и милосердіе поднесли ему два большихъ золотыхъ ключа, нарочно для него сдѣланные, вѣсомъ въ 3 фунта, съ соотвѣтствующей надписью на латинскомъ языкѣ. Петръ Великій позволилъ графу принять и хранить въ своей фамиліи этотъ даръ, въ память покореннаго имъ города. Въ 1711 г. гр. Шереметевъ предводительствовалъ арміей въ Прутскомъ походѣ, а послѣ заключенія мира съ турками повелъ свои войска заграницу — въ Польшу, Померанію и Мекленбургъ—и тамъ ревностно исполнялъ свой долгъ, пока Государь не отозвалъ его въ 1717 г. въ отечество. Между тѣмъ здоровье шестидесятилѣтняго фельдмаршала замѣтно пошатнулось. Испросивъ у Петра позволеніе отправиться для леченія къ олонецкимъ водамъ, онъ, однако, никакого облегченія тамъ не получилъ и, несмотря на всѣ усилія лучшихъ врачей, старавшихся возможно дольше сохранить жизнь этого благороднаго воина, скончался 17 февраля 1719 г., на 67 году своей славной жизни. Смерть вѣрнаго сподвижника сильно огорчила Петра Великаго. Повелѣвъ перевезти тѣло покойнаго въ Петербургъ и предать погребенію въ Лазаревской церкви Александро-Невской лавры, Петръ самъ выработалъ церемоніалъ печальной процессіи и до самой лавры шелъ за гробомъ своего заслуженнаго фельдмаршала. Не одинъ Царь горевалъ о понесенной имъ въ лицѣ Шереметева утратѣ,—горько оплакивали покойнаго графа и воины,

которыхъ онъ водилъ къ побѣдамъ, и всѣ, кто его близко зналъ. Достойный сподвижникъ славныхъ дѣлъ Великаго Преобразователя, одинъ изъ первыхъ полководцевъ своего времени, гр. Борисъ Петровичъ обладалъ къ тому же и прекрасными душевными качествами, заставлявшими всѣхъ и каждаго любить и уважать его. Благочестивый, необыкновенно правдивый и честный, ревностный слуга престолу и отечеству, онъ строго исполнялъ свои обязанности, былъ благороденъ, храбръ, великодушенъ, милосердъ, вѣжливъ, ласковъ и необычайно гостепріименъ. Домъ его былъ прибѣжищемъ для всѣхъ бѣдныхъ и неимущихъ, а за столъ его, на который никогда не ставилось менѣе 50 приборовъ, садился всякій, званый и незваный, знакомый и незнакомый, съ однимъ только условіемъ не чиниться передъ хозяиномъ. Обѣды его, всегда изысканные и обильные, никогда не превращались въ шумные пиры, не было за его трапезой ни излишества въ питьѣ вина, ни нескромныхъ бесѣдъ. И то, и другое было ненавистно фельдмаршалу. Самъ Петръ, хорошо зная его и относясь къ нему съ большимъ уваженіемъ, никогда не принуждалъ его пить и на придворныхъ пирахъ освобождалъ его отъ наказанія осушать «кубокъ большого орла». Это большое уваженіе къ нему монарха сказывалось вообще на каждомъ шагу; Государь всегда встрѣчалъ и провожалъ его до двери своего кабинета, и ему одному было сдѣлано особое исключеніе изъ общаго правила: онъ могъ входить къ Царю безъ всякаго доклада, тогда какъ даже Меншиковъ и сама Государыня Екатерина Алексѣевна не пользовались этимъ разрѣшеніемъ. Послѣдніе годы своей жизни Шереметевъ посвятилъ дѣламъ благотворительности. Бѣдныя семейства, вдовы, сироты, слѣпые старики, несчастные и безпомощные—всѣ находили у него ласку, нравственную поддержку и необходимую помощь. При всѣхъ этихъ высоконравственныхъ качествахъ, графъ отличался и прекрасной, обаятельною наружностью, сразу располагавшей къ нему людей.

Петръ Великій хотѣлъ увѣковѣчить память своего любимаго фельдмаршала постановкой на его могилѣ большого памятника, но смерть помѣшала Царю привести эту его мысль въ исполненіе.

Князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ.

Кн. А. Д. Меншиковъ—любимецъ Петра I и Екатерины I, одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Великаго Преобразователя Россіи. Родился онъ въ окрестностяхъ Москвы въ 70-хъ годахъ XVII вѣка (по однимъ извѣстіямъ въ 1670 г., по другимъ—въ 1673 г.). Отецъ его, бывшій сначала придворнымъ конюхомъ, попалъ въ одинъ изъ «потѣшныхъ полковъ» и дослужился до званія капрала. Бѣдность помѣшала ему дать сыну какое-либо образованіе, и мальчикъ, отданный въ обученіе пирожнику, цѣлыми днями продавалъ на улицѣ пирожки. Бойкій и красивый мальчуганъ предлагалъ обыкновенно свой товаръ съ остроумными прибаутками и разными шутками. Его звучный голосъ, необыкновенная смѣтливость и острота отвѣтовъ обратили на него вниманіе Лефорта, любимаго наставника Петра I, и Лефортъ, не задумываясь, взялъ его къ себѣ въ услуженіе. Часто и запросто бывая у Лефорта, Царь сразу замѣтилъ смышленаго и проворнаго мальчика-слугу и, оцѣнивъ его достоинства, пожелалъ взять его къ себѣ въ денщики. Умный и ловкій юноша, великолѣпно исполняя разныя царскія порученія и даже съ полуслова угадывая волю Царя, съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ все большее и большее довѣріе Государя, а скоро сдѣлался ему и совсѣмъ необходимымъ. Зачисленный Петромъ I въ роту «потѣшныхъ», Меншиковъ — при учрежденіи въ 1693 г. Преображенскаго полка—поступилъ туда бомбардиромъ, а въ 1696 г., сопутствуя Петру въ Азовскомъ походѣ, уже доказалъ Царю свою храбрость и большія военныя способности.

1697 г. еще больше сблизилъ Меншикова съ Царемъ: Меншикову удалось открыть составленный противъ монарха заговоръ и отвратить отъ Петра угрожавшую ему опасность. Требуя послѣ этого, чтобы Меншиковъ находился при немъ неотлучно, Петръ Великій взялъ его съ собой заграницу. Вмѣстѣ объѣхали они Пруссію, Англію, Германію и Голландію, вмѣстѣ ревностно занимались самообразованіемъ, вмѣстѣ же обучались кораблестроенію и другимъ ремесламъ. Умный отъ природы, Меншиковъ прошелъ хорошую школу подъ руководствомъ Петра и, искренно увлекаясь западнымъ просвѣщеніемъ, научился не только понимать требованія Великаго Преобразователя, но и горячо сочувствовать имъ. Это чистосердечное и живое сочувствіе Меншикова великимъ замысламъ Петра еще болѣе скрѣпило и безъ того тѣсный союзъ Царя съ его вѣрнымъ слугой. По возвращеніи изъ-заграницы Меншиковъ занялъ уже выдающееся положеніе при дворѣ и получилъ особое значеніе въ глазахъ Государя. Смѣло, быстро и безпрекословно, не гнушаясь никакой работой и всегда строго исполняя свой долгъ, приводилъ онъ въ исполненіе всѣ распоряженія Преобразователя, съ изумительнымъ самоотверженіемъ расправляясь съ его врагами. Неудивительно послѣ этого, что благоволеніе къ нему Царя перешло подъ конецъ въ чувство самой искренней дружбы. Нерѣдко случалось, что Царь охотно выслушивалъ его умные совѣты и соглашался съ его доводами и сужденіями, а Меншиковъ, пользуясь своей близостью къ Царю, не разъ сдерживалъ гнѣвъ Петра и умиротворяющимъ образомъ вліялъ на его душу. Несмотря, однако, на всѣ его заслуги, Меншиковъ долго числился только сержантомъ Преображенскаго полка и лишь съ открытіемъ въ 1700 г. военныхъ дѣйствій противъ Швеціи, когда во всемъ блескѣ сказались его воинскія дарованія, онъ быстро сталъ повышаться въ чинахъ. Принимая дѣятельное участіе и въ штурмѣ Нотебурга, переименованнаго затѣмъ въ Шлиссельбургъ, и во взятіи Ніеншанца, и въ побѣдѣ надъ шведами при устьяхъ Невы, онъ всюду

проявлялъ чудеса храбрости. Когда же, съ овладѣніемъ берегами Невы, въ 1703 г. былъ основанъ Петербургъ и заложена Петропавловская крѣпость, Меншиковъ ранѣе другихъ сотрудниковъ Петра выстроилъ порученную ему часть ея, которая и была названа его именемъ. Назначенный, въ награду за его подвиги, первымъ губернаторомъ новаго города, онъ принялъ на себя отвѣтственную обязанность по части устройства Петербурга и защиты всего побережья и блестяще выполнилъ ее: благодаря его уму и распорядительности Петербургъ быстро началъ обстраиваться, укрѣплены были Кроншлотъ и Кронштадтъ, а для Финскаго залива были построены военныя суда. Между тѣмъ война со шведами, извѣстная въ исторіи подъ названіемъ Великой Сѣверной войны, — продолжалась и дала Меншикову возможность проявить себя съ еще большимъ блескомъ. Въ 1705—06 гг., въ званіи начальника кавалеріи, Меншиковъ чрезвычайно умно и успѣшно дѣйствовалъ сначала въ Литвѣ, а затѣмъ при Калишѣ, гдѣ на-голову разбилъ 30.000-ый шведскій отрядъ. Въ награду за свою распорядительность и личную храбрость онъ получилъ много цѣнныхъ подарковъ, званіе князя Ижорской земли съ титуломъ «свѣтлѣйшаго» и въ вѣчное потомственное владѣніе города Ямбургъ и Копорье. Необыкновенную проницательность выказалъ онъ, предугадавъ планъ дѣйствій и движеніе Карла XII по вторженіи его въ предѣлы Россіи. Въ то время, какъ самъ Петръ и всѣ его полководцы были увѣрены, что Карлъ пойдетъ на Петербургъ или Москву, Меншиковъ одинъ утверждалъ, что король двинется на Малороссію, и совѣтовалъ Петру укрѣпить Кіевъ. Послѣдующія событія подтвердили соображенія Меншикова. Участвуя почти во всѣхъ серьезныхъ сраженіяхъ, Меншиковъ наиболѣе ярко проявилъ свой военный талантъ подъ Полтавой. Выказавъ и тутъ безпримѣрную распорядительность, находчивость и храбрость, онъ вмѣстѣ съ самоотверженнымъ Царемъ безстрашно носился по полю битвы, дѣйствовалъ и распоряжался подъ градомъ пуль и не за-

мѣчалъ опасности: въ пылу сраженія подъ нимъ было убито три коня. Открыто, передъ лицомъ всего войска, Царь-Побѣдитель засвидѣтельствовалъ заслуги своего главнаго сподвижника, возвелъ его въ чинъ фельдмаршала и пожаловалъ еще двумя городами. Быстро и невѣроятно высоко поднялся послѣ этого Меншиковъ, но Петръ, награждая его, видѣлъ въ немъ не своего любимца, а вѣрнаго и умнаго слугу отечества. дѣйствительно заслужившаго эти награды. По окончаніи войны Меншиковъ вернулся къ управленію новой столицей и ввѣреннымъ ему краемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ первымъ и лучшимъ совѣтникомъ Петра во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ. По наряду съ тѣми качествами, которыя заставляли Царя такъ отличать своего любимца, у Меншикова были и свои недостатки. въ концѣ концовъ и погубившіе его. Любимцу Петра недоставало той высоконравственной черты, которая такъ ярко свѣтила во всемъ характерѣ и во всѣхъ дѣйствіяхъ Великаго Царя, недоставало ему самоотверженнаго и безкорыстнаго служенія отечеству. Въ то время, какъ служеніе Петра было проявленіемъ только самой чистой и безграничной любви Государя къ своему народу и родинѣ, Меншиковъ служилъ Царю и отечеству не изъ однихъ чистыхъ и безкорыстныхъ побужденій: главнымъ двигателемъ всѣхъ его дѣйствій была его личная выгода. Крайнее честолюбіе и ненасытное корыстолюбіе таились въ его душѣ, и чѣмъ, выше онъ поднимался, тѣмъ неудержимѣе прорывались они наружу. Долго не подозрѣвалъ Петръ въ своемъ любимцѣ страсти къ незаконной наживѣ, лихоимства, взяточничества и расхищенія казенныхъ денегъ, и, когда все это наконецъ открылось, чувствительному сердцу Петра былъ нанесенъ большой и тяжкій ударъ. Сначала онъ попробовалъ было дѣйствовать на Меншикова дружескими увѣщаніями, но ни ласка, ни угрозы, ни даже знаменитая Петровская дубинка не оказали желаннаго дѣйствія. Тогда Государь увидѣлъ себя вынужденнымъ отдать своего любимца подъ судъ и приказалъ формально разслѣдовать

всѣ его злоупотребленія по денежной части. Много раскрылось этихъ злоупотребленій, и только память о его прежнихъ заслугахъ, да необходимость въ немъ, какъ въ человѣкѣ государственнаго ума, спасли Меншикова отъ заслуженной имъ кары. Сильно уменьшилось довѣріе и расположеніе къ нему Царя; неисправимая и ненасытная алчность Меншикова глубоко огорчала и возмущала Петра, но тѣмъ не менѣе онъ не могъ лишить себя такого незамѣнимаго, при всемъ его корыстолюбіи, помощника. Все же, при всѣхъ его недостаткахъ, это былъ самый ревностный исполнитель царской воли, самый надежный человѣкъ, на котораго Петръ могъ оставить все государство во время своихъ отлучекъ. Петръ зналъ, что Меншиковъ единственный не растеряется при непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ, не станетъ тратить время на пустые разговоры и безплодныя сѣтованія, а будетъ быстро и рѣшительно дѣйствовать и своевременно приметъ всѣ соотвѣтствующія нуждамъ мѣры. Нуженъ былъ Меншиковъ Петру и для будущаго. Петръ зналъ и былъ увѣренъ, что послѣ его смерти никто такъ умно и надежно, какъ Меншиковъ, не сумѣетъ отстоять и продолжить его любимое дѣло преобразованія Россіи. Да и наконецъ порокъ Меншикова былъ общимъ порокомъ дѣятелей того времени, и Петръ, неизмѣримо возвышаясь надъ всѣми своими современниками, одинъ всю жизнь боролся съ застарѣлымъ недугомъ тогдашняго общества—страстью къ хищеніямъ и наживѣ. Этимъ и объясняется долготерпѣніе Петра въ отношеніи Меншикова, несмотря на то, что тотъ почти до самой смерти своего покровителя такъ и не выходилъ изъ-подъ суда. 28 января 1725 г. Великій Царь скончался. Какъ только не стало монарха, первые чины имперіи заперлись въ одной изъ комнатъ дворца и стали совѣщаться между собой о возведеніи на престолъ внука Петра I, юнаго сына покойнаго царевича Алексѣя. Часовымъ у дверей было строго приказано не впускать Меншикова. Но Меншиковъ ни мало не смутился. Онъ велѣлъ привести роту Преображенскаго

полка, прошелъ съ ней прямо къ той комнатѣ, гдѣ шло совѣщаніе, приказалъ выломать двери и громогласно провозгласилъ Екатерину I Императрицей Всероссійской. Никто не ожидалъ этого смѣлаго поступка, никто не посмѣлъ противорѣчить, и всѣ присягнули новой Государынѣ. Нечего и говорить, что съ воцареніемъ Екатерины, женщины нерѣшительной и мало подготовленной для ея роли, вся государственная власть сосредоточилась въ рукахъ Меншикова. Желая обезпечить себѣ эту власть и въ будущемъ, онъ уговорилъ Императрицу назначить себѣ преемникомъ сына царевича Алексѣя 12-тилѣтняго Петра и заручился ея согласіемъ на бракъ цесаревича съ его старшей дочерью Маріей. Никогда не ошибавшійся въ своихъ расчетахъ, Меншиковъ на этотъ разъ ошибся: дѣйствительно взошедшій въ 1727 г. на престолъ, послѣ смерти Екатерины, юный Царь Петръ II, гордый, самолюбивый и самовластный, сильно не долюбливалъ всемогущаго вельможу, вмѣшивавшагося въ качествѣ опекуна и будущаго родственника въ каждый шагъ его жизни. Не любилъ онъ и нареченную свою невѣсту: кроткая, прекрасная 16-тилѣтняя княжна Марія была ему ненавистна уже по одному тому, что его заставляли любить ее. Не дремали и враги Меншикова. Подмѣтивъ неприязнь къ нему Петра, они безпрестанно нашептывали юному Императору что чрезмѣрная власть подданнаго опасна для всего государства, что Меншиковъ, пользуясь родствомъ съ Государемъ, современемъ посягнетъ даже на престолъ, и что одного слова царскаго достаточно, чтобы въ конецъ уничтожить этого вреднаго человѣка. Все это привело къ,тому, что Петръ только и ждалъ удобнаго случая, чтобы избавиться отъ ненавистнаго ему опекуна. Случай этотъ скоро представился. Неосторожный Меншиковъ самовольной отмѣной одного изъ приказаній Петра, касавшагося его личной жизни, вызвалъ страшный взрывъ негодованія юнаго Царя, и 9 сентября 1727 г. Меншикову было приказано сдать всѣ дѣла, ѣхать со всѣмъ его семействомъ въ Раненбургъ, городъ Рязанской губ., имъ самимъ вы-

строенный, и жить тамъ безвыѣздно подъ надзоромъ гвардейскаго офицера; княжна же Марія должна была возвратить Императору его обручальное кольцо. Уѣзжая въ Раненбургъ, опальный вельможа не терялъ надежды, что счастье еще вернется къ нему, но надеждѣ этой не суждено было исполниться. Въ Раненбургѣ было назначено надъ нимъ судебное слѣдствіе; много разныхъ злоупотребленій и проступковъ приписали ему, обвинили и въ томъ, въ чемъ онъ былъ неповиненъ, и приговорили къ ссылкѣ въ г. Березовъ Тобольской губерніи. Съ мужествомъ героя выслушалъ Меншиковъ этотъ суровый приговоръ и, обратясь къ сыну, сказалъ: «Мой примѣръ послужитъ тебѣ наставленіемъ, если ты будешь когда возвращенъ изъ ссылки, гдѣ я долженъ умереть». Съ переселеніемъ въ Березовъ началась новая полоса въ жизни любимца Петра Великаго. Рабъ страстей въ дни своего величія, онъ въ несчастьи сталъ побѣдителемъ ихъ и удивилъ потомство своей необыкновенной твердостью духа и громаднымъ самоотверженіемъ. Отчужденный отъ всего міра, среди ледяныхъ пустынь Сибири и всевозможныхъ лишеній, Меншиковъ не роптал на судьбу, съ великимъ смиреніемъ покорялся ей и находилъ еще въ себѣ силы вселять бодрость и въ дѣтяхъ. Считая себя достойнымъ постигшихъ его бѣдствій, онъ не жалѣлъ себя, съ умиленіемъ предавался волѣ Творца и проливалъ слезы только о дѣтяхъ. За время своего пребыванія въ Березовѣ, онъ собственноручно соорудилъ деревянную церковь подлѣ острога, въ которомъ содержался, звонилъ въ колокола, когда наступало время церковнаго служенія, исправлялъ должность дьячка, пѣлъ на клиросѣ и часто читалъ простолюдинамъ назидательныя книги. «Благо мнѣ, Господи», безпрестанно твердилъ онъ въ молитвахъ, «что смирилъ мя еси». Въ 1729 г. любимая его дочь Марія занемогла оспой. Докторовъ въ Березовѣ не было. Неутомимо ухаживая за больной, Меншиковъ видѣлъ, что еще новый крестъ ожидаетъ его, что Марія не вернется ужъ къ жизни, и, тяжко страдая, старался

скрыть отъ дѣтей свою тоску. Предчувствіе его оправдалось: Марія умерла. Это новое горе въ конецъ подточило его силы. Чувствуя, что и онъ скоро послѣдуетъ за своей любимицей, онъ утѣшалъ себя этой мыслью и заблаговременно, при тускломъ свѣтѣ рыбьяго жира, горѣвшаго въ его казармѣ, приготовилъ себѣ гробъ изъ кедроваго дерева, благословилъ дѣтей, посовѣтовалъ имъ возложить всю надежду на Бога, пріобщился св. Тайнъ и, простясь съ близкими сердцу, отказался отъ пищи, кромѣ небольшого количества холодной воды, и до самой смерти хранилъ глубокое молчаніе. 22-го октября 1729 г., дѣйствительно немногимъ переживъ дочь, онъ тихо скончался. Мерзлая земля приняла въ свои объятія знаменитаго изгнанника у алтаря сооруженной имъ церкви, въ 10 саж. отъ берега рѣки Сосвы. Такъ кончился жизненный путь этого необыкновеннаго человѣка, прошедшаго всѣ ступени славы и могущества, испытавшаго всю тяжесть суроваго изгнанія, съ удивительнымъ достоинствомъ сумѣвшаго перенести ужасъ своего паденія и въ самомъ своемъ униженіи смогшаго возвыситься до побѣды надъ темными силами своей души, до просвѣщенія ея свѣтомъ Христовой любви и смиренія.

Какъ ни велики были его слабости и недостатки, Меншиковъ при всемъ томъ былъ великимъ человѣкомъ и имѣетъ право на уваженіе русскихъ и какъ спаситель жизни великаго Царя, и какъ полководецъ и какъ вѣрный проводникъ преобразовательныхъ стремленій его покровителя-монарха.

Дѣти Меншикова были освобождены изъ ссылки Императрицей Анной Іоанновной въ 1731 году.

Графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ-Задунайскій (1726—1796).

Графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ -русскій генералъ-фельдмаршалъ, сподвижникъ Императрицы Екатерины II -былъ сыномъ любимца Петра Великаго графа Александра Ивановича Румянцова. Родился онъ въ 1725 г. годъ смерти Великаго Преобразователя Россіи. Сначала мальчикъ обучался въ деревнѣ подъ надзоромъ отца, а затѣмъ, съ переѣздомъ ихъ въ Малороссію, подъ руководствомъ мѣстнаго педагога Тимофея Михайловича Сенютовича, человѣка по тѣмъ временамъ очень образованнаго и хорошо знавшаго иностранные языки. Въ 1739 г. для пополненія образованія молодой Румянцовъ былъ посланъ заграницу, но пробылъ тамъ недолго и, возвратившись на родину, поступилъ на военную службу. Быстро подвигаясь въ чинахъ, онъ въ 1743 г.—19 лѣтъ отъ роду, былъ уже армейскимъ капитаномъ, а вскорѣ вслѣдъ затѣмъ и полковникомъ. Извѣстность его началась съ Семилѣтней войны, когда Россія въ 1757 г. примкнула къ союзу Австріи, Франціи, Саксоніи и Швейцаріи, противъ Пруссіи. Назначенный начальникомъ кавалеріи, Румянцовъ, тогда уже генералъ-маіоръ, выигралъ дѣло въ битвѣ при Эгерсдорфѣ, заставилъ Тильзитъ сдаться на капитуляцію *) и кромѣ того имѣлъ много столкновеній съ непріятелемъ, въ которыхъ всегда оставался побѣдителемъ. Въ 1759 г., предводительствовалъ центромъ нашей арміи въ знаменитомъ сраженіи при Франкфуртѣ и, постоянно предугадывая замыслы Фридриха Великаго, неоднократно опрокидывалъ и обращалъ въ бѣгство непріятельскіе отряды а въ 1761 г., снова предводительствуя отдѣльнымъ корпусомъ, принудилъ къ сдачѣ стойко державшуюся

*) Капитуляція—сдача крѣпости непріятелю, а также и сложеніе передъ нимъ оружія отрядомъ или цѣлой арміей по договору.

крѣпость Кольбергъ. Императоръ Петръ III пожаловалъ героя за его подвиги чиномъ генералъ-аншефа и орденами св. Анны и св. Апостола Андрея Первозваннаго. Пользовавшійся вообще большимъ расположеніемъ Императора Петра III и являвшійся однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ нему лицъ, графъ Румянцовъ, при вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины II, отказывался присягнуть молодой Государынѣ до тѣхъ поръ, пока не удостовѣрился въ кончинѣ Императора. Полагая, что съ воцареніемъ Императрицы, его, какъ приверженца покойнаго Императора, ждетъ немилость и опала, онъ самъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. Но Императрица Екатерина удержала его на службѣ и въ 1764 г. назначила генералъ-губернаторомъ Малороссіи. Покоритель Кольберга оправдалъ выборъ мудрой Монархини. Онъ уничтожилъ злоупотребленія, вкравшіяся въ присутственныя мѣста, вселилъ въ умахъ молодыхъ малороссіянъ любовь къ регулярной *) службѣ, которой они до того чуждались, строгой справедливостью уничтожилъ ихъ страхъ и недовѣрчивость къ Великороссійскимъ войскамъ, доставилъ имъ разныя облегченія въ повинностяхъ и вообще много сдѣлалъ и для улучшенія ихъ быта и для болѣе тѣснаго сближенія Малороссіи съ Россіей. Въ 1768 г. вспыхнула война съ Турціей. Поручивъ первую дѣйствующую армію князю Голицыну, Императрица Екатерина назначила предводителемъ второй арміи Румянцова, предписавъ ему охранять русскія границы отъ набѣговъ крымскихъ татаръ. Вскорѣ, однако, Императрица, недовольная медлительностью князя Голицына и не зная, что ему уже удалось овладѣть Хотиномъ и Яссами, послала на его мѣсто Румянцова, который тотчасъ же поспѣшилъ очистить отъ турокъ Валахію. Несмотря на суровую зиму, моровую язву и значительное превосходство

*) Регулярныя войска—обученныя, дисциплинированныя, находящіяся постоянно на службѣ въ противоположность ополченію, созываемому только по особымъ случаямъ.

силъ непріятеля, русскія войска, съ героемъ во главѣ, разбивали турокъ на каждомъ шагу. За взятіемъ русскими крѣпости Журжа, послѣдовалъ удачный бой близъ Рябой-Могилы, а затѣмъ и блестящая побѣда при рѣчкѣ Ларгѣ. Здѣсь 80.000 турецко-татарская армія расположилась на высотахъ, защищенная укрѣпленіями и сильной артиллеріей. Слабыя сравнительно съ непріятелемъ русскія силы, всего 25.000 чел., и недостатокъ продовольствія не остановили наступательнаго движенія Румянцова. Русскій полководецъ, по его собственному выраженію, не могъ видѣть непріятеля, не наступая на него, и въ ночь съ 6-го на 7-ое іюля онъ двинулся за рѣчку Ларгу. Встревоженный непріятель открылъ пушечную пальбу, но Румянцовъ, не давъ опомниться врагамъ, быстро указалъ каждому свое мѣсто и дѣло и съ крикомъ «Впередъ ребята, огонь и мечъ защита ваша!» налетѣлъ на не, пріятеля. Воодушевленныя примѣромъ своего предводителя, презирая всякую опасность, войска штыками и грудью брали укрѣпленія, пушки, быстро, не разстраиваясь въ рядахъ, неслись на крутую гору и въ одно мгновеніе ока взлетали на высоту холмовъ. Обезумѣвшій непріятель, смятый, разбитый, бросилъ свой станъ со всѣми орудіями, знаменами, военными снарядами и съѣстными припасами и обратился въ бѣгство. Эта блистательная побѣда надъ врагомъ доставила ея герою военный орденъ св. Георгія I-го класса. Но еще болѣе прославила имя Румянцова побѣда, одержанная имъ 21-го іюля того же года надъ почти вдесятеро сильнѣйшимъ непріятелемъ при рѣкѣ Кагулѣ и вознесшая Румянцова въ рядъ первыхъ полководцевъ XVIII столѣтія. 20-го іюля 150.000 турецкое войско расположилось лагеремъ по лѣвой сторонѣ устья Кагула, верстахъ въ семи отъ русскихъ войскъ, между тѣмъ какъ татары начали заходить съ тыла, стараясь отрѣзать русскимъ подвозъ продовольствія. 17-ти-тысячная русская армія, казалось, была обречена гибели, но солдаты не падали духомъ: съ ними былъ Румянцовъ. Взвѣсивъ и обсудивъ все, Румян-

цовъ построилъ войска въ боевой порядокъ и, рѣшивъ не ожидать врага, а самому напасть на него, на разсвѣтѣ 21-го іюля дѣйствительно атаковалъ непріятельскую армію. Изумленные этой отчаянной смѣлостью русскихъ и громомъ ихъ орудій, турки, все же увѣренные въ превосходствѣ своихъ силъ и заранѣе торжествуя побѣду, ожесточенно сопротивлялись, спѣша зайти русскимъ войскамъ въ тылъ. Но Румянцовъ зорко слѣдилъ за ними, и всѣ попытки турокъ обойти его были тщетны. Послѣ упорнаго кровопролитнаго боя, во время котораго Румянцовъ безпрестанно былъ подъ тучей ядеръ, счастье, казалось, стало склоняться на сторону русскихъ: турецкія батареи уже стали умолкать, и русскіе были близки ко взятію укрѣпленій, какъ вдругъ изъ-за засады неожиданно выскочилъ 10.000 отрядъ янычаръ *), съ крикомъ бросился на русскихъ и, врѣзавшись въ середину ихъ, смялъ нѣкоторые полки и заставилъ ихъ дрогнуть. Увидѣвъ смятеніе въ своихъ рядахъ, неустрашимый Румянцовъ нагналъ бѣгущихъ и громовымъ голосомъ воскликнулъ: «Стой, ребята!» Голосъ героя въ одинъ мигъ отрезвилъ бѣглецовъ; они остановились, быстро построились и съ крикомъ: «Да здравствуетъ Екатерина!» вновь съ удвоенной силой устремились на врага. Черезъ тройные рвы взлетѣли русскіе на укрѣпленія и пошли въ штыки. Спасаясь отъ нихъ, турки бросились бѣжать, толпами погибая въ волнахъ рѣки. Послѣ этой побѣды Румянцовъ пошелъ по пятамъ непріятеля, и послѣдовательно его отряды занимали Измаилъ, Килію, Аккерманъ, Браиловъ, Исакчу и Бендеры. Въ 1771 г. онъ перенесъ военныя дѣйствія на Дунай, а въ 1773 г., приказавъ Салтыкову осадить Рущукъ и пославъ къ Шумлѣ Каменскаго и Суворова, самъ обложилъ Силистрію, но, несмотря на неоднократныя частныя побѣды, не могъ овладѣть этой крѣпостью, имѣя подъ ружьемъ всего 13.000 чел.,

---

*) Янычары—прежнее отборное турецкое войско, составлявшееся изъ молодыхъ силой обращенныхъ въ исламъ христіанъ-плѣнниковъ, пользовавшихся различными привилегіями.

утомленныхъ переходами и непрерывными битвами. Отведя армію на лѣвый берегъ Дуная и усиливъ ее здѣсь свѣжими войсками, онъ въ 1774 г. уже съ 50.000 войскомъ выступилъ противъ 150.000 турецкой арміи, которая, избѣгая битвы, сосредоточилась на высотахъ у Шумлы. Румянцовъ взялъ часть войска, обошелъ съ нимъ турецкій станъ и отрѣзалъ визирю сообщеніе съ Адріанополемъ. Извѣстіе объ этомъ вызвало такую панику въ турецкой арміи, что визирь тотчасъ же заговорилъ о мирѣ и согласился на всѣ условія, предписанныя ему побѣдителемъ. Миръ этотъ былъ заключенъ въ турецкой деревнѣ Кучукъ-Кайнарджи и доставилъ Россіи Азовъ, Керчь съ Еникале, Кинбурнъ при устьѣ Днѣпра, степь между Днѣпромъ и Бугомъ, свободное плаваніе по Черному морю и черезъ Дарданеллы и $4^1/_2$ милліона рублей за военныя издержки, а Румянцову фельдмаршальскій жезлъ, наименованіе Задунайскаго и другія награды. Императрица увѣковѣчила побѣды Румянцова памятниками-обелисками въ Царскомъ Селѣ и Петербургѣ и предлагала ему въѣхать въ Москву на тріумфальной колесницѣ сквозь торжественныя ворота, но скромный герой отказался отъ этой почести. По окончаніи войны Румянцовъ снова возвратился въ Малороссію и сталъ постепенно подготовлять введеніе въ ней общерусскихъ порядковъ, что и совершилось въ 1782 г. съ распространеніемъ на Малороссію учрежденія о губерніяхъ. Тѣмъ временемъ бывшій въ Турецкую войну подъ начальствомъ Румянцова Потемкинъ быстро шелъ въ гору, сдѣлался вскорѣ первымъ лицомъ въ государствѣ и, когда въ 1787 г. вновь вспыхнула война съ Турціей, былъ назначенъ главнокомандующимъ. Румянцовъ же, которому было поручено въ эту войну предводительствованіе Украинской арміей, былъ оттѣсненъ такимъ образомъ на второй планъ. Обиженный предпочтеніемъ, оказаннымъ Потемкину, и предчувствуя, что соперникъ его будетъ преграждать ему дорогу на полѣ брани, Румянцовъ ограничился тѣмъ, что быстро подвинулъ свои войска въ Молдавію и,

сказавшись больнымъ ногами, сдалъ армію Потемкину, который присоединилъ ее къ своимъ войскамъ. Удалившись затѣмъ къ себѣ въ имѣніе подъ Кіевъ, Румянцовъ сталъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ, посвящая также большую часть дня чтенію, которое всегда было однимъ изъ любимыхъ его занятій. Жилъ онъ очень просто, былъ всѣмъ доступенъ, ласково разговаривалъ со своими поселянами объ ихъ нуждахъ, а въ кругу отставныхъ воиновъ любилъ вспоминать о дняхъ прошедшей славы. Въ домѣ его, богато убранномъ, находились между прочимъ и самые обыкновенные дубовые стулья. «Если великолѣпныя комнаты, - говорилъ онъ своимъ приближеннымъ,—внушатъ мнѣ мысль, что я выше кого либо изъ васъ, то пусть эти простые стулья напоминаютъ мнѣ, что и я такой же человѣкъ, какъ вы». Такъ провелъ Румянцовъ нѣсколько лѣтъ. Въ концѣ 1791 г. до него дошло извѣстіе о смерти Потемкина. Великодушный герой не могъ удержаться отъ слезъ. «Не удивляйтесь, говорилъ онъ своимъ домашнимъ,—Потемкинъ былъ моимъ соперникомъ, но Россія лишилась въ немъ великаго мужа». Призванный въ 1794 г. вновь на службу, онъ принялъ главное начальствованіе надъ войсками, расположенными отъ устья Днѣстра до предѣловъ Минской губерніи. Оставаясь въ Украйнѣ, онъ подвигалъ впередъ разные корпуса своей арміи, снабдилъ Суворова словеснымъ наставленіемъ, сосредоточилъ войска подъ его знамена и благоразумными распоряженіями содѣйствовалъ прекращенію мятежа въ Польшѣ. 6-го ноября 1796 г. скончалась Императрица Екатерина. Горькими слезами оплакалъ Румянцовъ свою мудрую Монархиню, которая сумѣла такъ возвеличить Россію и передъ которой онъ благоговѣлъ. Мѣсяцъ спустя, 8 го декабря, скончался и онъ самъ: параличный ударъ прекратилъ его славную жизнь. Необыкновенному вождю этому суждено было родиться и умереть въ двѣ значительныя для Россіи эпохи: годъ его рожденія былъ годомъ смерти Петра Великаго, а годъ его смерти унесъ въ могилу Великую

Екатерину. Въ память большихъ заслугъ Румянцова передъ Отечествомъ, Императоръ Павелъ I повелѣлъ наложить военный трауръ на три дня. Прахъ Задунайскаго покоится въ Кіево-Печерской лаврѣ.

Какъ человѣкъ, графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ отличался настолько крупными качествами и достоинствами, что они заставляли забывать всѣ его недостатки. Все въ немъ, начиная съ его наружности и кончая огромными дарованіями, обращало на него вниманіе. Это былъ высокій, крѣпко-сложенный человѣкъ, стройный, величественный, съ открытымъ, смѣло-правдивымъ, всегда спокойнымъ и привлекательнымъ лицомъ; нѣсколько важная походка придавала всему его облику что-то горделивое и непреклонное. Отличаясь превосходной памятью, онъ никогда не забывалъ того, что когда либо читалъ или видѣлъ. Строгій и взыскательный, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень человѣчный, онъ любилъ солдатъ, какъ своихъ дѣтей, заботился о нихъ въ полѣ и на квартирахъ, воодушевлялъ храбрыхъ воиновъ увѣренностью въ побѣдѣ и, несмотря на свою строгость, пользовался большой любовью своихъ подчиненныхъ. Преслѣдуя всякую неисправность, онъ, однако, никого не дѣлалъ несчастнымъ и зачастую довольствовался тѣмъ, что только конфузилъ провинившагося. Такъ, однажды, Румянцовъ, обозрѣвая на разсвѣтѣ свой лагерь, примѣтилъ офицера, отдыхавшаго въ халатѣ; остановившись, онъ началъ разговаривать съ нимъ, взялъ его подъ-руку, вывелъ изъ палатки, прошелъ мимо войскъ и потомъ вступилъ вмѣстѣ съ нимъ въ фельдмаршальскій шатеръ, гдѣ уже находились генералы и его штабъ. Нечего и говорить, что, переживъ эти минуты страшной неловкости и стыда, попавшійся офицеръ уже никогда больше не позволялъ себѣ роскоши халата въ военное время.

Съ прозорливымъ и основательнымъ умомъ Румянцовъ соединялъ твердость, предпріимчивость, былъ неустрашимъ, не зналъ препятствій при исполненіи военныхъ предначертаній и, одаренный рѣдкимъ при-

сутствіемъ духа, не терялся среди опасностей. Великолѣпно зная себѣ цѣну, онъ отдавалъ справедливость и подчиненнымъ и никогда не останавливался передъ похвалой другимъ. Глубоко прочувствованныя строки посвятилъ этому славному герою современный ему поэтъ Державинъ въ своей одѣ «Водопадъ».

Блаженъ, когда, стремясь за славой,
Онъ пользу общую хранилъ,
Былъ милосердъ въ войнѣ кровавой
И самыхъ жизнь враговъ щадилъ;
Благословенъ средь позднихъ вѣковъ
Да будетъ другъ сей человѣковъ.

Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій (1739—1791).

Кн. Г. А. Потемкинъ -знаменитый дѣятель Екатерининской эпохи — родился въ Смоленской губ. въ сентябрѣ 1736 г. Предназначенный отцомъ для духовной дѣятельности, Потемкинъ обучался сначала въ Смоленской семинаріи, а затѣмъ былъ отправленъ въ Московскій университетъ. Способный и честолюбивый юноша, мечтавшій, по его собственнымъ словамъ, быть непремѣнно архіереемъ, усердно посѣщалъ первое время лекціи профессоровъ и оказывалъ блестящіе успѣхи въ наукахъ, но скоро ученіе наскучило ему, онъ пересталъ ходить въ университетъ и за это «нехожденіе» былъ въ концѣ концовъ исключенъ изъ него. Честолюбивый нравъ Потемкина, оказалось, не могъ довольствоваться саномъ пастыря Церкви, и юноша, полный жажды славы и могущества, рѣшилъ избрать наиболѣе легкій, какъ ему казалось, путь для достиженія его завѣтной мечты, — путь воина. Съ этой цѣлью онъ отправился въ Петербургъ и тутъ, благодаря своему колоссальному росту и мужественной красотѣ, вскорѣ былъ принятъ въ Конную гвардію. Съ жаромъ отдав-

шись своей новой дѣятельности, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, въ свободное время, усиленно занимался французскимъ языкомъ. Въ 1762 г., когда Екатерина II вступила на престолъ, онъ былъ вахмистромъ л.-гв. Коннаго полка. При пріемѣ парада Императрицей, одѣвшей шпагу безъ темляка, Потемкинъ быстро нашелся, сорвалъ свой темлякъ и, смѣло подскакавъ къ Государынѣ, почтительно поднесъ его ей. Строгая лошадь Потемкина, привыкшая къ эскадронному строю, поровнявшись съ лошадью Императрицы, несмотря на всѣ усилія лихого сѣдока, упорно не хотѣла отдалиться. Императрица улыбнулась, взглянула на отважнаго всадника, спросила объ его фамиліи и на другой же день произвела его въ офицеры. Такъ началась блестящая карьера «великолѣпнаго князя Тавриды» *). Въ 1769 г. возгорѣлась война съ Турціей. Отправившись добровольно на театръ военныхъ дѣйствій, Потемкинъ служилъ сначала подъ знаменами кн. Голицына, участвовалъ съ нимъ во взятіи Хотина, а затѣмъ—въ арміи генералъ-фельдмаршала гр. Румянцова, принявшаго отъ Голицына главное начальствованіе надъ всѣми войсками. Угадавъ, какая участь ожидаетъ Потемкина, Румянцовъ постоянно доставлялъ ему возможность выдѣляться и пожинать лавры. Всѣ выдающіяся битвы связаны съ именемъ Потемкина, особенно прославившагося въ качествѣ кавалерійскаго начальника. Произведенный за свои подвиги въ генералъ-поручики и награжденный орденомъ св. Георгія, онъ отправился въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ и членомъ Государственнаго Совѣта. Съ этого времени начинается особое возвышеніе Потемкина. Сначала онъ только пользовался довѣріемъ и милостью Государыни, не имѣя большого вліянія на государственныя дѣла, но съ теченіемъ времени значеніе его росло, и скоро онъ сталъ самымъ вліятельнымъ человѣкомъ, черезъ руки котораго проходили наиболѣе важныя государственныя бумаги. Въ 1775 г. могуще-

---

*) Такъ называлъ Потемкина поэтъ Державинъ.

ственный любимецъ Екатерины былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ завоеванныхъ у Турціи областей— Новороссійской, Азовской и Астраханской губ.—съ властью и правами Царскаго Намѣстника. Много заботъ приложилъ Потемкинъ къ этимъ южно-русскимъ областямъ, порученнымъ ему Императрицей. Онъ заселялъ пустынныя пространства колонистами, строилъ города Херсонъ, Екатеринославъ, Николаевъ, разводилъ лѣса и виноградники, учреждалъ фабрики и школы. Много способствовалъ онъ и мирному присоединенію Крыма къ Россіи въ 1783 г. Признательная ему Императрица въ 1784 г. пожаловала его президентомъ Военной коллегіи, съ чиномъ генералъ-фельдмаршала, екатеринославскимъ и таврическимъ генералъ-губернаторомъ и шефомъ Кавалергардскаго полка. Новое поле дѣятельности открылось съ этимъ назначеніемъ для изобрѣтательнаго ума Потемкина: онъ перемѣнилъ невыгодную и неудобную одежду русскихъ войскъ на простую куртку, покойные шаровары, полусапожки и удобную красивую каску, велѣлъ отрѣзать косы и бросить пудру; слѣдилъ за боевымъ обученіемъ войскъ и безпрестанно передвигалъ полки съ одного мѣста на другое, чтобы они въ мирное время не пріучились къ нѣгѣ. Въ Крыму, ввѣренномъ его попеченію, дикія степи превратились въ плодоносныя поля, гдѣ повсюду виднѣлись прекрасныя стада, благословенныя нивы, богатыя селенія, возвышались многолюдные города. Но наиболѣе важнымъ изъ его дѣлъ было созданіе Черноморскаго флота и военныхъ гаваней въ Севастополѣ и въ Херсонѣ. Въ 1787 г., по приглашенію Потемкина, Императрица Екатерина совершила путешествіе въ Крымъ. Это путешествіе превратилось въ торжество Потемкина, сумѣвшаго искусно скрыть всѣ слабыя стороны и выставить въ блестящемъ видѣ результаты своей дѣятельности. Херсонъ съ его крѣпостью вызвалъ удивленіе даже иностранныхъ представителей, бывшихъ въ свитѣ Императрицы. Самымъ же эффектнымъ зрѣлищемъ былъ Черноморскій флотъ— дѣтище Потемкина, представленный Императрицѣ на

Севастопольскомъ рейдѣ. При прощаніи съ Потемкинымъ Императрица наградила его титуломъ князя Таврическаго. Эта лихорадочная дѣятельность Потемкина и его знаменитый «греческій проектъ», заключавшійся въ изгнаніи турокъ изъ Европы и въ возстановленіи Византійской имперіи съ тѣмъ, чтобы во главѣ ея былъ поставленъ членъ русской Императорской Фамиліи, сильно встревожили Турцію. Подстрекаемые враждебными Россіи Пруссіей и Англіей, турки заключили нашего посла въ Семибашенный замокъ и предъявили Екатеринѣ II требованіе очистить отъ своихъ войскъ Крымъ. Въ отвѣтъ на это Императрица 9 сентября 1787 г. объявила Турціи войну. Устроителю Новороссіи пришлось взять на себя роль полководца. Кампанія началась не совсѣмъ удачно для русскихъ: жестокая буря застигла нашъ новый, еще не побывавшій въ сраженіи флотъ, и онъ сильно пострадалъ отъ нея. Потемкинъ упалъ духомъ. «Богъ бьетъ, а не люди», писалъ онъ Императрицѣ, «я при моей болѣзни пораженъ до крайности, нѣтъ ни ума, ни духу». Всегда твердая духомъ въ минуты опасности, Императрица отвѣчала ему: «Прошу ободриться и помнить, что бодрый духъ и неудачу поправить можетъ». Такимъ же ободряющимъ былъ ея отвѣтъ Потемкину и на его опасенія за судьбу выстроенной имъ крѣпости Кинбурнъ, которой угрожали турки. «Всякая потеря непріятна, писала Императрица, но положимъ, что и потеряемъ Кинбурнъ, такъ надо не унывать, а стараться, какъ ни на есть, отомстить. Имперія и безъ Кинбурна останется имперіей». Эти бодрыя письма Государыни и удачная защита Кинбурна Суворовымъ возвратили Потемкину его обычное присутствіе духа и смѣлую предпріимчивость. Начавъ дѣйствовать болѣе рѣшительно, онъ подступилъ къ Очакову и осадилъ его. Болѣе года, однако, длилась эта осада. Не хотѣлось Потемкину лишняго кровопролитія, думалъ онъ взять крѣпость измором, но невтерпежъ стало солдатамъ, и начали они просить главнокомандующаго скорѣе вести ихъ противъ «нечестиваго» города. Поддавшись

этимъ просьбамъ, Потемкинъ рѣшилъ наконецъ взять городъ приступомъ. Отслуживъ 6-го декабря 1788 г. молебенъ, русскіе въ 7 ч. утра начали штурмъ. Непріятель отчаянно защищался, но ни огонь его орудій, ни глубина рвовъ, ни высокіе валы и адскій гулъ взорванныхъ подкоповъ не остановили русскихъ воиновъ: они шли впередъ, опрокидывали все попадавшееся имъ по пути, и Очаковъ былъ взятъ. Награжденный за это дѣло орденомъ Георгія 1 ст., Потемкинъ получилъ приглашеніе явиться въ Петербургъ. Здѣсь его ждалъ блистательный пріемъ. Въ честь его устраивались празднества, одно великолѣпнѣе другого, а передъ отъѣздомъ его назадъ Государыня вручила ему сто тысячъ рублей, фельдмаршальскій жезлъ, украшенный брилліантами и обвитый богатымъ лавровымъ вѣнкомъ, орденъ св. Александра Невскаго и шесть милліоновъ руб. на продолженіе военныхъ дѣйствій. Побѣды при Галацѣ ген. Дерфельдена, при Фокшанахъ и подъ Рымникомъ Суворова, на рѣкѣ Салчѣ Репнина и сдача Бендеръ самому Потемкину ознаменовали кампанію 1789 г. Во время осады Бендеръ, когда Потемкинъ осматривалъ работы въ фельдмаршальскомъ мундирѣ и въ орденахъ, ядра не переставая свистѣли около него, одно даже упало въ нѣсколькихъ шагахъ и забросало его землей. «Турки цѣлятъ въ меня,—спокойно сказалъ онъ,—но Богъ защитникъ мой, Онъ отразилъ этотъ ударъ». И Богъ дѣйствительно хранилъ его. Взятіе Бендеръ довершило завоеваніе Молдавіи и большей части Бессарабіи. Расположивъ войска свои на зимнихъ квартирахъ, Потемкинъ отправился въ Яссы и вступилъ въ переговоры съ Турціей. Въ маѣ 1790 г. военныя дѣйствія возобновились, но пока сподвижники Потемкина поражали турокъ въ различныхъ сраженіяхъ, самъ онъ, мрачный и задумчивый, продолжалъ сидѣть въ Яссахъ, окруженный азіатской роскошью и толпой раболѣпныхъ прислужниковъ. Тоска и уныніе снѣдали его: до его слуха дошло, что у него явился соперникъ въ лицѣ графа Зубова. Въ январѣ 1791 г. онъ испросилъ позволеніе

явиться въ Петербургъ въ надеждѣ отдалить Зубова отъ Императрицы. Екатерина милостиво встрѣтила его, подарила ему Таврическій дворецъ, но расположенія своего къ Зубову не измѣнила. Глубокая печаль охватила Потемкина, привыкшаго къ власти и боявшагося потерять ее; давая блестящіе балы и удивляя жителей Невы своимъ великолѣпіемъ, онъ все откладывалъ свой отъѣздъ въ армію, на что-то какъ бы надѣясь, а между тѣмъ берега Дуная обагрялись кровью христіанъ и мусульманъ. Пока онъ такъ безполезно терялъ время, Репнинъ на голову разбилъ турецкую армію и подписалъ съ турецкими уполномоченными предварительный мирный договоръ. Возвратившись, наконецъ, 31-го іюня къ дѣйствующей арміи, Потемкинъ нашелъ этотъ договоръ несоотвѣтственнымъ достоинству Россіи, уничтожилъ его и, предписавъ Турціи тягостныя условія, сталъ вновь готовиться къ войнѣ. Между тѣмъ смерть уже невидимо витала надъ его головой. Въ это же время скончался въ Галацѣ принцъ Виртембергскій. Выходя изъ церкви, Потемкинъ, разсѣянный и измученный тоской, нечаянно, вмѣсто своихъ дрожекъ, сѣлъ на дроги, приговленныя для покойника. Суевѣрный, онъ принялъ это за мрачное предзнаменованіе, и тоска его усилилась еще болѣе. Скоро его дѣйствительно постигла лихорадка. Искусство медиковъ оставалось безуспѣшнымъ. Своенравный и не привыкшій беречься, Потемкинъ не исполнялъ предписаній врачей и быстро шелъ къ могилѣ. Внутренняя скорбь не давала ему покоя. 27 сентября, чувствуя приближеніе смерти, онъ пріобщился св. Таинъ, простился съ окружавшими его и велѣлъ отвезти себя въ свой любимый Николаевъ. 4-го октября 1791 г. его положили въ коляску и тронулись въ путь. Весь день онъ былъ довольно веселъ, но съ наступленіемъ ночи болѣзнь усилилась; несмотря на это въ 6 ч. утра онъ велѣлъ ѣхать дальше. Смертельная тоска вновь охватила его, онъ приказывалъ то останавливаться, то ѣхать далѣе и наконецъ на 38-ой верстѣ отъ Яссъ, въ 12-омъ часу ночи, онъ произнесъ слабымъ голо-

сомъ: «Будетъ. Теперь некуда ѣхать. Я умираю. Выньте меня изъ коляски, хочу умереть на полѣ». Его желаніе было исполнено. Такъ пролежалъ онъ ³/₄ часа съ умиленнымъ взглядомъ на небо, и въ 12 ч. тихо скончался. Ночью повезли его обратно въ Яссы, въ томъ же самомъ экипажѣ, окруженномъ факелами. Горько оплакала Императрица Екатерина кончину своего любимца, а необыкновенная обстановка смерти Потемкина вдохновила Державина написать слѣдующія строки:

Чей одръ—земля, кровъ—воздухъ синь,
Чертоги—вкругъ пустынны виды,
Не ты ли счастья, славы сынъ,
Великолѣпный князь Тавриды*),
Не ты ли съ высоты честей
Внезапно палъ среди полей.

Гробница Потемкина поставлена на катафалкѣ въ склепѣ, обитомъ черным бархатомъ и находящемся подъ алтаремъ соборной церкви воздвигнутаго имъ Херсона. Впослѣдствіи въ этомъ городѣ былъ сооруженъ ему колоссальный памятникъ, изваянный художникомъ Мартосомъ.

Разныя существовали мнѣнія о личности Потемкина; одни не желали признавать его достоинствъ и считали его злымъ геніемъ Императрицы, другіе,—въ томъ числѣ и сама Императрица,—называли его великимъ и геніальнымъ человѣкомъ. Во всякомъ случаѣ, это былъ одинъ изъ самыхъ недюжинныхъ сподвижниковъ Екатерининской эпохи, несомнѣнно весьма умный, способный, дѣятельный и энергичный, избалованный только судьбой, легко доставившей ему высокое положеніе. Его недостатки—расточительность, хвастовство, самообольщеніе и порой изнѣженность и пренебреженіе къ человѣческой жизни—были общими недостатками того времени, въ которое онъ жилъ, и очень сильно ставить ихъ ему въ вину нельзя. Заслуги же его

передъ потомствомъ несомнѣнны. Созданные имъ на югѣ Россіи города, особенно Екатеринославъ, и теперь принадлежатъ къ наиболѣе важнымъ населеннымъ пунктамъ нашего юга.

Генералиссимусъ князь Италійскій графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій (1730—1800).

Какой русскій не знаетъ Суворова, этого покрывшаго себя всесвѣтной славой «чудо-богатыря» родной земли, для котораго не существовало ни трудностей, ни преградъ, передъ которымъ все склонялось, подчиняясь его желѣзной волѣ, необыкновенной проницательности ума и какому-то особому обаянію, исходившему отъ всего его прямодушнаго и честнаго облика? Какой русскій, говоря о громкихъ подвигахъ и воинской доблести, съ гордостью не назоветъ это дорогое для Россіи имя Суворова? Кто, перебирая въ родной исторіи примѣры горячей любви къ родинѣ, высокаго служенія долгу и безусловной честности, съ торжествующей улыбкой удовлетворенія не остановится на этомъ же славномъ имени? Кто, наконецъ, вспоминая геніальныхъ русскихъ чудаковъ, поражавшихъ всѣхъ своей своеобразностью и остроуміемъ, не причислитъ къ нимъ въ первую голову Суворова и не откроетъ въ своей памяти цѣлый запасъ анекдотовъ, ярко обрисовывающихъ самобытный характеръ этого великаго душой и подвигами человѣка, который даже на самомъ верху своей немеркнущей славы никогда не переставалъ быть простымъ и прямодушнымъ солдатомъ-рубакой, спавшимъ на голой землѣ, встававшимъ до пѣтуховъ и не стѣсняясь рубившимъ всѣмъ правду-матку въ глаза, ни мало не считаясь съ тѣмъ,

стоитъ ли онъ у ступеней трона, или говоритъ съ равнымъ себѣ. Свыше ста лѣтъ прошло, какъ не стало этого славнаго сына Россіи, но имя его никѣмъ не забыто, и слава его попрежнему живетъ и будетъ жить въ сердцахъ русскихъ людей. Солдатскія пѣсни продолжаютъ пѣть объ его подвигахъ на поученіе юному, подростающему поколѣнію русскихъ воиновъ.

Родился А. В. Суворовъ въ Москвѣ 13-го ноября 1730 г. Отецъ его, небогатый новгородскій помѣщикъ, былъ крестникомъ Петра I и подъ старость дослужился до чина генерала. Будучи очень образованнымъ человѣкомъ, онъ самъ занялся воспитаніемъ своего сына и, видя его хилымъ и слабымъ, рѣшилъ готовить его къ гражданской службѣ. Но мальчикъ, хотя и болѣзненный, отличался необыкновенно живымъ характеромъ и проявлялъ большую склонность къ военному искусству. Мечтая о военной службѣ, онъ просьбой да лаской добился того, что отецъ записалъ его рядовымъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ. Въ 1745 г. онъ поступилъ на дѣйствительную службу, которую ревностно несъ въ теченіе 9 лѣтъ, и только въ 1754 г. произведенъ въ офицеры. Съ первыхъ же шаговъ офицерской службы онъ поражалъ товарищей своей удивительной исполнительностью по службѣ и замкнутымъ образомъ жизни. Душой преданный своему дѣлу, онъ все свободное время посвящалъ изученію подвиговъ великихъ полководцевъ міра, по преимуществу Александра Македонскаго и Юлія Цезаря, и, наконецъ, пришелъ къ убѣжденію, что для того, чтобы быть настоящимъ военнымъ, надо умѣть переносить всякія лишенія и невзгоды и выработать въ себѣ твердую волю, а для того, чтобы умѣть вести за собой солдатъ, надо близко подойти къ нимъ, сродниться съ ними душой, жить общей съ ними жизнью и научить ихъ вѣрить въ себя. Усвоивъ себѣ этотъ взглядъ, Суворовъ пронесъ его черезъ всю свою жизнь. Какъ простой солдатъ, онъ спалъ на соломѣ или на голой землѣ, вставалъ на зарѣ, подолгу простаивалъ на часахъ, самъ прошелъ всѣ солдатскія работы и

ѣлъ солдатскія же щи да кашу. Для того же чтобы закалить себя, онъ въ самый трескучій морозъ выскакивалъ босикомъ на снѣгъ, обливался ледяной водой, а въ жгучую жару уходилъ въ жарко натопленную баню и заставлялъ себя подолгу высиживать въ ней. Такъ пріучилъ онъ себя переносить всѣ лишенія и тяготы жизни и, работая съ солдатами, хорошо изучилъ ихъ языкъ и весь ихъ бытъ. Недоумѣвали сначала солдаты, на него глядя, чудакомъ его почитали, потомъ привыкли, а потомъ... и полюбили, да такъ полюбили, что въ огонь и воду готовы были за нимъ идти. Впервые выказалъ Суворовъ свои воинскія способности въ Семилѣтней войнѣ съ Пруссіей. Начальство замѣтило его, и, по окончаніи войны, ему дали командованіе полкомъ. Другіе командиры командовали полками только для виду, больше къ смотрамъ да парадамъ ихъ готовили, чѣмъ къ войнѣ. Суворовъ же свой полкъ иначе повелъ. Пройдя самъ суровую школу, онъ и солдатъ сталъ по-своему учить. Такъ зачастую онъ неожиданно поднималъ ихъ ночью и велъ верстъ на 30 походомъ, или, на ученьѣ, приводилъ ихъ къ рѣкѣ и заставлялъ переправляться. «Русскій солдатъ все долженъ знать и каждую минуту долженъ быть готовымъ къ войнѣ и ко всякимъ случайностямъ», говаривалъ онъ всегда въ такихъ случаяхъ, и солдаты, становившіеся сначала втупикъ, въ концѣ концовъ съ честью выходили изъ затрудненій, а потомъ и сами полюбили всѣ эти упражненія, на которыя такъ изобрѣтателенъ былъ ихъ командиръ, и наперерывъ старались проявить передъ нимъ свою сообразительность и ловкость. Въ 1773 г. началась война съ турками. Отправился на войну и Суворовъ со своимъ полкомъ. Командовавшій арміей Румянцовъ-Задунайскій поручилъ Суворову идти къ турецкой крѣпости Туртукаю и, остановившись около нея, слѣдить, чтобы турки изъ нея не вышли и не зашли русскимъ войскамъ въ тылъ. Суворовъ, подойдя къ Туртукаю и видя, что турки плохо стерегутъ его, напалъ на нихъ врасплохъ ночью, взялъ крѣпость и на слѣдующее утро, сознавая важность за-

нятаго имъ положенія и не винясь потому въ нарушеніи дисциплины, рапортовалъ Императрицѣ о своемъ подвигѣ стихами: «Слава Богу, слава Вамъ! Туртукай взятъ, и я тамъ». Разгнѣванный Румянцовъ хотѣлъ примѣнить къ нему всю строгость закона, т. е. подвергнуть его военному суду, но Екатерина Великая, со своимъ обычнымъ великодушіемъ и справедливостью, взглянула на это дѣло иначе и, написавъ на докладѣ Румянцова: «побѣдителей не судятъ», наградила Суворова орденомъ Георгія 2-й степени. Замѣтивъ съ тѣхъ поръ въ Суворовѣ способность талантливаго полководца, Императрица начала усиленно выдвигать его и поручала ему всѣ трудныя дѣла. Нужно ли было бунтовщика Емельяна Пугачева поймать, нужно ли было польскій мятежъ подавить, или споръ какой съ внѣшнимъ врагомъ оружіемъ порѣшить, всюду въ первую голову посылался Суворовъ и отовсюду онъ выходилъ побѣдителемъ, доставляя каждымъ своимъ выступленіемъ на полѣ брани торжество русскому оружію. 12 лѣтъ спустя послѣ первой турецкой войны Суворову вновь пришлось воевать съ турками. Небывалой славой покрылъ онъ себя въ эту войну. Одна за другой слѣдовали незабываемыя побѣды у Кинбурна, при Фокшанахъ, у Рымника (орденъ Св. Георгія 1-й степени), подъ Измаиломъ. Взятіе штурмомъ этой неприступной турецкой крѣпости, расположенной въ устьяхъ Дуная, было въ особенности изумительнымъ. Крѣпость эта была защищена тройнымъ рядомъ укрѣпленій, и войска въ ней было вдвое болѣе, чѣмъ у Суворова. Но Суворовъ, пріучивъ своихъ солдатъ къ приступу и высмотрѣвъ слабое мѣсто въ укрѣпленіяхъ, повелъ войска на штурмъ подъ прикрытіемъ ночи. Несмотря на всю свою неприступность и необыкновенную стойкость ожесточеннаго врага, крѣпость была взята, и турки поспѣшили заключить миръ. По воцареніи Павла I Суворовъ, этотъ величайшій изъ военныхъ геніевъ, прославившій своими побѣдами царствованіе Екатерины II, испыталъ горькую участь изгнанника. Совершенно не сочувствуя послѣдовав-

шимъ съ перемѣной царствованія военнымъ преобразованіямъ по прусскому образцу, онъ не скрывалъ этого несочувствія и съ присущей ему прямотой горячо отстаивалъ родную самобытность. Недовольный этимъ, Императоръ Павелъ уволилъ Суворова въ отставку и предписалъ ему безвыѣздно жить въ его нов-

Суворовская церковь въ С.-Петербургѣ (близъ Суворовскаго музея).

городскомъ имѣніи «Кончанскомъ». Безропотно принялъ это рѣшеніе Суворовъ, ни единымъ словомъ не выдалъ онъ своихъ нравственныхъ страданій и обиды и, возложивъ все свое упованіе на Бога, покорно поселился въ своей деревнѣ. Здѣсь онъ, по своему обыкновенію, велъ самый простой образъ жизни, пере-

ходя отъ серьезныхъ умственныхъ занятій къ чтенію Апостола и пѣнію на клиросѣ и даже къ играмъ съ деревенскими ребятишками. Его по-дѣтски чистая безъискусственная душа, ясные голубые глаза, дышавшіе всегда необыкновенной добротой и лаской, и изумительная изобрѣтательность на всевозможныя чудачества неотразимо влекли къ нему дѣтвору, и его зачастую можно было видѣть либо играющимъ съ ними въ солдатики, въ свайку или городки, либо разсказывающимъ имъ про свои походы, поучающимъ ихъ быть вѣрными своему долгу, повиноваться волѣ Божіей и чтить и слушаться Царя. Не переставая слѣдить въ своемъ изгнаніи за политическими событіями. Суворовъ ясно видѣлъ значеніе Наполеоновскихъ побѣдъ и часто съ сокрушеніемъ сердца говорилъ: «Пора, пора унять молодца, посмотрите, какъ онъ шагаетъ!» И дѣйствительно, круто приходилось Европѣ, ясно чувствовалось всѣми, что генію Наполеона нужно противопоставить другого генія... Вспомнили тогда союзныя державы о позабытомъ было русскомъ чудо-богатырѣ Суворовѣ. Вызвалъ его Императоръ Павелъ I, предоставивъ ему, съ согласія и даже по просьбѣ другихъ государствъ, предводительствованіе союзными и русскою арміями въ Италіи, сказалъ: «Иди, спасай Европу, веди войну, какъ умѣешь». Несказанно обрадованный призывомъ на службу, которую онъ такъ горячо любилъ, Суворовъ, слабый, хилый здоровьемъ, но сильный духомъ, еще разъ удивилъ міръ своими подвигами. Съ своей любимой поговоркой: «А ну, ребятушки, помилуй Богъ, впередъ!» онъ преодолѣвалъ всѣ препятствія, ястребомъ налеталъ на врага и дарилъ Европу цѣлымъ рядомъ блестящихъ побѣдъ. Одинъ за другимъ переходили въ руки союзниковъ укрѣпленные города. Суворова всюду встрѣчали восторженными оваціями. Всѣ европейскія державы воздавали должное генію нашего великаго полководца, всѣ изумлялись его подвигамъ, только одной Австріи были сильно не по сердцу лавры русскаго оружія. Рѣшивъ, что побѣды Суворова уже достаточно закрѣпили за союзни-

ками Италію, она издала распоряженіе о томъ, чтобы въ Италіи оставались одни австрійскія войска, русскія же должны были перейти въ Швейцарію, занятую французами. Въ Швейцаріи русскія войска оказались безъ союзниковъ—Австрія, вопреки уговору, отозвала оттуда всѣ свои войска. Положеніе русскихъ было отчаянное. Суворову пришлось вести свои войска на С.-Готардъ, хорошо охранявшійся французами. Несмотря на атаки съ ихъ стороны, несмотря на то, что нашимъ солдатамъ приходилось иногда карабкаться почти по отвѣснымъ скаламъ, безъ признаковъ тропинокъ, они, памятуя завѣтъ своего командира: «не жалѣя себя, думать лишь о спасеніи русской славы», все же добрались до снѣжныхъ вершинъ С.-Готарда. Спускъ съ горъ былъ еще труднѣе подъема, такъ какъ отличался своей крутизной, вслѣдствіе чего унесъ множество жертвъ. Одновременно съ этимъ Суворову почти безпрерывно приходилось биться съ французами. Здѣсь же онъ совершилъ свой безсмертный переходъ черезъ такъ называемый Чортовъ мостъ, возвышавшійся на 75 футовъ надъ пропастью. Положеніе его арміи было ужасно. Солдаты шли въ оборванной одеждѣ и босикомъ, были измучены продолжительнымъ походомъ и постоянными боями. Но, несмотря ни на что, Суворовъ одержалъ рядъ блестящихъ побѣдъ и пробрался къ Гларису, а оттуда въ Южную Германію. Императоръ Павелъ, понявъ тѣмъ временемъ недобросовѣстность и неблагодарность Австріи, порвалъ свой союзъ съ ней и отозвалъ свои войска въ Россію. За побѣды въ Италіи Суворову было дано званіе генералиссимуса, титулъ свѣтлѣйшаго князя Италійскаго и многія еще другія награды, но славному русскому вождю было уже не до нихъ. Возвращаясь въ Россію, въ Краковѣ Суворовъ заболѣлъ и, пріѣхавъ на родину, слегъ въ постель. Въ первыхъ числахъ мая 1800 г. его уже не стало. Похороненъ Суворовъ въ Александро-Невской лаврѣ. На его могилѣ лежитъ простая каменная плита, на которой, по его собственному желанію, выгравировано всего три слова: «Здѣсь

лежитъ Суворовъ». Глядя на эту скромную, маленькую надпись, полную такого огромнаго для каждаго

Могила Суворова въ Александро-Невской Лаврѣ въ С.-Петербургѣ.
На могильной плитѣ надпись: „Здѣсь лежитъ Суворовъ“.

русскаго значенія, невольно хочется вѣрить, что не перевелись еще на Руси богатыри, и не переведутся они. пока будетъ стоять Русская земля, пока будетъ

жива вѣра въ нее и любовь къ ея славѣ и благосостоянію. Императоръ Александръ I воздвигъ Суворову бронзовый памятникъ работы Козловскаго. Па-

Памятникъ Суворову въ С.-Петербургѣ.

мятникъ этотъ находится на Марсовомъ полѣ противъ Троицкаго моста и изображаетъ Суворова въ рыцарскихъ доспѣхахъ съ мечомъ и щитомъ въ рукахъ.

Слово высокопреосвященнаго Антонія, митрополита С.-Петербургскаго и Ладожскаго, у могилы Суворова, 5-го мая 1900 года.

У этой столѣтней могилы лежащаго здѣсь Суворова сердечно побуждаюсь сказать въ память его нѣсколько словъ.

Александро-Невская лавра благодаритъ Господа, судившаго ей хранить въ своихъ стѣнахъ, подъ сѣнію храма, священный прахъ Церкви вѣрнаго, отечеству преданнаго, славнаго сына святой Русской земли, великаго полководца А. В. Суворова. Въ его великомъ военномъ геніи, въ его свѣтломъ, привлекательномъ характерѣ отразились всѣ благородныя черты истинно храбраго, истинно мужественнаго человѣка. Я полагаю, что между храбростью, какъ такою, и тѣмъ, что мы называемъ мужествомъ, есть великое различіе. Самъ Суворовъ подчеркивалъ это различіе, когда говорилъ: «Солдату нужна отвага, офицеру—храбрость, военачальнику—мужество». Мужественному всегда свойственна храбрость, но не всякому храброму свойственно мужество. Есть храбрость темперамента, храбрость горячей крови и есть храбрость великаго духа. Есть храбрость хищническая и есть храбрость самоотверженная, святая, возвышенная. Эта-то, на святой основѣ созидающаяся, храбрость и есть всепобѣждающее мужество. Оно свойственно тому, въ чьемъ сердцѣ живетъ святая вѣра, кому невѣдомъ не только страхъ смерти, но въ комъ живетъ одно только бодрое чувство нескончаемой вѣчной жизни. Предъ взорами вѣрующаго исчезаетъ, какъ не существующая, темная и для обыкновенныхъ людей страшная бездна смерти: они созерцаютъ, напротивъ, одно только лучезарное сіяніе свѣта, блаженства и радости духа, возвышаемаго и укрѣпляемаго упованіемъ жизни вѣчной во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Здѣсь источникъ мужества. На такихъ основахъ покоилось оно и у великаго Суворова. И въ мирное время, и на войнѣ, и во всѣхъ обстоятельствахъ его жизни на первомъ мѣстѣ въ его мысли и чувствахъ были Богъ и святая вѣра. Его обыкновенными поговорками были: «Помилуй Богъ! Съ нами Богъ!» «Истинному герою», по его словамъ, «нужно любить вѣру». Предъ штурмомъ Измаила онъ далъ такой приказъ по войскамъ: «Сегодня молиться, завтра учиться, послѣзавтра—побѣда или смерть». Во время безпримѣрнаго перехода черезъ Альпы ему, усталому, изнеможенному, гостепріимные католическіе монахи предложили завтракъ. «Нѣтъ, сказалъ Суворовъ, надо прежде Богу помолиться; отслужите намъ молебенъ, а затѣмъ и въ трапезу». Итакъ, впереди всего у него всегда были Богъ, молитва и вѣра. Но во всей красотѣ сказались великія качества его души въ завѣщательныхъ строкахъ потомству его авто-

біографіи: «Всякое дѣло начинать съ благословеніемъ Божіимъ, до издыханія быть вѣрнымъ Государю и Отечеству, избѣгать роскоши, праздности, корыстолюбія и искать славы черезъ истину и добродѣтель». Здѣсь сказался весь Суворовъ, и здѣсь скрывалась тайна его великаго, всепобѣждающаго мужества.

Да будутъ же начертаны эти его драгоцѣнныя слова, какъ священное непобѣдимое знамя, въ сердцахъ всѣхъ православныхъ воиновъ побѣдоноснаго россійскаго воинства, и для всѣхъ вѣрноподданныхъ Царя русскаго; да будутъ они какъ святой завѣтъ нашего великаго полководца, вѣрнаго сына Церкви и славнаго героя святой Русской земли.

Вспоминая такія доблестныя качества Суворова у сей столѣтней его могилы, помолимся изъ глубины души, да упокоитъ его Господь въ селеніи праведныхъ и сотворитъ ему вѣчную память.

Слово протопресвитера военнаго и морского духовенства Желобовскаго на освященіи Суворовской церкви на Преображенскомъ плацу, 3-го мая 1900 г.

Привѣтствую васъ, христолюбивые воины, а съ вами и всѣхъ, здѣсь присутствующихъ богомольцевъ, съ обновленіемъ и освященіемъ храма, имѣющаго особое значеніе для каждаго россіянина, и паче всего для русскаго воина. Въ стѣнахъ этого скромнаго храма, назадъ тому сто лѣтъ, молился великій Суворовъ: подъ сѣнь сего молитвеннаго дома самъ онъ колокольнымъ звономъ созывалъ окрестныхъ жителей; здѣсь, въ стѣнахъ этихъ, онъ читалъ и пѣлъ на службахъ Божіихъ; здѣсь до сего дня сохранилось много священныхъ предметовъ, которые безмолвно, но краснорѣчиво вѣщаютъ, что Суворовъ—великій полководецъ—вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и великій христіанинъ.

Нашъ *Богъ нѣсть Богъ мертвыхъ, но живыхъ*, и для любви христіанской никто не умираетъ. И нашъ Суворовъ, для каждаго истинно-русскаго будетъ *въ память вѣчную*.

Многочисленные памятники, въ разныхъ мѣстахъ поставленные и нынѣ вновь воздвигаемые въ честь Суворова, изображаютъ его какъ непобѣдимаго героя: сей скромный храмъ, изъ глуши и запустѣнія перевезенный въ многолюдный градъ столичный и помѣщенный близъ разсадника высшаго военнаго просвѣщенія *), являетъ намъ его, какъ доблестнаго воина Царя Небеснаго. Этотъ храмъ,

*) Императорская Николаевская Военная академія.

по нашему разумѣнію, долженъ стоять выше всѣхъ иныхъ памятниковъ, долженъ быть вѣнцомъ ихъ.

Великій Суворовъ глубоко понималъ, какая могучая, несокрушимая сила кроется въ религіи: Церковь для него была мать — и питающая, и вразумляющая, и утѣшающая; въ минуты жизни трудныя (и у него онѣ были)—въ минуты жизни трудныя въ Церкви искалъ онъ поддержки и укрѣпленія, искалъ—и находилъ. Молитву домашнюю и церковную, праздники и уставы Божіи ставилъ онъ выше всего, и вѣрнымъ сыномъ Церкви былъ и въ деревнѣ, и въ столицѣ, и въ мирное, и въ бранное время.

Представители и вожди христолюбиваго всероссійскаго воинства! И сами вѣдайте, и меньшей братіи вѣщайте, что «религія есть основа и мужества, и честности, и доброты». Усердно прошу васъ, не забывайте «Суворовской церкви»: въ ней такъ много поучительнаго и назидательнаго. Весьма желательно, чтобы нижніе чины посѣщали иногда храмъ любимаго русскаго героя, своими глазами посмотрѣли святыя иконы, предъ коими колѣнопреклоненный молился Суворовъ, божественныя книги, которыя онъ читалъ, звоницу, на которой онъ звонилъ. Иное дѣло слышать, иное дѣло читать, и совсѣмъ иное—самому видѣть: Что видишь, то врѣзывается въ душу и глубоко, и надолго.

Суворовъ и словомъ и дѣломъ воспитывалъ въ войскахъ любовь къ Богу, Царю и Отечеству, и воины его были «чудо-богатыри». Будемъ твердо помнить и не забывать, что доколѣ вѣра въ Бога въ арміи крѣпка, дотолѣ она непобѣдима.

Генералъ-фельдмаршалъ князь Михаилъ Илларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій (1745—1813).

Михаилъ Илларіоновичъ Кутузовъ—сподвижникъ Румянцова, Суворова и Потемкина, незабвенный герой Отечественной войны. Родился онъ въ Петербургѣ 5 сентября 1745 г. Первыми его наставниками были отецъ, человѣкъ очень умный и развитой, и бабушка, теща отца. Хорошо подготовленный дома, онъ поступилъ въ артиллерійскую дворянскую школу, преобразованную впослѣдствіи въ кадетскій корпусъ. и за все время своего пребыванія въ ней былъ на

самомъ лучшемъ счету. 1 января 1761 г. онъ былъ произведенъ въ офицеры. Зоркій глазъ Императрицы Екатерины II, удивительно умѣвшей угадывать талантливыя личности и давать имъ ходъ, скоро замѣтилъ молодого Кутузова, и въ 1764 г. онъ былъ отправленъ въ Польшу въ дѣйствующую армію, гдѣ и выказалъ впервые свою воинскую доблесть. Съ началомъ первой турецкой войны Кутузовъ былъ переведенъ въ армію Румянцова и здѣсь, въ 1770 г., отличался въ сраженіяхъ при Рябой-Могилѣ, у Ларги и при Кагулѣ, а въ слѣдующемъ 1771 г. за подвиги въ бою при Попештахъ получилъ чинъ подполковника. Въ 1772 г. у него вышла по службѣ непріятность, на время прервавшая его блестящую карьеру. Живой, веселый, остроумный, онъ былъ всегда душой общества и нерѣдко потѣшалъ всѣхъ своей необыкновенной способностью къ подражанію. Такъ, однажды, подъ веселую руку, въ кругу своихъ товарищей онъ съ точностью скопировалъ манеры главнокомандующаго. Это дошло до свѣдѣнія Румянцова, и Кутузовъ, впавшій вслѣдствіе этого въ немилость, былъ переведенъ во вторую армію къ Долгорукому. Но и тутъ его храбрость и военныя дарованія не могли пройти незамѣченными, и вскорѣ онъ снова обратилъ на себя вниманіе. Такъ въ теченіе 1773 г. онъ удерживалъ турокъ со стороны Кинбурна, а въ 1774 г. отличился при взятіи турецкихъ окоповъ у деревни Алушта, при чемъ получилъ замѣчательную рану: пуля ударила ему въ лѣвый високъ и вылетѣла близъ праваго глаза. Совсѣмъ лишившись этого глаза, онъ долго и мучительно страдалъ; медики обрекли его даже на смерть, но крѣпкій организмъ выдержалъ, и Кутузовъ остался живъ. За это дѣло онъ былъ награжденъ Георгіемъ 4-ой степени и кромѣ того, такъ какъ здоровье его поправлялось очень туго, Императрица разрѣшила ему ѣхать лечиться заграницу за счетъ Ея Величества. Побывавъ въ Германіи, Англіи, Голландіи и Италіи и посѣтивъ тамъ разныхъ военныхъ знаменитостей, Кутузовъ въ 1776 г. возвратился

въ Россію и отправился на службу въ Крымъ. Главнокомандующіе—Суворовъ, а затѣмъ Потемкинъ—относились къ нему очень благосклонно, и онъ получилъ здѣсь рядъ наградъ. Открывшаяся въ 1787 г. вторая турецкая война принесла Кутузову новые боевые лавры. Уже въ слѣдующемъ году онъ отличился при штурмѣ Очакова, при чемъ опять былъ серьезно раненъ: пуля ударила ему въ щеку и вышла въ затылокъ. И на этотъ разъ не только уцѣлѣлъ Кутузовъ, но даже, скоро выздоровѣвъ, въ 1789 г. снова поражалъ турокъ въ цѣломъ рядѣ сраженій. «Судьба назначаетъ Кутузова къ чему-нибудь великому», сказалъ о немъ знаменитый въ то время медикъ Масотъ, «разъ онъ остался живъ послѣ двухъ ранъ, смертельныхъ по всѣмъ правиламъ медицинской науки». Мысль эта у всѣхъ была тогда на умѣ. Повторилъ ее и поэтъ Державинъ:

Смерть сквозь главу его промчалась,
Но жизнь его цѣла осталась,—
Самъ Богъ его на подвигъ блюлъ...

И дѣйствительно, много пришлось Кутузову послужить па пользу его родины. Въ 1790 г. онъ блистательно участвовалъ въ штурмѣ Измаила подъ начальствомъ Суворова, заслуживъ весьма лестный отзывъ о себѣ этого величайшаго изъ русскихъ полководцевъ. Ведя въ этомъ дѣлѣ одну изъ штурмовыхъ колоннъ, Кутузовъ послѣ неимовѣрныхъ усилій храбрости послалъ Суворову донесеніе о сомнительности успѣха и получилъ въ отвѣтъ, что Суворовъ жалуетъ его «измаильскимъ комендантомъ». Послѣ паденія Измаила, его новый «комендантъ» спросилъ у главнокомандующаго объясненія его страннаго отвѣта. «Помилуй Богъ, отвѣтилъ ему побѣдитель Измаила, «Суворовъ знаетъ Кутузова, а Кутузовъ знаетъ Суворова, и если бы Измаилъ не былъ взятъ, Суворовъ не остался бы въ живыхъ, и Кутузовъ тоже». — «Генералъ Кутузовъ», говорилъ онъ про него въ другой разъ, «шелъ у меня на лѣвомъ крылѣ, но былъ моей правой рукой». Столь же блистательно было его уча-

стіе и въ пораженіи турокъ при Мачинѣ. За эти подвиги Михаилъ Илларіоновичъ получилъ ордена св. Александра Невскаго и св. Георгія 3-й и 2-й ст. и чинъ генералъ-поручика. По заключеніи мира съ Турціей въ 1791 г. Кутузовъ вернулся въ Польшу, а съ 1793 г. по 1795 г. пробылъ посломъ въ Константинополѣ, оказавъ отечеству немаловажныя услуги и на этомъ новомъ для него поприщѣ. Основныя качества его характера—любезность, веселость и остроуміе, соединенныя со скрытностью и хитростью,—очень помогли ему при выполненіи возложеннаго на него порученія. Очаровавъ турецкихъ сановниковъ, онъ сохранилъ перевѣсъ русскаго вліянія въ Портѣ надъ вліяніемъ другихъ державъ. Съ 1795 г., по возвращеніи въ Россію, Кутузовъ успѣшно несъ одну за другой цѣлый рядъ отвѣтственныхъ должностей, всюду выказывая свои блестящія дарованія и неизмѣнно продолжая пользоваться милостями Императрицы Екатерины II. На его долю выпало провести съ Императрицей въ задушевной бесѣдѣ послѣдній ея вечеръ передъ кончиной. Воцарившійся вслѣдъ за Екатериной Императоръ Павелъ тоже облекъ Кутузова полной своей довѣренностью. Онъ отправилъ его посломъ въ Берлинъ; назначилъ начальникомъ русскихъ войскъ въ Голландію, когда Суворовъ сражался въ Альпахъ; ввѣрилъ ему войска, собранныя для похода въ Пруссію, и, горячо отзываясь всегда о своемъ любимцѣ, не разъ говаривалъ: «Пока есть такіе генералы, какъ Кутузовъ, Россія можетъ быть спокойна». Странная судьба заставила Кутузова и съ Императоромъ Павломъ провести въ бесѣдѣ вечеръ наканунѣ его смерти. Новыя награды и назначенія, посыпавшіяся на Кутузова съ восшествіемъ на престолъ Императора Александра, свидѣтельствовали о большомъ расположеніи къ нему и этого Государя, но тѣмъ не менѣе въ 1802 г. Кутузовъ, почувствовавъ ослабленіе здоровья отъ ранъ, подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ всѣхъ должностей и поселился въ своей деревнѣ, гдѣ пробылъ до 1805 г., когда война съ Франціей вновь

вызвала его на боевое поприще. Получивъ назначеніе командовать арміей, дѣйствовавшей въ союзѣ съ австрійцами, онъ отправился заграницу въ Браунау. и тамъ принялъ начальство надъ русскимъ корпусомъ. Положеніе дѣлъ скоро оказалось чрезвычайно серьезнымъ. Союзники-австрійцы неожиданно потерпѣли жестокое пораженіе—ихъ генералъ Маккъ съ 30-ти-тысячной арміей сдался Наполеону подъ Ульмомъ, и Кутузовъ, уже направлявшійся на соединеніе съ Маккомъ, узнавъ объ этомъ пораженіи, долженъ былъ спѣшно начать отступленіе къ Ольмюцу, для соединенія съ шедшими изъ Россіи войсками. Отступленіе это, выполненное съ удивительнымъ искусствомъ, занесено въ исторію наравнѣ съ знаменитыми побѣдами. Кутузовъ отступалъ съ 25-тысячной арміей передъ 150.000 французовъ, предводительствуемыхъ геніальнымъ Наполеономъ, не только безъ значительныхъ потерь, не только отбивая съ урономъ нападенія непріятеля, но даже нанося врагамъ частныя пораженія. Однако же, со взятіемъ французами Вѣны, казалось, что и русская армія должна будетъ или положить оружіе, или погибнуть. Счастье однако улыбнулось русскимъ, а Кутузовъ, умѣвшій сразу оцѣнивать всѣ неожиданно представлявшіяся ему выгоды положенія, не упустилъ его и, съ помощью своихъ дипломатическихъ способностей и своей хитрости, съ честью вышелъ изъ поставленной ему было ловушки. Недальновидный Мюратъ, предводительствовавшій французами и встрѣтившійся съ небольшимъ передовымъ отрядомъ кн. Багратіона, принялъ этотъ отрядъ за всю армію Кутузова и предложилъ трехдневное перемиріе, въ надеждѣ, что за это время къ нему подойдутъ отставшія по дорогѣ войска, съ помощью которыхъ онъ въ конецъ разобьетъ русскую армію. Увидѣвъ въ этомъ перемиріи единственную возможность спасенія, Кутузовъ, какъ бы сознаваясь въ безсиліи. вступилъ въ переговоры съ Мюратомъ. Умышленно задержавъ составленіе акта о перемиріи болѣе 20 часовъ, онъ провелъ тѣмъ временемъ, маскируясь незна-

чительнымъ отрядомъ Багратіона, свою армію впередъ на два перехода и тѣмъ спасъ ее отъ разгрома. Не погибъ и Багратіонъ, геройски принявшій натискъ обезумѣвшихъ отъ досады враговъ; его отрядъ штыками пробился у Шенграбена сквозь ряды французовъ и соединился съ Кутузовымъ. 8-го ноября окончилось это замѣчательное отступленіе—русскія арміи соединились. Послѣдовавшій вскорѣ затѣмъ знаменитый Аустерлицкій бой, въ которомъ арміи союзниковъ потерпѣли сильное пораженіе, былъ начатъ вопреки настояніямъ Кутузова, совѣтовавшаго подождать подкрѣпленія свѣжими силами. Въ этомъ сраженіи онъ получилъ еще одну рану въ лицо. Послѣ боя онъ повелъ армію на родину, гдѣ и былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 1 ст. Во второй кампаніи (1807 г.) Кутузовъ не участвовалъ. По волѣ Императора Александра, онъ былъ назначенъ сперва военнымъ губернаторомъ Кіева, потомъ посланъ въ помощники къ Прозоровскому, предводительствовавшему русской арміей на Дунаѣ, а вслѣдъ затѣмъ получилъ назначеніе генералъ-губернаторомъ въ Вильну. Отсюда въ 1811 г. ему пришлось снова отправиться на Дунай, и тамъ принять на себя главное начальство надъ дунайской арміей. Поднятые противъ насъ стараніями Наполеона турки, несмотря на блестящіе подвиги Багратіона и Каменскаго, упорствовали и ставили невозможныя условія мира. Въ эту критическую минуту Императоръ Александръ и рѣшилъ прибѣгнуть къ помощи Кутузова. Кутузовъ и на этотъ разъ оправдалъ его довѣріе. Удачнымъ сраженіемъ подъ Рущукомъ онъ заставилъ турокъ прекратить войну, а своей дипломатіей привелъ султана къ тому, что онъ подписалъ въ Бухарестѣ выгодный для Россіи миръ, по которому къ Россіи присоединялась Бессарабія. Этотъ миръ принесъ славному вождю титулъ «свѣтлѣйшаго князя». Довольный сознаніемъ этого послѣдняго своего подвига, Кутузовъ удалился въ деревню на отдыхъ. Между тѣмъ наступилъ роковой 1812 годъ. Задумавъ разгромить Россію, Наполеонъ собралъ громадныя силы и двинулся съ

ними въ походъ. Передъ такими силами, несмотря на всѣ достоинства русскихъ генераловъ, приходилось отступать, довольствуясь частными болѣе или менѣе важными успѣхами. Но это благоразумное отступленіе дѣйствовало угнетающе на народъ и войско. Видя противъ себя почти всю Европу, русскіе считали настоящую борьбу за борьбу православныхъ съ иновѣрцами и приписывали неудачи тому, что во главѣ дѣйствовавшей арміи стоялъ Барклай-де-Толли, не православный и не коренной русскій. Голосъ народа сталъ указывать на Кутузова, вернувшагося уже къ тому времени изъ деревни и избраннаго начальникомъ петербургскаго и московскаго ополченій, какъ на настоящаго національнаго вождя. Императоръ, самъ глубоко цѣня заслуги его, отозвался на желаніе народа и войска, и 8-го августа Мих. Ил. былъ назначенъ главнокомандующимъ всѣми регулярными войсками и ополченіями. Съ христіанскимъ смиреніемъ, какъ призваніе свыше, принялъ онъ повелѣніе Государя и 11 августа, прослушавъ напутственный молебенъ въ Казанскомъ соборѣ, выѣхалъ къ арміи. Шесть дней спустя онъ уже былъ въ виду Наполеоновскихъ полчищъ. По пути онъ узналъ объ уступкѣ Смоленска французамъ. «Ключъ къ Москвѣ взятъ!» съ грустью сказалъ онъ при этомъ. 17-го августа онъ прибылъ наконецъ къ арміи, занявшей уже позицію для генеральнаго сраженія при Царевѣ-Займищѣ. Восторженное ура русскихъ полковъ неудержимо понеслось ему навстрѣчу. Растроганный, Кутузовъ сталъ осматривать полки. Въ это время, неизвѣстно откуда взявшись, надъ его сѣдой головой взвился орелъ. Суевѣрный восторгъ охватилъ войска. Громкое, торжествующее «ура» снова прокатилось по рядамъ. Каждый видѣлъ въ этомъ событіи особый знакъ милости Всевышняго. «Пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ», радостно перекликались между собой солдаты, и разсказъ объ орлѣ съ быстротою молніи облетѣлъ всю Россію. Откликнулся на него и старикъ Державинъ и къ общему удовольствію увѣковѣчилъ его въ своихъ стихахъ:

Мужайся, съ Богомъ, князь Кутузовъ,
Коль надъ тобой взвился орелъ,
Ты вѣрно побѣдишь французовъ.

И, слагая эти строки въ своемъ сердцѣ, старикъ главнокомандующій, какъ и весь народъ, вѣрилъ, что Россія не погибнетъ, и что онъ своей старческой рукой отведетъ отъ нея эту гибель. Осмотрѣвъ Царево-Займище, Кутузовъ нашелъ позицію неудобной для боя и повелъ армію ближе къ Москвѣ, въ 108 верстахъ отъ которой онъ наконецъ занялъ знаменитую позицію при с. Бородино, гдѣ и произошелъ великій бой 26 августа 1812 г., длившійся цѣлый день, стоившій обѣимъ сторонамъ колоссальныхъ жертвъ и имѣвшій, какъ извѣстно, исходъ нерѣшительный. Послѣ сраженія русская армія продолжала отступать и наконецъ дошла до Москвы. 1-го сентября невдалекѣ отъ города былъ собранъ военный совѣтъ, для рѣшенія вопроса, отдавать ли первопрестольную столицу безъ боя или снова принять сраженіе подъ ея стѣнами. Голоса раздѣлились, рѣшающее слово было за Кутузовымъ. «Съ потерей Москвы не потеряна еще Россія; въ Москвѣ погибель непріятелю. Отвѣтственность на мнѣ, и я жертвую собой для блага отечества», сказалъ онъ и приказалъ отступать. Истинно русскому человѣку, каковъ былъ Кутузовъ, нелегко было такое рѣшеніе: всю ночь, послѣдовавшую за совѣтомъ, онъ провелъ безъ сна и нѣсколько разъ горько плакалъ, но это рѣшеніе было необходимо, оно должно было повести къ уничтоженію арміи врага. 2-го сентября русскія войска прошли Москву на Коломенскую дорогу, а слѣдовавшіе за ними по пятамъ французы вступили въ городъ. На другой день начались пожары—Москва загорѣлась въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и черезъ нѣсколько дней это была груда развалинъ. Между тѣмъ русскія войска перешли на старую Калужскую дорогу и укрѣпились при селѣ Тарутинѣ, въ 80 верстахъ отъ Москвы, выполняя этимъ въ первой его части геніальный планъ Кутузова прикрыть южныя хлѣбородныя губерніи. Оставалось выполнить вторую часть

плана—заставить непріятеля двинуться обратно по той же Смоленской дорогѣ, по которой онъ пришелъ, и гдѣ все было выжжено и разорено. И въ этой части планъ Кутузова удался въ совершенствѣ. Все вышло такъ, какъ онъ предвидѣлъ и хотѣлъ. Расположившаяся въ Москвѣ французская армія съ каждымъ лишнимъ днемъ терпѣвшая все большій и большій недостатокъ въ провіантѣ и фуражѣ, значительно разстроилась и изнурилась. Посланное Наполеономъ къ Кутузову посольство Лористона съ мирными предложеніями было гордо отвергнуто русскимъ вождемъ. «Передайте вашему Императору, что война только теперь начинается!»—спокойно отвѣтилъ послу Кутузовъ и вслѣдъ затѣмъ 6-го октября разбилъ французскій отрядъ, сунувшійся было подъ Тарутино. 12-го октября французы попробовали пробиться по Калужской дорогѣ, но были грозно встрѣчены русскими, а 22 октября понесли жестокое пораженіе подъ Вязьмой. Въ концѣ октября начались трескучіе морозы, и непривычная къ нимъ, жестоко страдавшая отъ холода, за неимѣніемъ теплыхъ одеждъ, французская армія, тѣснимая русскими, отступала сначала по старой Смоленской дорогѣ, а затѣмъ къ Березинѣ, оставляя по дорогѣ пушки, зарядные ящики, оружіе и тысячами сдаваясь въ плѣнъ. Русскіе шли по пятамъ за французами, нанося имъ пораженіе за пораженіемъ, и наконецъ 31 декабря 1812 г. въ Русской Землѣ не осталось ни одного непріятеля. Такъ свершилось то, о чемъ говоритъ потомству памятникъ на полѣ Тарутинской побѣды: «Пала Москва, но, опершись на Кутузова, устояла Россія». Въ награду за славные успѣхи Кутузовъ получилъ титулъ Смоленскаго, орденъ св. Георгія 1 ст. и алмазные знаки къ орд. св. Андрея Первозваннаго. 1-го января 1813 года Кутузовъ перешелъ Нѣманъ и вскорѣ занялъ Варшаву, а затѣмъ Познань. Императоръ прибылъ къ арміи, и она направилась къ Калишу, куда, по заключеніи союзнаго договора Россіи съ Пруссіей, пріѣхалъ и прусскій король. 5-го апрѣля въ Гайнау происходило совѣщаніе

союзныхъ монарховъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Кутузовъ присутствовалъ при этомъ совѣщаніи, но дни его уже были сочтены. Изъ Гайнау онъ отправился въ Бунцлау и тутъ заболѣлъ. Вскорѣ болѣзнь приняла опасный характеръ, и 16-го апрѣля 1813 г. не стало этого славнаго народнаго вождя, на склонѣ лѣтъ отведшаго страшную грозу отъ своей родины. Фельдмаршалъ скончался на 68-омъ году отъ рожденія. Императоръ Александръ I повелѣлъ отправить его прахъ для погребенія въ Петербургъ. Всю дорогу народъ встрѣчалъ печальное шествіе съ великимъ почетомъ, въ городахъ выпрягали лошадей и везли колесницу на себѣ. То же повторилось и въ Петербургѣ, 13-го іюня, въ день погребенія Кутузова въ Казанскомъ соборѣ. Тамъ, въ этомъ самомъ соборѣ, гдѣ молился онъ, идя на свой послѣдній подвигъ, находится и понынѣ, подъ сѣнью отбитыхъ имъ въ бояхъ съ врагомъ знаменъ, его скромная могила. Въ благоговѣйномъ раздумьѣ надъ этой дорогой русскому сердцу гробницей сложилъ нашъ великій поэтъ свои вдохновенныя строки:

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшей головой...
Все спитъ кругомъ; однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.
Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.
Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ русскій гласъ намъ издаетъ,
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Возвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
—Иди, спасай! Ты всталъ—и спасъ...

А. С. Пушкинъ.

Въ память Кутузова воздвигнутъ въ Петербургѣ, на Казанской площади, памятникъ работы скульптора Орловскаго.

Князь Михаилъ Богдановичъ Барклей-де-Толли (1761—1813).

Кн. М. Б. Барклай-де-Толли — русскій генералъ-фельдмаршалъ, одинъ изъ славныхъ героевъ Отечественной войны 1812 г. Родился онъ въ Лифляндіи въ 1761 г. Отецъ его, отставной поручикъ русской арміи, имѣлъ очень ограниченныя матеріальныя средства и врядъ ли бы могъ дать своему сыну приличное образованіе, если бы къ нему не пришелъ на помощь родной братъ его жены, бригадиръ фонъ-Вермеленъ. Не щадя издержекъ, дядя доставлялъ маленькому Барклаю лучшихъ учителей, лично слѣдилъ за его успѣхами и, по обычаю того времени, еще въ младенчествѣ записалъ его вахмистромъ въ Новотроицкій кирасирскій полкъ. Въ 1776 г. Барклай-де-Толли вступилъ въ дѣйствительную службу, а черезъ два года былъ уже произведенъ въ офицеры. Въ свободное отъ занятій время юноша, серьезный и любознательный, усердно продолжалъ заниматься наукой. Его выдающіяся способности были замѣчены начальникомъ лифляндской дивизіи генераломъ Паткулемъ, который и взялъ его себѣ въ адъютанты. Спустя нѣкоторое время, по рекомендаціи того же генерала Паткуля, Барклай-де-Толли былъ переведенъ въ Финляндскій егерскій корпусъ и, назначенный тутъ адъютантомъ къ принцу Ангальтъ-Бернбургскому, принялъ участіе въ 1788 г. въ осадѣ и взятіи приступомъ Очакова, а въ 1789 г. - въ пораженіи турокъ подъ Каушанами и при взятіи Аккермана и Бендеръ. За проявленное имъ въ этихъ сраженіяхъ «примѣрное мужество» онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-ой степени. Въ 1790 г. Барклай-де-Толли вмѣстѣ съ принцемъ Ангальтъ-Бернбургскимъ, отправился въ Финляндію, гдѣ въ то время шла война со шведами, а по окончаніи этой войны былъ переведенъ въ Спб. гренадерскій полкъ. Здѣсь,

командуя баталіономъ, онъ принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ поляковъ въ 1794 г. и за особыя отличія при взятіи штурмомъ укрѣпленій гор. Вильно и при истребленіи польскаго отряда близъ Гродны былъ награжденъ орд. св. Георгія 4 ст. Наступившее вслѣдъ затѣмъ затишье дало ему возможность выказать свои способности и въ качествѣ военнаго администратора: назначенный, въ чинѣ полковника, командиромъ 4-го егерскаго полка, онъ скоро привелъ его въ блестящее состояніе и въ награду за свои труды былъ произведенъ въ 1799 г. въ генералъ-маіоры. Но недолго продолжалась его мирная дѣятельность. Возгорѣвшаяся въ царствованіе Императора Александра I война съ Франціей снова вызвала Барклая-де-Толли на поле брани. Вновь потянулся цѣлый рядъ сраженій, связанныхъ съ его славнымъ именемъ. Съ 1805 по 1807 г. онъ почти сплошь находился въ безпрестанныхъ бояхъ съ непріятелемъ: онъ участвовалъ въ Аустерлицкомъ сраженіи, онъ отличался подъ Пултускомъ, онъ командовалъ арьергардомъ при отступленіи русской арміи къ Ландсбергу и Прейсишъ-Эйлау и далъ возможность сосредоточиться здѣсь русскимъ силамъ, исключительно на себѣ выдерживая напоръ почти всей арміи Наполеона. Раненый въ этомъ послѣднемъ сраженіи въ правую руку съ переломомъ кости, онъ принужденъ былъ удалиться изъ арміи, получивъ орденъ св. Георгія 3-й ст. и чинъ генералъ-лейтенанта. Въ 1808 г., когда началась шведская кампанія, онъ уже снова успѣшно командовалъ отдѣльнымъ отрядомъ, а въ 1809 г. совершилъ свой знаменитый переходъ черезъ Кваркенъ и завладѣлъ на шведскомъ берегу городомъ Умео. Этотъ безпримѣрный подвигъ является одной изъ самыхъ славныхъ страницъ русской военной исторіи. Получивъ предписаніе главнокомандующаго перейти изъ города Вазы Ботническій заливъ по льду черезъ Кваркенъ и овладѣть городомъ Умео, Барклай-де-Толли неустрашимо приступилъ къ выполненію этого труднаго и опаснаго порученія, и 8 марта въ 5 ч. утра повелъ ввѣренное

ему войско въ открытое море. Кваркенъ, съ его огромными полыньями и трещинами во льду, прикрытыми наносным снѣгомъ, уже самъ по себѣ представлялъ большую опасность и требовалъ неусыпнаго вниманія и громадной осторожности, жестокая же буря, свирѣпствовавшая въ это время, еще болѣе усугубляла трудность перехода. Солдатамъ приходилось то карабкаться по льдинамъ, то сворачивать ихъ на сторону, то выбиваться изъ глубокаго снѣга. Потъ градомъ катилъ по ихъ лицамъ отъ этихъ нечеловѣческихъ усилій, а рѣзкій и жгучій сѣверный вѣтеръ насквозь пронизывалъ ихъ, стѣснялъ дыханіе, мертвилъ тѣло и душу и наполнялъ ихъ ужасомъ передъ этой стихійной ледяной силой. Только примѣръ ихъ отважнаго полководца, неутомимо двигавшагося впередъ, подбодрялъ ихъ и придавалъ имъ силы. Послѣ изнурительнаго и томительнаго похода русскія войска оставили наконецъ Кваркенъ за собой и, выйдя 10 марта на твердую землю, быстро стали подвигаться къ городу Умео. Встрѣченные ими передовые шведскіе отряды при первомъ же столкновеніи дрогнули и отступили. Когда же русскій авангардъ находился всего въ одной верстѣ отъ Умео, къ нему прибылъ шведскій парламентеръ и объявилъ о желаніи вступить въ переговоры. Барклай-де-Толли съ достоинствомъ отвѣчалъ на это, что «войско русское не можетъ быть удержано въ своихъ успѣхахъ никакими предлогами, ни препятствіями, но если шведы желаютъ получить пощаду, то самъ генералъ долженъ немедленно явиться къ нему и объявить условія». Тогда прибылъ начальникъ шведскихъ войскъ и сталъ убѣдительно просить Барклая-де-Толли прекратить военныя дѣйствія, увѣряя, что вся Швеція желаетъ мира, что король, упорствовавшій въ войнѣ, лишился престола, а новый король преисполненъ самыхъ мирныхъ намѣреній. Печатные манифесты убѣдили Барклая-де-Толли въ правдивости словъ шведскаго военачальника и, хотя русскому вождю и легко было бы разбить растеряннаго непріятеля и покрыть себя громкой славой, онъ, не задумываясь, по-

жертвовалъ своимъ честолюбіемъ ради общей пользы и рѣшилъ достигнуть цѣли, ему предначертанной, безъ пролитія крови. По заключенному имъ со шведами условію, городъ Умео и вся Вестерботія, составлявшіе почти третью часть шведскаго королевства, были уступлены Россіи. Такимъ образомъ Барклай-де-Толли въ двое сутокъ прошелъ около 100 верстъ черезъ ледяныя громады и глубокіе снѣга, опрокинулъ непріятеля при первой встрѣчѣ и однимъ появленіемъ своимъ покорилъ цѣлую область. Въ награду за этотъ подвигъ онъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи и назначенъ главнокомандующимъ Финляндской арміи и генералъ-губернаторомъ новопріобрѣтенной Финляндіи. Недолго управлялъ онъ завоеванной страной, но все же своимъ правосудіемъ, строгой дисциплиной войскъ и заботами о благѣ всѣхъ сословій онъ успѣлъ снискать себѣ всеобщую любовь и уваженіе. 20 января 1810 г. Барклай-де-Толли былъ назначенъ военнымъ министромъ. Въ полной мѣрѣ оправдалъ онъ довѣріе къ нему Государя, возложившаго на него эту трудную и отвѣтственную обязанность. Со свойственными ему добросовѣстностью и предусмотрительностью онъ усиленно занялся улучшеніемъ частей своего обширнаго управленія. Предвидя близкій разрывъ съ Франціей, онъ усилилъ оборону крѣпостей Кіева и Риги, приступилъ къ сооруженію двухъ новыхъ крѣпостей въ Бобруйскѣ и въ Динабургѣ *), пополнилъ и увеличилъ военныя силы государства и съ точностью опредѣлилъ въ своемъ «Учрежденіи для управленія большою дѣйствующей арміей» права и обязанности всѣхъ чиновъ. Наступилъ 1812 г., и военный министръ выступилъ въ качествѣ главнокомандующаго. Собравъ огромныя (свыше 600,000 человѣкъ) и разноплеменныя полчища, значительно превосходившія силы русскихъ, Наполеонъ въ іюнѣ 1812 г. вторгся въ предѣлы Россіи. Россія была въ состояніи выставить на своихъ западныхъ границахъ всего лишь

---

*) Двинскѣ.

200.000 человѣкъ. Эти силы, сами по себѣ незначительныя для борьбы съ Наполеономъ, были раздѣлены на три арміи. Главная изъ нихъ, подъ предводительствомъ самого Барклая-де-Толли, была расположена въ Литвѣ на границѣ съ Пруссіей, вторая, совсѣмъ небольшая, ввѣренная кн. Багратіону, раскинулась на границахъ Варшавскаго герцогства, а третья—Тормасова—такая же незначительная—на границѣ съ Австріей. По переправѣ черезъ Нѣманъ Наполеонъ быстро двинулся впередъ, желая стать между первой и второй русскими арміями и разбить ихъ по частямъ. Понявъ это его намѣреніе и рѣшивъ воспрепятствовать ему въ приведеніи его въ исполненіе, Барклай-де-Толли задался цѣлью собрать обѣ арміи въ одно цѣлое и, соображаясь съ обстоятельствами, сталъ отступать передъ несоразмѣрно превосходными силами противника, нигдѣ не давая ему возможности достигнуть рѣшительнаго успѣха. Подъ Смоленскомъ обѣ наши арміи наконецъ соединились. Еще до соединенія армій Наполеонъ думалъ завладѣть этимъ городомъ, чтобы отрѣзать русскимъ сообщеніе съ Москвой, но планъ его былъ разрушенъ благодаря отчаянному сопротивленію генерала Невѣровскаго, задержавшаго французовъ подъ Краснымъ и давшаго такимъ образомъ возможность другому отряду—отряду Раевскаго—занять Смоленскъ и удержать его въ своихъ рукахъ до прихода обѣихъ армій. Защищать долѣе Смоленскъ съ его полуразрушенными стѣнами и противъ огромныхъ силъ непріятеля было уже неразсчетливо, и Барклай-де-Толли рѣшилъ отступить до Царева Займища и тамъ дать сраженіе. Между тѣмъ войска рвались въ бой и глухо роптали, подозрѣвая главнокомандующаго въ измѣнѣ. Недовольно имъ было и все русское общество, не понимавшее въ то время истиннаго положенія вещей. Слухъ объ измѣнѣ разрастался. Барклаю-де-Толли ставили въ вину его нерусское происхожденіе и громко говорили о необходимости, для успѣха дѣла, замѣнить его человѣкомъ съ русскимъ именемъ и русской душой. Государь внялъ этому ропоту, смѣнилъ Барклая-

де-Толли и, ко всеобщему удовольствію, назначилъ главнокомандующимъ Михаила Илларіоновича Голенищева-Кутузова. Прибывъ въ армію, новый главнокомандующій убѣдился на мѣстѣ въ правильности дѣйствій своего предшественника и нѣкоторое время продолжалъ отступленіе. Только ропотъ населенія и войска, а также и требованіе Императора заставили Кутузова дать наконецъ Наполеону 26 го августа знаменитую Бородинскую битву. Рѣдкій примѣръ самоотверженія явилъ здѣсь Барклай-де-Толли. Откинувъ въ сторону всякіе мелочные расчеты самолюбія и пламенно любя отечество, онъ, самъ бывшій главнокомандующимъ, скромно рѣшилъ, съ прежнимъ усердіемъ продолжать свою службу подъ начальствомъ другого. Командуя въ день Бородинскаго сраженія центромъ и правымъ крыломъ нашей арміи, среди ужасовъ и смерти. онъ удивлялъ всѣхъ своимъ хладнокровіемъ и присутствіемъ духа. Его искусныя распоряженія и беззавѣтная отвага много способствовали успѣху русскаго оружія и примирили съ нимъ въ этотъ день всю армію. Врядъ ли осталось въ центрѣ опасное мѣсто, гдѣ онъ лично не распоряжался бы, врядъ ли бы нашелся и полкъ, который не былъ ободренъ его словами или примѣромъ. Пять лошадей было ранено и убито подъ нимъ, а изъ его адъютантовъ немногіе уцѣлѣли. Велико было прежнее негодованіе противъ него, но Бородинская битва рѣшительно склонила всеобщее мнѣніе въ его пользу. Но все же единодушно воздававшаяся его безстрашію хвала не могла заглушить въ немъ горечи упрековъ, какими его осыпали прежде. Глубоко чувствовалъ онъ обиду и оскорбленіе и всей душой скорбѣлъ, что непріятельскій свинецъ не сразилъ его: немила уже была ему жизнь. На послѣдовавшемъ послѣ Бородина знаменитомъ военномъ совѣтѣ въ дер. Филяхъ онъ доказалъ невыгоды позиціи передъ Москвой и предложилъ отступить безъ боя. «Горестно оставлять столицу», говорилъ онъ, «но, если мы не лишимся мужества и будемъ дѣятельны, то овладѣніе Москвой приготовитъ гибель Наполеону». И

тутъ опять сошелся онъ во взглядахъ съ Кутузовымъ. Вскорѣ послѣ этого, награжденный за Бородино орденомъ св. Георгія 2-й ст., Барклай-де-Толли заболѣлъ, а въ Тарутинскомъ лагерѣ болѣзнь его настолько усилилась, что онъ долженъ былъ въ половинѣ сентября уѣхать изъ арміи. Получивъ отпускъ, онъ отправился въ Калугу, а оттуда въ свою деревню въ Лифляндіи. Неизмѣнно расположенный къ нему Императоръ Александръ сильно поддерживалъ въ немъ бодрость духа своими милостивыми письмами, а въ началѣ 1813 г., когда французы были уже изгнаны изъ Россіи, и война вновь была перенесена за границы нашего отечества, назначилъ его главнокомандующимъ 3-ей арміи. Сраженія подъ Бауценомъ, Кульмомъ и при Лейпцигѣ въ 1813 г. и взятіе Парижа въ 1814 г., гдѣ Барклай-де-Толли принималъ дѣятельное участіе и былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ одержанныхъ побѣдъ, доставили ему орденъ св. Георгія 1 ст., фельдмаршальскій жезлъ, графское и княжеское достоинства и не только окончательно примирили съ нимъ русское общество, но и заставили гордиться имъ. По возвращеніи въ Россію, главная квартира его арміи расположилась въ Могилевѣ-на-Днѣстрѣ. Тутъ Барклай-де-Толли ревностно принялся за усовершенствованіе всѣхъ частей ввѣренной ему арміи Безпрестанныя занятія еще болѣе разстроили его здоровье. Въ началѣ 1818 г. онъ испросилъ разрѣшеніе отправиться на германскія минеральныя воды, но, не доѣхавъ до мѣста, скончался 14 мая въ Инстербургѣ, близъ Кенигсберга. Похороненъ Барклай-де-Толли въ своемъ помѣстьѣ Бекгофъ въ Лифляндіи. Въ воспоминаніе великихъ подвиговъ фельдмаршала Императоръ Александръ повелѣлъ воздвигнуть ему памятникъ. Воля Государя была исполнена уже въ царствованіе Императора Николая. Памятникъ этотъ, работы Екимова по модели Орловскаго, красуется въ Петербургѣ на площади Казанскаго собора.

Князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ (1765—1812).

Имя кн. Багратіона—одно изъ тѣхъ незабываемыхъ именъ, которыми гордится нашъ русскій солдатъ, которыми славится наша родная исторія. Славный сподвижникъ Суворова и Кутузова, герой боя при Шенграбенѣ въ 1805 г., спасшій нашу отступавшую армію послѣ Аустерлица и снискавшій себѣ громкую славу въ 1812 г., онъ до сихъ поръ живетъ въ сознаніи нашей арміи, и, какъ въ былые дни, имя его съ уваженіемъ произносится во всѣхъ концахъ Россіи, гдѣ только умѣютъ любить и чтить своихъ родныхъ героевъ.

Потомокъ грузинскихъ царей, кн. П. И. Багратіонъ родился въ Кизлярѣ въ 1765 г. Дѣдъ его, царевичъ Александръ Іессеевичъ выѣхалъ въ Россію еще въ 1757 г. и служилъ подполковникомъ въ Кавказской дивизіи. По примѣру дѣда, П. И. тоже посвятилъ себя военному дѣлу и въ 1782 г., 17 лѣтъ отъ-роду, вступилъ сержантомъ въ Кавказскій мушкетерскій полкъ. Чуть-что не съ первыхъ же дней его пребыванія въ полку началась для него та непрерывная боевая жизнь, отдыха отъ которой онъ почти совсѣмъ не зналъ. Въ бояхъ, среди ихъ ужасовъ, тревоги и волненій окрѣпъ этотъ едва вышедшій изъ дѣтскихъ лѣтъ юноша-воинъ; въ бояхъ привыкъ онъ, грозный для враговъ, къ славѣ и геройству, въ бою же и сложилъ преждевременно свою удалую, горячую голову. Почти сплошь 1783, 1784, 1786 и 1790 г.г. провелъ онъ въ схваткахъ съ чеченцами, получивъ въ одной изъ нихъ тяжелую и серьезную рану. Въ 1788 г. ему пришлось кромѣ того принять участіе въ осадѣ и взятіи Очакова, а въ 1794 г., переведенный въ Софійскій карабинерный полкъ, онъ, подъ начальствомъ великаго Суворова, уже отличался почти во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ польскихъ конфедератовъ. Блестящій штурмъ Праги тоже не обошелся

безъ его участія: онъ успѣшно отбросилъ тутъ непріятельскую армію къ Вислѣ. Воинъ въ душѣ, одаренный громадными воинскими способностями, не знавшій на войнѣ усталости и всегда готовый идти въ самыя опасныя мѣста, Багратіонъ не могъ, конечно, не обратить на себя вниманіе Суворова и скоро сдѣлался любимцемъ этого чудо-богатыря Русской Земли. Въ 1798 г. онъ былъ назначенъ шефомъ 6-го егерскаго полка, а годъ спустя, въ чинѣ уже генералъ-маіора, выступилъ съ Суворовымъ же въ Итальянскій походъ. Какъ въ этомъ походѣ, такъ и въ послѣдовавшемъ за нимъ знаменитомъ переходѣ черезъ Альпы ему пришлось принять самое дѣятельное и блестящее участіе, ярко выказавшее его необыкновенныя боевыя способности; съ его именемъ скоро стали связывать битвы при Пуццоло, Бергамо, Требіи, Нови и мн. др. Суворовъ давалъ ему самыя отвѣтственныя порученія: гдѣ была наибольшая опасность, гдѣ требовались отвага и полная готовность жертвовать собой, туда посылался Багратіонъ. При вступленіи русскихъ войскъ въ Швейцарію, ему было поручено командованіе авангардомъ, и въ 7 дней, съ 14 по 20 сентября, онъ успѣлъ атаковать и отбросить французскія войска, занимавшія Сенъ-Готардъ, перейти Чортовъ мостъ и преслѣдовать противника до Люцернскаго озера, окружить и взять въ плѣнъ сильный французскій отрядъ въ долинѣ Муттенъ и, наконецъ, выдержать удачный бой у деревни Клопталь. Когда же русскія войска получили предписаніе отступить изъ Швейцаріи, Багратіону было ввѣрено командованіе арьергардомъ, прикрывавшимъ отъ непріятеля это отступленіе. По возвращеніи изъ этого похода, П. И. былъ назначенъ шефомъ л.-гв. егерскаго баталъона и дѣятельно занялся переформированіемъ его въ полкъ. Тѣмъ временемъ съ Запада Европы снова надвинулась грозная туча. Первый французскій консулъ Наполеонъ провозгласилъ себя императоромъ и рѣшилъ новыми войнами утвердить свою династію на французскомъ престолѣ, расширить предѣлы Фран-

ціи и пріобрѣсти первенствующее значеніе въ Европѣ. Тогда, незадолго передъ тѣмъ воцарившійся въ Россіи Императоръ Александръ, большой идеалистъ и мечтатель въ душѣ, задумалъ, во имя всеобщаго блага народовъ, смирить неукротимаго и безмѣрно честолюбиваго завоевателя и избавить Европу отъ безпрерывныхъ войнъ. Заключивъ союзъ съ Австріей и Англіей и съ помощью Швеціи, онъ объявилъ осенью 1805 г. войну Наполеону. Русскія войска, раздѣленныя на три корпуса, находились въ это время уже на границахъ Австріи и Пруссіи. Одинъ изъ этихъ корпусовъ, 50.000-ый, былъ ввѣренъ знаменитому вождю Михаилу Илларіоновичу Кутузову; въ этотъ же корпусъ былъ назначенъ и кн. Багратіонъ. 13 августа Кутузовъ двинулся на соединеніе съ австрійцами черезъ Моравію, два же другихъ корпуса Беннигсена и Буксгевдена—остались на границахъ Пруссіи. Тѣмъ временемъ расположившаяся подъ Ульмомъ и мирно ждавшая прибытія Кутузова 80.000-ая австрійская армія подверглась внезапному нападенію Наполеона и была не только разбита, но и почти уничтожена. Узнавъ объ этомъ разгромѣ австрійской арміи, Императоръ Александръ предписалъ Кутузову отойти въ Моравію для соединенія съ другими русскими корпусами. Наполеонъ же, справившись съ австрійцами, быстро повелъ свою армію на Кутузова. Положеніе русскихъ вскорѣ стало почти безвыходнымъ. Въ Кремсѣ лазутчикъ донесъ Кутузову, что французы, перейдя мостъ въ Вѣнѣ, усиленнымъ маршемъ идутъ на Цнаймъ, лежавшій на пути отступленія Кутузова впереди его болѣе чѣмъ на сто верстъ. Чтобы спасти армію, нужно было достигнуть Цнайма раньше французовъ, это было единственной возможностью избѣжать разгрома и позора, но предупредить французовъ со всей арміей и съ обозами было немыслимо: дорога французовъ отъ Вѣны до Цнайма была и короче и лучше, чѣмъ дорога русскихъ отъ Кремса до Цнайма. Но и изъ этого безвыходнаго положенія всегда находчивый Кутузовъ нашелъ выходъ: въ его умѣ

быстро созрѣлъ отчаянно-смѣлый планъ, и для приведенія его въ исполненіе онъ избралъ того, чьему мужеству онъ безгранично вѣрилъ,—онъ избралъ Багратіона. Пославъ его съ 5.000-мъ авангардомъ горами съ кремско-цнаймской дороги на вѣнско-цнаймскую, Кутузовъ предписалъ ему безостановочно пройти этотъ переходъ, постараться опередить французовъ, остановиться лицомъ къ Вѣнѣ и тыломъ къ Цнайму и тутъ задерживать движеніе французскихъ войскъ, насколько будетъ возможно. Самъ же Кутузовъ тѣмъ временемъ двинулся къ Цнайму со всѣми обозами. Пройдя безъ отдыха, въ бурную ночь, въ горахъ, безъ дороги, съ голодными и разутыми солдатами слишкомъ сорокъ пять верстъ, Багратіонъ вышелъ къ Голлабруну (Шенграбену) на вѣнско-цнаймскую дорогу нѣсколькими часами раньше французовъ, направлявшихся туда же со стороны Вѣны. Кутузову требовались еще цѣлыя сутки, чтобы достигнуть Цнайма, и потому, чтобы спасти армію, Багратіону не оставалось ничего иного, какъ съ 5.000 голодныхъ и измученныхъ солдатъ въ продолженіе сутокъ удерживать напоръ всей непріятельской арміи, подходившей къ Голлабруну (Шенграбену). Отчаянное положеніе этой горсти смѣльчаковъ было очевидно, и геній Багратіона не смогъ бы спасти его отряда, если бы не помогъ странный и счастливый случай. Предводительствовавшій французской арміей Мюратъ не разглядѣлъ стоявшаго передъ нимъ слабаго отряда Багратіона и принялъ его за всю армію Кутузова. Мечтая раздавить эту армію, Мюратъ, чтобы дѣйствовать навѣрняка, рѣшилъ подождать отставшія по дорогѣ изъ Вѣны войска и съ этой цѣлью предложилъ перемиріе на три дня съ тѣмъ, чтобы и тѣ и другія войска не измѣняли своихъ положеній и не трогались съ мѣста. Отвѣтивъ, что онъ не уполномоченъ лично рѣшить этотъ вопросъ, Багратіонъ донесъ о сдѣланномъ ему предложеніи Кутузову. Перемиріе являлось Кутузову какъ нельзя болѣе на руку, это была единственная и неожиданная возможность спасти армію, дать отдохнуть изму-

ченному отряду Багратіона и пропустить обозы и тяжести хотя одинъ лишній переходъ до Цнайма. Пославъ состоявшаго при немъ генералъ-адъютанта Винценгероде въ непріятельскій лагерь принять перемиріе и даже, больше того, предложить условія капитуляціи, Кутузовъ тѣмъ временемъ распорядился объ усиленіи движенія обозовъ всей арміи по кремско-цнаймской дорогѣ за спиной Багратіоновскаго отряда, который одинъ долженъ былъ, прикрывая это движеніе обозовъ и всей арміи, оставаться неподвижнымъ передъ въ 8 разъ сильнѣйшимъ его непріятелемъ. Ничуть не обманываясь насчетъ того, что эта его военная хитрость и ошибка Мюрата скоро откроются, Кутузовъ благословилъ Багратіона принять натискъ враговъ и погибнуть за честь отчизны. Твердо принялъ Багратіонъ это обреченіе его на смерть для спасенія товарищей, и когда, дѣйствительно, сразу понявшій хитрость Кутузова и взбѣшенный ею Наполеонъ со строгимъ выговоромъ приказалъ Мюрату не медля перейти въ нападеніе,—Кутузовъ уже былъ далеко, и яростную атаку непріятеля встрѣтилъ одинъ лишь ничтожный отрядъ Багратіона. Забывая о жизни и помня только о чести, Багратіонъ бился отчаянно, воодушевляя боготворившихъ его солдатъ своимъ личнымъ примѣромъ и присутствіемъ въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, а своихъ ближайшихъ подчиненныхъ полнымъ довѣріемъ къ ихъ мужеству и иниціативѣ. 8 часовъ длился этотъ кровавый бой; наконецъ, Багратіонъ, получивъ извѣстіе о томъ, что Кутузовъ уже въ Цнаймѣ, отступилъ, прорвался сквозь успѣвшій обойти его отрядъ Леграна и соединился съ Кутузовымъ въ Брюннѣ, куда привелъ съ собой даже нѣсколькихъ плѣнныхъ. Обрадованный и растроганный до слезъ Кутузовъ восторженно обнялъ своего достойнаго сподвижника, а вся армія съ благоговѣйнымъ изумленіемъ смотрѣла на героя и оставшуюся въ живыхъ горсть его непобѣдимыхъ солдатъ. Торжество Голлабруна смѣнилъ ужасъ Аустерлица. Ободренные подвигами Кутузова и Багратіона, союзники возгорѣ-

лись желаніемъ помѣряться силами съ Наполеономъ и, вопреки убѣжденіямъ Кутузова, возстававшаго противъ немедленнаго боя съ многочисленнымъ врагомъ, 20-го ноября 1805 г. произошла знаменитая Аустерлицкая битва, окончившаяся полнымъ разгромомъ союзниковъ. Днемъ тяжкихъ испытаній былъ этотъ бой для русскихъ. Руководимые своими героями-вождями, безстрашно шли наши солдаты въ сраженіе, и немногіе изъ нихъ уцѣлѣли. На долю князя Багратіона и тутъ выпала та же славная и трудная роль защитника нашей арміи при отступленіи. За эту войну онъ получилъ чинъ ген.-лейтенанта, орд. св. Георгія 2 ст. и командорскій крестъ ордена Маріи-Терезіи. Послѣ заключеннаго вслѣдъ за Аустерлицемъ Прессбургскаго мира Наполеонъ сталъ еще болѣе требовательнымъ и высокомѣрнымъ и своимъ поведеніемъ вызвалъ новую войну, длившуюся съ сентября 1806 до іюня 1807 г. И въ этой кампаніи Багратіонъ участвовалъ почти во всѣхъ сраженіяхъ, либо находясь въ авангардѣ и пролагая войскамъ путь къ побѣдѣ, либо командуя арьергардомъ и прикрывая ихъ своей грудью. Постоянно вступая въ бой первымъ и уходя изъ него послѣднимъ, онъ во всѣхъ тяжелыхъ и критическихъ положеніяхъ неизмѣнно обнаруживалъ ту же отвагу и распорядительность, съ которыми молва давно уже привыкла связывать его имя. Не успѣла закончиться эта кампанія, какъ Россіи уже пришлось вступить въ новую войну, войну со Швеціей. Нелегкою была и эта война: немало трудностей пришлось преодолѣвать нашимъ войскамъ въ борьбѣ не только съ людьми, но и съ самой сѣверной природой. Самымъ замѣчательнымъ эпизодомъ изъ этой войны, эпизодомъ, вызвавшимъ скорѣйшее заключеніе мира, явился небывалый въ исторіи зимній переходъ двухъ нашихъ отрядовъ черезъ Ботническій заливъ. Этимъ отчаяннымъ по смѣлости дѣломъ руководили—тотъ же кн. Багратіонъ и Барклай-де-Толли. Едва окончивъ походъ въ Швецію, Багратіонъ уже долженъ былъ отъ сѣверныхъ льдовъ спѣ-

шить на югъ, на Дунай, гдѣ онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ арміей, дѣйствовавшей противъ турокъ, поднятыхъ противъ насъ стараніями коварнаго Наполеона, уже задумывавшаго походъ противъ Россіи и стремившагося всячески обезсилить ее. Взятіе Мачина, Гирсова, Браилова и Измаила и пораженіе турокъ при Расеватѣ составили новую цѣпь подвиговъ Багратіона, но несмотря на это, частью изъ-за безуспѣшности предпринятой имъ осады Силистріи, гарнизонъ которой былъ равносиленъ его войскамъ, частью же изъ-за случайнаго недоразумѣнія, онъ навлекъ на себя неудовольствіе Государя и, награжденный орд. Андрея Первозваннаго, былъ замѣненъ въ 1810 г. Каменскимъ. Знаменитый и памятный для русскихъ 1812 г. снова выдвинулъ его и покрылъ неувядаемой славой. Съ честолюбивыми мечтами вторгся Наполеонъ въ Россію. «Иду на Москву», горделиво говорилъ онъ своимъ войскамъ, «и кончу все двумя-тремя битвами. Александръ на колѣняхъ будетъ просить мира». Увѣренность его оказалась преждевременной. Разсчитывая на превосходство своихъ силъ, на то, что за нимъ шла чуть-что не вся Европа, тогда какъ за Александромъ была только его Россія, Наполеонъ совсѣмъ забылъ, что его полчища шли, исполняя властолюбивыя мечты своего повелителя, воины же Александра стояли за родную землю, за вѣру свою, за могилы отцовъ, за колыбели дѣтей и за свободу отчизны, и каждый изъ нихъ съ восторгомъ повторялъ слова своего Царя: «Не положу меча моего, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ Русской Землѣ». Незначительныя въ сравненіи съ полчищами Наполеона русскія силы были раздѣлены на 3 арміи: 1-ая—Барклая-де-Толли, 2-ая Багратіона и 3-я—Тормасова. Назначеніе Багратіона главнокомандующимъ 2-ой арміи было встрѣчено всеобщимъ восторгомъ. Для русскаго общества онъ являлся человѣкомъ, съ именемъ котораго нераздѣльны были воспоминанія Очакова, Праги, Сенъ-Готарда, Шенграбена, Аустерлица, Кваркена и Браилова; для его ближай-

шихъ помощниковъ это былъ обходительный и заботливый начальникъ, строгій къ самому себѣ и умѣвшій достойно цѣнить усердіе и способности каждаго, допускавшій всѣхъ раздѣлять съ собой воинскіе труды и славу и считавшій за счастье выдѣлять заслуги своихъ подчиненныхъ; солдаты же видѣли въ немъ своего желаннаго отца-командира, умѣвшаго говорить съ ними понятнымъ для нихъ языкомъ, умѣвшаго воодушевлять ихъ и, когда нужно, отстоять ихъ интересы. Все это привело къ тому, что преданность войскъ Багратіону была безпредѣльная, когда же сдѣлалось извѣстнымъ знаменитое своей игрой словъ четверостишіе поэта-старика Державина:

Какъ ни великъ На-полѣ-онъ,
И хитръ, и быстръ, и твердъ во брани,
Но дрогнулъ, какъ простеръ лишь длани
Къ нему съ штыкомъ Богъ-рати-онъ...

оно съ восторгомъ стало передаваться изъ устъ въ уста, и каждому въ самой возможности такой игры словъ хотѣлось видѣть что-то пророческое, какъ бы залогъ несомнѣннаго успѣха въ будущемъ. Хорошо освѣдомленный о расположеніи русскихъ войскъ, Наполеонъ, переправившись черезъ Нѣманъ, быстро двинулся впередъ, рѣшивъ стать между первой и второй русскими арміями и разбить ихъ по частямъ. «Теперь Багратіонъ съ Барклаемъ уже болѣе не увидятся», съ обычной горделивой самоувѣренностью говорилъ онъ своимъ приближеннымъ, но оба русскіе вождя доказали ему опрометчивость его словъ. Среди поминутно грозившихъ имъ со всѣхъ сторонъ опасностей и ловушекъ, обѣ арміи, усиліями ихъ доблестныхъ полководцевъ, понявшихъ намѣреніе врага, соединились наконецъ въ Смоленскѣ. Тутъ возникъ вопросъ, кому быть главнымъ начальникомъ надъ всѣми войсками, такъ какъ Высочайшаго повелѣнія на это еще не послѣдовало. Багратіонъ былъ старше въ чинѣ, но Барклай-де-Толли пользовался особой довѣренностью Государя и, какъ военный министръ, былъ болѣе освѣдомленъ объ административной части войскъ, о томъ,

что было уже сдѣлано и что еще оставалось сдѣлать для обороны государства,—и, руководствуясь этими соображеніями, Багратіонъ подчинилъ себя Барклаю, не разъ бывавшему подъ его начальствомъ, и котораго онъ недолюбливалъ. Въ донесеніяхъ Государю оба они отдали другъ другу справедливость. Принявъ на себя главное командованіе войсками, осторожный Барклай-де-Толли, не видѣвшій смысла отстаивать долѣе полуразрушенный Смоленскъ, отдалъ приказъ отступать. Стономъ было встрѣчено повсюду это отступленіе. Далекое отъ театра военныхъ дѣйствій, русское общество негодовало, что наши «все отступаютъ и отступаютъ», а солдаты рвались въ бой и роптали. Роптал и Багратіонъ. Пылкій и рѣшительный, какъ ученикъ Суворова, онъ далеко не обладалъ той осторожностью, которою отличался Барклай-де-Толли, и вмѣстѣ съ солдатами мечталъ о боѣ. Хотѣлось вѣрить въ свои силы, хотѣлось поскорѣе проучить дерзкаго врага. Невѣроятнымъ казалось, чтобы Богъ не вступился за правду, не помогъ отстоять ее. И въ этомъ общемъ возбужденіи всѣ позабыли, что очень часто «Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ». Случилось это и съ Россіей: прежде, чѣмъ восторжествовать, ей еще суждено было пережить весь ужасъ Бородина и оставленія врагамъ Москвы. Внявъ всеобщему ропоту, Государь замѣнилъ Барклая-де-Толли Кутузовымъ, и 26 августа произошла такъ долго всѣми жданная знаменитая битва при Бородинѣ. Эта битва была лебединой пѣснью Багратіона. Командуя лѣвымъ крыломъ русской арміи, онъ цѣлый день геройски выдерживалъ яростныя атаки врага и ежеминутно находился подъ самымъ жестокимъ огнемъ. Здѣсь то и былъ положенъ конецъ его геройскимъ подвигамъ: осколокъ гранаты раздробилъ ему берцовую кость. Рана оказалась смертельной, и 12 сентября его не стало. Онъ скончался въ с. Симахъ, Владимірской губ., такъ и не дождавшись торжества Россіи надъ врагомъ, торжества, о которомъ онъ мечталъ со всей страстностью своего пылкаго сердца.

Похороненъ онъ былъ сперва въ томъ же с. Симахъ, а въ 1840 г. гробъ его торжественно перенесли и похоронили на Бородинскомъ полѣ.

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ (1777—1861).

А. П. Ермоловъ — извѣстный русскій генералъ, одинъ изъ героевъ Отечественной войны 1812 г., стяжавшій себѣ безсмертную славу въ лѣтописяхъ русской исторіи и своими подвигами на полѣ брани и своимъ мудрымъ десятилѣтнимъ управленіемъ Кавказа. Происходилъ А. П. изъ старинной, но небогатой дворянской фамиліи Орловской губерніи. Родился онъ въ Москвѣ 24 мая 1777 г. и первоначальное свое образованіе получилъ у двороваго служителя съ помощью букваря и рѣзной указки, расписанной синими фигурками. Вслѣдъ затѣмъ мальчикъ, еще совсѣмъ маленькимъ, былъ отданъ въ Московскій университетскій пансіонъ, а по переѣздѣ его родителей изъ Москвы попалъ въ Петербургъ къ знаменитому ученому математику того времени Лясковскому. Любознательный и пытливый по натурѣ, мальчикъ быстро завоевывалъ себѣ симпатіи своихъ наставниковъ и въ свою очередь горячо платилъ имъ тѣмъ же. Одаренный отъ природы большимъ умомъ и вполнѣ сознавая, насколько поверхностно и недостаточно полученное имъ образованіе, носившее какой-то случайный характеръ, А. П. всячески старался пополнить его и впослѣдствіи поражалъ современниковъ своей огромной начитанностью. По обычаю того времени, Ермоловъ еще въ малолѣтствѣ былъ записанъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ, куда и поступилъ, съ 14-лѣтняго возраста, на дѣйствительную службу сержантомъ. Произведенный затѣмъ въ офицеры, онъ служилъ въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку, а въ 1792 г., уже въ чинѣ капитана, послѣ

блестяще выдержаннаго имъ экзамена, былъ переведенъ въ артиллерію. Переживаемое Россіей время почти безпрерывныхъ войнъ скоро вызвало и его на поле брани. Его боевое поприще началось блистательно. Обнаруживавшій съ самаго юнаго возраста замѣчательныя воинскія способности, онъ при первомъ же его боевомъ крещеніи выказалъ всѣ качества отличнаго воина и явилъ собой рѣдкое сочетаніе высокаго мужества и энергіи съ большой проницательностью и неутомимой дѣятельностью. При такихъ большихъ данныхъ онъ, конечно, сразу же былъ замѣченъ великимъ Суворовымъ, изъ рукъ котораго и получилъ свой первый георгіевскій крестъ за знаменитый штурмъ Праги. Это счастливое начало, казалось, предвѣщало юношѣ громкую славу въ будущемъ, но случайное и обидное недоразумѣніе остановило блестящій ходъ его карьеры и надолго оттѣснило его на задній планъ, выбраться откуда на подобающее ему мѣсто Ермолову стоило немалыхъ трудовъ. Въ 1798 г. изъ-за какого то доноса на его своднаго брата Ермоловъ подвергся внезапной и неожиданной для него опалѣ и былъ сперва заключенъ въ крѣпость, а затѣмъ сосланъ на жительство въ Костромскую губернію. Эта ссылка, совсѣмъ не заслуженная и обидная, помѣшала ему участвовать въ итальянской кампаніи и взять еще нѣсколько уроковъ у такого геніальнаго учителя, какимъ былъ Суворовъ. Недоумѣвая, чѣмъ онъ, провинился, и томясь необходимостью бездѣйствія, А. П. рѣшилъ все-таки—въ ожиданіи лучшихъ дней—не терять времени даромъ и усиленно занялся основательнымъ изученіемъ латинскаго языка и переводомъ подвиговъ Юлія Цезаря. Съ воцареніемъ Императора Александра I ссылка Ермолова окончилась, и онъ, хотя и обойденный въ чинѣ, снова былъ зачисленъ на службу и принялъ дѣятельное участіе въ кампаніяхъ 1805—6 и 7 гг. Незамѣтное положеніе, занятое имъ, и судьба-мачеха не дали ему возможности, совершивъ этотъ рядъ кампаній, самому одержать большія побѣды, но выказанныя имъ въ самые критическіе моменты этихъ

войнѣ необыкновенная отвага, рѣшительность, проницательность и умѣніе увлекать за собой тысячи людей, не разъ спасая наши арміи отъ гибели, составили ему завидную репутацію и пріобрѣли большое довѣріе начальства и колоссальную любовь солдатъ. Стоило ввѣренной ему артиллерійской ротѣ выѣхать на позицію, а въ особенности появиться ему самому, какъ окружавшія его войска пріободрялись, и солдаты привѣтствовали его восторженными криками. «Напрасно французъ горячку поретъ», громко перекрикивались они, «Ермоловъ за себя постоитъ». За эти кампаніи онъ получилъ: за сраженіе при Голыминѣ золотую шпагу съ надписью «за храбрость», при Прейсишъ-Эйлау— св. Владиміра 3 ст. и при Гейльсбергѣ—алмазные знаки св. Анны 2 кл. Кромѣ всего этого Ермоловъ, несмотря на свой малый чинъ, удостоился безпримѣрной въ царствованіе Императора Александра I награды— весьма милостиваго рескрипта Государя, препроводившаго ему 1000 руб. для награжденія нижнихъ чиновъ его роты, которой къ тому же были пожалованы въ знакъ отличія особыя нашивки на мундиры. Все это, однако, не могло смягчить тѣхъ обидъ, которыя приходилось переживать Ермолову изъ-за отсталости его въ чинахъ: всѣ младшіе его по службѣ давно уже опередили его и дѣлались его начальниками, ему же каждое отличіе доставалось съ громаднымъ трудомъ. Только въ 1808 г. былъ онъ произведенъ въ генералъ-маіоры, и съ этого времени началось нѣкоторое улучшеніе въ его служебной карьерѣ. Въ 1810 г. послѣдовало назначеніе его командиромъ артиллерійской бригады, а въ 1812 г.—дивизіоннымъ гвардіи начальникомъ, съ началомъ же военныхъ дѣйствій на него была возложена должность начальника главнаго штаба 1-ой арміи, ввѣренной Барклаю-де-Толли. Большія услуги оказалъ Ермоловъ отечеству въ этой трудной и отвѣтственной роли. Движимый громадной и безкорыстной любовью къ родинѣ и обладая необыкновенной способностью сразу схватывать всю сущность дѣла и ясно соображать вытекающія изъ того или иного

положенія послѣдствія, онъ со свойственной ему прямотой, рѣзко подчасъ, высказывалъ свои взгляды, горячо и смѣло отстаивалъ ихъ и не разъ предупреждалъ гибельныя для русскихъ армій рѣшенія ихъ предводителей. Такъ его стараніями было отмѣнено назначенное было Барклаемъ сраженіе близъ Витебска на крайне невыгодной позиціи и съ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ, сраженіе, которое грозило 1-ой арміи жестокимъ и безполезнымъ пораженіемъ и могло вызвать бѣдственныя послѣдствія для нашего отечества. Его же усиліями и остроумной изобрѣтательностью поддерживались и добрыя отношенія между предводителями нашихъ двухъ армій, между Барклаемъ-де-Толли и Багратіономъ, очень недолюбливавшими другъ друга. Методичный и осторожный Барклай, видя необходимость соединенія армій, считалъ единственнымъ средствомъ къ этому соединенію отступленіе, пылкій и рѣшительный Багратіонъ, какъ питомецъ Суворова, являлся заклятымъ врагомъ всякаго отступленія, возмущался нерѣшительностью Барклая, мечталъ о боѣ и, въ отчаяніи отъ необходимости убѣгать отъ непріятеля, готовъ былъ сложить съ себя званіе главнокомандующаго 2-ой арміи. Отлично сознавая, какъ пагубно можетъ отозваться эта распря между вождями на общемъ дѣлѣ, Ермоловъ, вынужденный случайными обстоятельствами быть посредникомъ въ сношеніяхъ главнокомандующихъ, прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы примирить ихъ другъ съ другомъ. Близъ Смоленска, уже будучи увѣреннымъ въ соединеніи обѣихъ армій, Барклай, поддаваясь съ одной стороны общему стремленію въ бой, а съ другой опасаясь, какъ бы, при личномъ свиданіи съ Багратіономъ, у нихъ не вышло недоразумѣній изъ-за главнокомандованія, рѣшилъ, до полученія Высочайшаго на то распоряженія, идти съ 1-й арміей къ городу Бѣлому, а 2-ю направить по Московской дорогѣ, упустивъ совсѣмъ изъ виду, что 2-я армія, усталая и обезсиленная перенесенными ею опасностями и длинными переходами, будучи предоставлена самой себѣ, не могла избѣжать

пораженія. Ужаснувшись этой мысли, Ермоловъ въ горячихъ и вдохновенныхъ словахъ доказалъ Барклаю невозможность этого плана и заключилъ свою рѣзкую рѣчь слѣдующимъ восклицаніемъ: «Вы не смѣете этого сдѣлать, ваше высокопревосходительство, вы должны соединиться съ кн. Багратіономъ, составить общій планъ дѣйствій и тѣмъ исполнить волю Государя, чтобы Россія не имѣла права упрекнуть васъ». Терпѣливо выслушавшій это возраженіе, Барклай убѣдился въ справедливости приведенныхъ ему доводовъ и отказался отъ своего намѣренія. Багратіону же, который его очень любилъ и цѣнилъ, Ермоловъ тѣмъ временемъ писалъ рядъ писемъ, убѣждая его именемъ Бога и отечества не подавать поводовъ къ несогласіямъ, не отказываться отъ командованія арміей и исполнять приказанія Барклая, терпѣливо ожидая назначенія новаго главнокомандующаго, о чемъ уже ходили упорные слухи. Когда же, по соединеніи армій въ Смоленскѣ, Ермолову пришлось передавать кн. Багратіону приказанія Барклая и наоборотъ—Барклаю донесенія Багратіона, онъ, насколько возможно, смягчалъ ихъ рѣзкія выраженія и добился того, что Барклай, выслушивая отъ Ермолова донесенія Багратіона, нерѣдко говорилъ: «я и не думалъ, что съ вашимъ княземъ можно служить съ такой пріятностью», князь же Багратіонъ въ свою очередь много разъ высказывалъ Ермолову, что онъ и не ожидалъ найти въ Барклаѣ столько хорошаго, сколько онъ нашелъ въ немъ. Замѣна Барклая Кутузовымъ прекратила эти дипломатическія уловки Ермолова, и скромная роль примирителя смѣнилась славной ролью героя Бородинской битвы. Этотъ памятный для русскихъ день Бородина далъ Ермолову возможность во всей силѣ проявить его беззавѣтную отвагу. быстроту соображенія и смѣлую рѣшительность. Получивъ извѣстіе о ранѣ кн. Багратіона и о томъ, что 2-я армія въ замѣшательствѣ, Кутузовъ послалъ туда Ермолова ободрить войска и привести ихъ въ порядокъ. Ермоловъ, приказавъ храброму полковнику Никитину взять 3 конныхъ артиллерійскихъ роты и не терять его изъ

виду, быстро отправился во 2-ю армію. Слѣдуя полемъ, онъ замѣтилъ на редутѣ Раевскаго большое смятеніе: редутомъ овладѣли французы. Зная, какъ велико было значеніе этого редута, господствовавшаго надъ всѣмъ полемъ сраженія и справедливо называвшагося «ключомъ позиціи», Ермоловъ рѣшилъ выбить оттуда непріятеля. Отдавъ Никитину приказъ поворотить къ редуту, онъ ударилъ сборъ и мужественно повелъ свой небольшой отрядъ въ атаку. Къ нему присоединились находившійся тутъ батальонъ Уфимскаго полка и вся свита Барклая, и не прошло и 1/4 часа, какъ редутъ былъ отбитъ. 3 часа стойко удерживалъ Ермоловъ редутъ за собой, несмотря на свои малыя силы, наконецъ къ нему подошла 24-ая дивизія, которой онъ и сдалъ охрану редута, самъ же, сильно контуженный картечью въ шею и мучимый невыносимой болью, принужденъ былъ удалиться съ поля сраженія. Принимая затѣмъ участіе и во всѣхъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ, Ермоловъ неизмѣнно повсюду проявлялъ все ту же отвагу, ту же находчивость и самостоятельность и, превосходно оцѣнивая своимъ орлинымъ взглядомъ всѣ обстоятельства и положенія, во многихъ важныхъ случаяхъ являлся ангеломъ-хранителемъ русскихъ войскъ и чести русскаго оружія. Съ перенесеніемъ военныхъ операцій заграницу, Ермоловъ и тамъ продолжалъ свою плодотворную дѣятельность. За бой у Парижа онъ былъ награжденъ орд. св. Георгія 2 ст. Орденъ этотъ возложилъ на него самъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ. 24 мая 1816 г. послѣдовало назначеніе Ермолова главноуправляющимъ Грузіи и командиромъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса. Съ этимъ назначеніемъ начинается новый, богатый блестящими послѣдствіями періодъ русскаго владычества въ краѣ. Убѣжденный противникъ прежней системы въ отношеніи горцевъ, сводившейся къ задабриванію ихъ подарками и къ подкупамъ, Ермоловъ представилъ Императору Александру I свой планъ дѣйствій на Кавказѣ, который и былъ одобренъ Государемъ. Планъ этотъ являлся естественнымъ слѣдствіемъ внутренняго

склада самого Ермолова: прямой, сильный волей, строготребовательный, но всегда справедливый и, когда слѣдовало, великодушный, онъ ненавидѣлъ всякую неустойчивость и съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности на Кавказѣ проявилъ мужественно-неуклонную твердость. Былые подарки и подкупы смѣнились строгими наказаніями и суровыми, доходившими иногда до жестокости, но неизмѣнно соединенными съ правосудіемъ и великодушіемъ мѣрами. До Ермолова стремились къ временному, непрочному миру, онъ поставилъ себѣ цѣлью—полную побѣду, полное покореніе враждебныхъ Россіи народовъ. Признавъ невозможнымъ покорить Кавказъ однимъ ударомъ, онъ рѣшилъ добиться этого постепенно. «Кавказъ,—говорилъ онъ,—это громадная естественная крѣпость, защищаемая полумилліоннымъ гарнизономъ. Штурмъ ея будетъ стоить дорого, такъ поведемъ осаду». И вотъ онъ повелъ эту осаду. Съ 1818 г. онъ предпринялъ цѣлый рядъ военныхъ операцій въ Чечнѣ, Дагестанѣ и на Кубани, сопровождавшихся постройкой новыхъ крѣпостей, навелъ этимъ сильный страхъ на горцевъ, подавилъ безпорядки, возникшіе въ Имеретіи, Гуріи и Мингреліи, и присоединилъ къ русскимъ владѣніямъ Абхазію и ханства Ширванское и Карабагское. Гражданское управленіе краемъ обнаружило въ Ермоловѣ недюжинныя способности администратора и государственнаго человѣка. Поощреніемъ торговли и промышленности онъ увеличилъ благосостояніе края, при мѣстныхъ минеральныхъ водахъ имъ были организованы лечебныя учрежденія, значительно улучшена Военно-грузинская дорога. Его же стараніями стали привлекаться на службу на Кавказъ даровитые и образованные люди. 10 лѣтъ управлялъ онъ Кавказомъ и за это время сдѣлалъ все, чтобы закрѣпить Кавказъ за Россіей и дать кавказскому солдату ту силу нравственнаго духа, которою отличаются кавказскія войска и понынѣ. Въ 1826 г. началась Персидская война. Закончивъ кампанію этого года двумя побѣдоносными сраженіями подъ Шамхоромъ и Елисавет-

полемъ, Ермоловъ въ мартѣ 1827 г. вышелъ въ отставку, покинулъ Кавказъ и совсѣмъ удалился отъ дѣлъ. Съ грустью разставались съ нимъ войска, привыкшія восторженно привѣтствовать каждое его появленіе, и тутъ, какъ и вездѣ, онъ сумѣлъ вызвать въ своихъ подчиненныхъ глубокое уваженіе, безграничную преданность и громадную любовь къ себѣ. Имя его было настолько обаятельно на Кавказѣ, что когда, много лѣтъ уже спустя послѣ его ухода оттуда, плѣннаго Шамиля спросили въ Москвѣ, что онъ желаетъ видѣть, онъ отвѣчалъ: «Прежде всего Ермолова». И было на что посмотрѣть. Громадный ростомъ, съ головой, вооруженной небольшими, но проницательными и быстрыми глазами и украшенной сѣдыми въ безпорядкѣ лежавшими волосами, придававшими ей необыкновенное сходство съ головой льва, Ермоловъ, величественный и вмѣстѣ съ тѣмъ привѣтливый, и въ глубокой старости производилъ неотразимое впечатлѣніе. Скончался онъ въ Москвѣ 12 апрѣля 1861 г. Прахъ его похороненъ въ Орлѣ, въ особомъ придѣлѣ Троицкокладбищенской церкви. Надъ гробницей его неугасимо теплится чугунная лампадка съ простой, но много говорящей надписью: «служащіе на Гунибѣ кавказскіе солдаты». До сихъ поръ на Кавказѣ тщательно сохраняется въ городѣ Грозномъ землянка Ермолова. У входа въ эту землянку поставленъ колоссальный бронзовый бюстъ Ермолова, а на воротахъ желѣзной рѣшетки сдѣлана короткая, но дорогая кавказцамъ по воспоминаніямъ надпись: «Здѣсь жилъ Ермоловъ». Для увѣковѣченія его имени Владикавказскому полку Высочайше повелѣно въ 1891 г. именоваться впредь 152-мъ пѣхотнымъ Владикавказскимъ генерала Ермолова полкомъ.

Онъ старъ, онъ сѣдъ...

Алексѣю Петровичу Ермолову.

Онъ старъ, онъ сѣдъ... но какъ прекрасенъ!..
Какимъ огнемъ глаза горятъ!
Какъ проницателенъ и ясенъ,
Какъ смѣлъ его орлиный взглядъ!...
Какъ разговоръ его блистаетъ
Любезностью, умомъ живымъ;
Какъ онъ довѣріе внушаетъ
Привѣтомъ ласковымъ своимъ!
Какъ Провидѣнье надѣлило
Его и сердцемъ и душой!
Какъ онъ кокетничаетъ мило
Своею славной сѣдиной!..
Онъ старъ,—но съ нимъ не состязайтесь,
О вы, ровесники мои!
И отъ сравненья удаляйтесь,
Расправя локоны свои!..
Онъ старъ, но бьется ретивое
Въ трепещущей груди его,—
Но мощная рука героя
Штыкъ носитъ бодро и легко!..
И если-бъ наша Русь святая,
Своихъ дѣтей на брань сзывая,
Вдругъ загремѣла бы: «пора!»
Онъ собрался бы всѣхъ живѣе,
Онъ поскакалъ бы всѣхъ смѣлѣе,—
Всѣхъ громче крикнулъ бы: ура!!...

Граф. Растопчина.

Петербургъ.
Апрѣль, 1838 г.

———

Годы:	1	2	3	4	5	6	7	8
рожденія	1782	1785	1796	1818	1818	1816	1820	1843
кончины	**1856**	**1831**	**1866**	**1884**	**1882**	—	**1890**	**1882**

Генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій, графъ Иванъ Федоровичъ Паскевичъ-Эриванскій (1782—1856).

Съ именемъ гр. Ивана Федоровича Паскевича связаны почти всѣ блестящія кампаніи временъ Императоровъ Александра I и Николая I. Паскевичъ былъ въ числѣ первыхъ героевъ Отечественной войны 1812 г., участвовалъ въ послѣдовавшемъ за нею походѣ противъ Наполеона за предѣлы Россіи, блестяще велъ въ Азіи войны съ Персіей и Турціей, усмирилъ Польское возстаніе 1830 — 31 гг. и отличался въ Венгерскую кампанію 1849 г. Свыше 30 лѣтъ стоялъ онъ во главѣ русскихъ войскъ, и счастье неизмѣнно сопутствовало ему. Глубокое знаніе военнаго искусства, вѣрное и быстрое соображеніе, желѣзная воля, рѣшительность и геройская удаль, вотъ отличительныя черты его личности какъ полководца, по справедливости заслужившія ему громкую славу и высшія воинскія почести. Паскевичъ происходилъ изъ малороссійской семьи и родился въ 1782 году. Двѣнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ Пажескій корпусъ, а въ 1800 году вышелъ оттуда поручикомъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ. Боевое поприще свое Паскевичъ началъ въ турецкую войну 1806—1811 г.г. Здѣсь, служа подъ начальствомъ разныхъ лицъ, онъ постоянно выказывалъ храбрость, блестящія военныя дарованія, большую дѣятельность характера и даже дипломатическія способности. Посланный съ важнымъ порученіемъ въ Константинополь, Паскевичъ, въ качествѣ представителя Россіи, сумѣлъ поддержать честь ея въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Порученіе это было настолько опасно, что по окончаніи его Паскевичу угрожала даже смерть. Къ счастью, онъ успѣлъ уплыть по бурному Черному морю на лодкѣ съ двумя гребцами и добрался до Варны. Тутъ онъ перехитрилъ турокъ, желавшихъ его задержать, достигъ главной квартиры русской арміи, гдѣ его уже считали погибшимъ, и доставилъ главнокомандующему

весьма важныя извѣстія, отразившіяся на успѣшномъ ходѣ военныхъ дѣйствій. За подвиги въ эту войну онъ получилъ орденъ Св. Георгія 4 и 3 ст. и чинъ генералъ-маіора. Принимая не менѣе дѣятельное участіе въ Отечественной войнѣ 1812 г., онъ долго выдерживалъ кровавый и упорный бой подъ Смоленскомъ, геройски защищалъ при Бородинѣ съ четырьмя полками курганную батарею Раевскаго, отстаивалъ Дорогомиловскій мостъ у входа въ Москву и наконецъ грозно прикрывалъ Медынскую дорогу отъ натиска Наполеоновскихъ силъ. Вполнѣ довѣряя Паскевичу, Кутузовъ возлагалъ на него различныя важныя порученія и, представляя въ Вильнѣ Императору Александру своихъ сотрудниковъ, указалъ на него, какъ на одного изъ лучшихъ генераловъ, имя котораго должно быть поставлено наряду съ самыми славными и дорогими именами героевъ Отечественной войны. Паскевичу было тогда всего 30 лѣтъ. За предѣлами Россіи его ждала новая слава. Особенно замѣчательны были его дѣйствія въ знаменитой битвѣ подъ Лейпцигомъ. 12 лѣтъ спустя, уже въ царствованіе Николая Павловича, Паскевичу, назначенному главнымъ начальникомъ Кавказа съ правами главнокомандующаго, пришлось участвовать въ войнѣ съ Персіей. Послѣ цѣлаго ряда побѣдъ ему удалось взять сильную крѣпость Эривань. Перейдя затѣмъ рѣку Араксъ, онъ занялъ Тавризъ и, двинувшись къ столицѣ Персіи — Тегерану, такъ взволновалъ и напугалъ всю страну, что наслѣдникъ персидскаго престола Аббасъ-Мирза явился къ нему съ изъявленіемъ покорности и подписалъ знаменитый мирный договоръ, по которому, сверхъ уступки Эривани и Нахичевани, Персія предоставила Россіи исключительное право плаванія по Каспійскому морю и уплатила 20 милліоновъ контрибуціи. За эту войну Паскевичъ получилъ орденъ Св. Георгія 2 ст. и титулъ графа Эриванскаго. Не менѣе блестящи и побѣдоносны были и его послѣдующія выступленія противъ Турціи въ 1828 и 1829 гг. Двигаясь противъ многочисленнаго врага по непро-

ходимымъ дорогамъ, при величайшихъ затрудненіяхъ въ продовольствіи, онъ уничтожилъ три турецкихъ арміи и взялъ Карсъ, Ахалцыхъ, Эрзерумъ, нѣсколько малыхъ крѣпостей, 262 орудія, 65 знаменъ и 10 бунчуковъ. Наградою герою былъ орденъ Св. Георгія 1 ст. и чинъ генералъ-фельдмаршала. Въ 1831 г. ему пришлось принять участіе въ усмиреніи мятежа въ Польшѣ. Главныя силы мятежниковъ сплотились у Варшавы подъ прикрытіемъ сильныхъ укрѣпленій. Мятежники клялись скорѣе умереть подъ развалинами города, чѣмъ сдаться. Туда и направилъ свои войска Паскевичъ. Подойдя къ Варшавѣ, онъ штурмомъ взялъ ея укрѣпленія, и послѣ тяжелаго и кровопролитнаго боя Варшава покорилась. Въ награду за эту кампанію онъ получилъ титулъ князя Варшавскаго и былъ назначенъ затѣмъ намѣстникомъ Царства Польскаго. Съ тѣхъ поръ въ теченіе 18 лѣтъ онъ былъ такимъ же ревностнымъ слугой престола и отечества на гражданскомъ поприщѣ, какъ ранѣе на военномъ, пока Венгерская кампанія 1849 г. не вызвала его вновь на театръ военныхъ дѣйствій. Вспыхнувшій въ Венгріи мятежъ вынудилъ Австрію обратиться за помощью къ Россіи, и Императоръ Николай отправилъ въ Венгрію русскія силы подъ предводительствомъ Паскевича. Выказавъ и тутъ свою обычную распорядительность и предусмотрительность, Паскевичъ быстро подавилъ мятежъ, заслуживъ новыя награды. 5-го октября 1850 г. исполнилось 50-тилѣтіе службы фельдмаршала, и Государь лично вручилъ ему въ Варшавѣ фельдмаршальскій жезлъ, осыпанный брилліантами. На 72-мъ году жизни Паскевичъ принялъ еще участіе и въ Восточной войнѣ 1853—1856 гг., но это уже было послѣднее его выступленіе на бранномъ полѣ. 20 января 1856 г. онъ скончался въ Варшавѣ. По случаю его смерти былъ наложенъ 9-тидневный трауръ на войска. Погребенъ онъ въ своемъ помѣстьѣ, селѣ Ивановскомъ. Для увѣковѣченія боевой славы героя его имя придано съ 1864 года 36-му пѣхотному Орловскому полку, шефомъ котораго онъ состоялъ свыше 20 лѣтъ.

Графъ Иванъ Ивановичъ Дибичъ-Забалканскій. (1785—1881).

Графъ Иванъ Ивановичъ Дибичъ-Забалканскій, вся жизнь котораго съ юнаго возраста была рядомъ блестящихъ подвиговъ и самоотверженнаго служенія на пользу его второй отчизны—Россіи, происходилъ изъ древняго рода бароновъ Дибичей и родился въ Силезіи. Съ самаго ранняго дѣтства Дибичъ сталъ проявлять свой быстрый умъ, необыкновенную память и любовь къ наукамъ, изъ которыхъ географія, исторія и математика были его любимыми занятіями. Въ 1797 г. отецъ помѣстилъ его въ Берлинскій кадетскій корпусъ, и тутъ онъ вскорѣ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры за отличные успѣхи въ наукахъ и примѣрное поведеніе. Въ царствованіе Императора Павла I отецъ Дибича былъ приглашенъ на русскую службу, гдѣ и дослужился до генеральскаго чина; молодой же Дибичъ увидѣлъ свое второе отечество въ началѣ 1801 года. въ царствованіе Александра I. Ему предоставлено было вступить въ любой гвардейскій полкъ; Дибичъ избралъ Семеновскій и былъ принятъ въ него прапорщикомъ на 17-мъ году отъ рожденія. Очутившись въ шумной столицѣ, въ кругу веселыхъ товарищей, вращавшихся въ блестящемъ обществѣ, молодой Дибичъ нашелъ въ себѣ силы отказаться отъ удовольствій и все свое время сталъ посвящать фронтовой службѣ и изученію русскаго языка, на которомъ уже черезъ полгода могъ говорить и писать какъ природный русскій. Въ 1805 г., когда была объявлена война Франціи, Дибичъ впервые выступилъ на полѣ брани въ Аустерлицкомъ сраженіи, и съ этого момента начались его знаменитые подвиги, его громкая военная слава, передавшая его имя потомству. Раненый при Аустерлицѣ въ кисть правой руки, Дибичъ перевязалъ рану платкомъ, взялъ шпагу въ лѣвую руку и остался въ строю до самаго конца битвы. За этотъ геройскій подвигъ онъ былъ награжденъ золотой шпагой съ надписью «за храбрость». Участвуя затѣмъ въ другихъ сраженіяхъ онъ

получилъ еще нѣсколько знаковъ отличія и между ними орденъ Св. Георгія 4-ой степени. По окончаніи кампаніи Дибичъ вплоть до 1812 года, находясь вдали отъ ратнаго стана, дѣятельно продолжалъ заниматься службой и совершенствоваться въ военныхъ наукахъ, какъ бы приготовляясь къ той великой борьбѣ, которая покрыла неувядаемой славой Россію и увѣковѣчила не одно доблестное имя. Грозная туча Наполеоновской рати, надвинувшаяся на Россію въ 1812 году, открыла Дибичу обширное поле къ подвигамъ и дала ему возможность проявить въ полномъ блескѣ его боевые таланты и военную подготовку. Назначенный оберъ-квартирмейстеромъ въ корпусъ ген.-лейт гр. Витгенштейна, онъ участвовалъ подъ его знаменами во всѣхъ одержанныхъ имъ блистательныхъ побѣдахъ, получилъ орденъ св. Георгія 3-ей степени и на 28-мъ году отъ-роду былъ произведенъ въ ген.-маіоры. Участвуя во многихъ авангардныхъ дѣлахъ, въ пылу кровавыхъ битвъ, Дибичъ своей распорядительностью, изумительнымъ присутствіемъ духа и личной отвагой оказалъ Россіи не малыя услуги и сталъ героемъ не одной громкой побѣды. Перейдя затѣмъ съ войсками—по изгнаніи французовъ изъ предѣловъ Россіи—за границу, Дибичъ принялъ участіе въ упорномъ сраженіи подъ стѣнами Дрездена и здѣсь все время находился въ опаснѣйшихъ мѣстахъ; подъ нимъ одна за другой были убиты двѣ лошади, онъ самъ былъ контуженъ въ ногу, но, несмотря на сильную боль, велѣлъ привести себѣ третью лошадь, вскочилъ на нее и продолжалъ командовать ввѣренною ему частью. Не меньшую храбрость и самоотверженіе проявилъ онъ и подъ Лейпцигомъ, гдѣ своимъ быстрымъ соображеніемъ и разумными совѣтами въ большой степени содѣйствовалъ побѣдѣ. Главнокомандующій союзными арміями, австрійскій генералъ кн. Шварценбергъ тутъ же на полѣ битвы снялъ съ себя орденъ Маріи Терезіи и надѣлъ его на Дибича. Нашъ же Государь произвелъ его въ ген.-лейтенанты и кромѣ того наградилъ орденомъ Александра Невскаго. Въ 1822 г. Дибичъ былъ на-

значенъ въ свиту Императора Александра I, а годъ спустя ему было поручено исправлять должность начальника главнаго штаба Его Величества. Это почетное мѣсто, занятое Дибичемъ, сильно сблизило его съ Государемъ, который повелѣлъ ему, сверхъ занимаемой имъ должности, присутствовать еще въ Государственномъ Совѣтѣ и въ Комитетѣ министровъ. По желанію Государя, Дибичъ сопровождалъ его во всѣхъ его путешествіяхъ по Россіи въ 1823—24 гг., а въ 1825 г. имѣлъ несчастіе оплакать преждевременную кончину своего монарха-покровителя. Въ самомъ началѣ царствованія Императора Николая I Дибичъ, всегда усердный и дѣятельный, оказалъ важную услугу Государю открытіемъ заговора декабристовъ и арестованіемъ важнѣйшихъ изъ нихъ, за что былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи. Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ командированъ на Кавказъ для разслѣдованія недоразумѣній между генералами Ермоловымъ и Паскевичемъ; за успѣшное выполненіе этого порученія, по возвращеніи въ Петербургъ, онъ былъ возведенъ въ графское достоинство Россійской имперіи. Въ 1828 г. послѣдовалъ разрывъ Россіи съ Турціей, и Дибичъ по Высочайшему повелѣнію принялъ предводительство русскими войсками. Любимцу славы снова открылась возможность явить свои выдающіяся военныя способности и рядомъ побѣдъ увѣнчать полнымъ успѣхомъ нашъ походъ противъ турокъ. Однимъ изъ блистательныхъ его дѣлъ была побѣда при селеніи Кулевчи и, какъ послѣдствіе ея,—покореніе Силистріи. За взятіе этой крѣпости графъ Дибичъ былъ назначенъ шефомъ Черниговскаго пѣхотнаго полка, наиболѣе отличившагося подъ ея стѣнами, а за побѣду при Кулевчѣ получилъ орденъ св. Георгія 2-й ст. Преодолѣвая невѣроятныя затрудненія, графъ Дибичъ перешелъ Балканы, считавшіеся дотолѣ неприступными, и такимъ образомъ перенесъ войну въ самыя нѣдра турецкихъ владѣній. Слава его подвиговъ, строгая дисциплина во ввѣренныхъ ему войскахъ и неизмѣнная забота объ охраненіи собственности мирныхъ гражданъ много

способствовали тому, что города покорялись ему один за другимъ. Послѣ разбитія непріятельскаго корпуса при Сливнѣ гр. Дибичъ, давъ войскамъ одинъ день отдыха, быстро двинулся къ Адріанополю. Внезапное появленіе русскихъ войскъ передъ вратами этой древней столицы Турціи такъ поразило турокъ, что они немедленно выслали уполномоченныхъ для переговоровъ о сдачѣ города; такимъ образомъ Адріанополь сдался безъ боя, и всѣ требованія побѣдителей были удовлетворены. Вскорѣ затѣмъ въ Адріанополѣ былъ заключенъ договоръ вѣчнаго мира съ Турціей, а знаменитые подвиги гр. Дибича, совершенные имъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ турецкой кампаніи, доставили ему славное наименованіе Забалканскаго, фельдмаршальскій жезлъ и орденъ св. Георгія 1-й ст. Кромѣ того Государь Высочайше повелѣлъ Черниговскому пѣхотному полку именоваться полкомъ графа Дибича-Забалканскаго. Чуждый гордости и тщеславія, графъ Дибичъ, однако, несмотря на всю свою славу и оказанныя ему почести, остался попрежнему скроменъ и, не признавая за собой никакихъ личныхъ заслугъ, всѣ свои подвиги приписалъ своимъ храбрымъ сотрудникамъ, достойнымъ воинамъ второй арміи, которыхъ и благодарилъ въ приказахъ за примѣрную службу. Въ 1830 г. вспыхнуло возстаніе въ Польшѣ, и гр. Дибичу, которому было поручено командованіе арміей, вновь пришлось обнажить оружіе для усмиренія мятежниковъ. Борьба была трудная, упорная, и счастье не разъ измѣняло своему любимцу. Непобѣдимому доселѣ вождю, хотя и отражавшему съ поразительнымъ мужествомъ отчаянно-смѣлые натиски повстанцевъ, тѣмъ не менѣе приходилось уступать превосходству ихъ силъ и терпѣть неудачи, но все же его побѣды подъ Прагой, у Люблина, Нура и Остроленки нанесли чувствительный ударъ мятежникамъ и значительно уменьшили ихъ силы. Послѣ битвы при Остроленкѣ русская армія стала для отдыха лагеремъ при Пултускѣ. Полный жизни, силы, мужественной энергіи и здоровья, гр. Дибичъ, располагаясь на этой

стоянкѣ, и не подозрѣвалъ, что смерть уже невидимо витала надъ нимъ. Приближались памятные для русскаго оружія дни, — дни Кулевчинской побѣды и блистательнаго перехода черезъ неприступные Балканы, который былъ совершенъ гр. Дибичемъ за два года передъ тѣмъ. Окружающіе Дибича, большею частью соучастники его въ его подвигахъ, надѣялись достойнымъ образомъ отпраздновать вмѣстѣ со своимъ начальникомъ эти радостные дни, но судьба рѣшила иначе. Наканунѣ дня Кулевчинской битвы гр. Дибичъ почувствовалъ легкое недомоганіе, но все же весь день былъ веселъ и не подавалъ повода къ опасеніямъ, въ 12-мъ же часу слѣдующаго дня его уже не стало. Холера въ тяжелой формѣ при невыносимыхъ страданіяхъ въ одну ночь свела въ могилу этого доблестнаго воина и лишила армію достойнаго ея предводителя, а Россію одного изъ ея славнѣйшихъ сыновъ.

Тѣло графа Ивана Ивановича Дибича было перевезено моремъ въ Петербургъ и 14-го сентября 1831 г. предано землѣ на нѣмецкомъ Волковомъ кладбищѣ.

Графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ.
(1796—1866 г.).

Гр. М. Н. Муравьевъ—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей. Православный по вѣрѣ и связанный съ Россіей душой, умомъ и всѣми своими чувствами, онъ всю жизнь горячо желалъ своему отечеству всякаго блага и преуспѣянія, строго преслѣдовалъ встрѣчавшіеся на его пути крамолу и мятежъ и, гдѣ только могъ, по мѣрѣ своихъ силъ и убѣжденій отстаивалъ интересы Россіи и ея единство. Родился М. Н. 1-го октября 1796 г. Отецъ его—лучшій педагогъ своего времени,—насколько могъ, лично слѣдилъ за умственнымъ развитіемъ и научнымъ образованіемъ сына, и мальчикъ, самъ по себѣ очень способный, уже съ дѣтства оказался отлично подготовленнымъ къ сознательному и самостоятельному труду. Въ самой

ранней юности М. Н. обнаружилъ большое влеченіе и недюжинныя способности къ изученію точныхъ наукъ. Въ бытность его студентомъ, всего 14-ти-лѣтнимъ мальчикомъ, онъ основалъ собственнымъ почином «Московское общество Математиковъ», цѣлью учрежденія котораго являлось распространеніе въ Россіи математическихъ знаній путемъ изданія лучшихъ современныхъ сочиненій. Самостоятельно составивъ и разработавъ уставъ общества, юноша, при горячемъ сочувствіи и одобреніи отца, добился содѣйствія министра просвѣщенія, и 7 апрѣля 1811 г. уставъ этотъ былъ Высочайше утвержденъ Императоромъ Александромъ I. Отецъ — Муравьевъ былъ избранъ въ президенты общества, а вице-президентомъ, или директоромъ его — самъ основатель общества, 15-ти-лѣтній Муравьевъ. Казалось, при такомъ блестящемъ началѣ передъ юношей широко открывалась карьера знаменитаго ученаго, но судьба готовила ему иное назначеніе. Близился грозный 1812 г., Россія готовилась къ войнѣ, и эти военныя приготовленія прекратили мирныя занятія Общества Математиковъ, а самъ основатель его, юный Михаилъ Муравьевъ, въ декабрѣ 1811 г. поступилъ въ военную службу, и 27 января 1812 г., блестяще выдержавъ въ Петербургѣ экзаменъ, получилъ первый чинъ прапорщика. Семь мѣсяцевъ спустя, въ памятный день Бородинской битвы, находясь на батареѣ Раевскаго, Муравьевъ получилъ тяжелую рану и, случайно очутившись вслѣдъ затѣмъ въ исключительно неблагопріятныхъ условіяхъ, едва не распростился съ жизнью. Все, казалось, говорило за то, что ему грозитъ неминуемая смерть, но послѣдній часъ его еще не пробилъ, и онъ, выздоровѣвъ, въ 1813 г. снова уже участвовалъ въ кампаніи противъ Наполеона, а въ 1814 и 1815 г.г. ѣздилъ съ порученіями на Кавказъ. Тѣмъ временемъ изъ основаннаго имъ Общества Математиковъ зародилось «Московское учебное заведеніе для колонновожатыхъ», будущій разсадникъ офицеровъ генеральнаго штаба и предшественникъ Военной академіи. Главнымъ руко-

водителемъ этого дѣла былъ отецъ - Муравьевъ, Мих. Н. же усиленно помогалъ ему въ этомъ предпріятіи и словомъ и дѣломъ. Къ этому времени въ Россіи, по заграничному примѣру, стали возникать одно за другимъ такъ называемыя тайныя общества, преслѣдовавшія различныя цѣли: и личное, и общественное нравственное усовершенствованіе, и политическія, и религіозныя и всякія другія. Въ одно изъ такихъ тайныхъ обществъ, основанное въ 1816 г., подъ названіемъ «Союза спасенія», гвардейскими офицерами, возвратившимися изъ похода во Францію, вступилъ и М. Н. Муравьевъ, увлеченный примѣромъ старшаго брата и нѣкоторыхъ друзей. Главой этого общества былъ нѣкій Павелъ Пестель, человѣкъ двуличный, хитрый, деспотичный и преисполненный революціонныхъ стремленій, которыя онъ однако необыкновенно ловко умѣлъ замаскировывать красивыми и громкими фразами. Быстро распознавъ, что это за человѣкъ, и убѣдившись въ преступности его замысловъ, многимъ еще неясныхъ, М. Н. рѣшилъ отвести отъ этой бездны брата и товарищей и открыто выступилъ противъ реформъ Пестеля, основанныхъ на хитрости и насиліи и ничего общаго съ интересами Россіи не имѣвшихъ. Результатомъ этой борьбы Муравьева съ Пестелемъ явилось распаденіе союза и прекращеніе дѣятельности братьевъ Муравьевыхъ въ тайныхъ обществахъ. Это краткое пребываніе въ союзѣ не прошло, однако, М. Н. даромъ, и хотя онъ еще въ 1818 г. вышелъ въ отставку, женился и, поселившись въ имѣніи жены, превратился въ мирнаго и дѣятельнаго сельскаго хозяина,—событіе 14 декабря 1825 г., явившееся слѣдствіемъ дѣятельности тайныхъ обществъ, отразилось и на немъ, какъ на бывшемъ участникѣ одного изъ такихъ тайныхъ обществъ. Оба брата Муравьевы подверглись аресту. 5 мѣсяцевъ пришлось просидѣть М. Н. въ Петропавловской крѣпости, пока, наконецъ, невиновность его въ смутѣ декабристовъ была доказана. По освобожденіи изъ-подъ ареста М. Н. случайно встрѣтился съ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ

лицъ Императора Николая I, Дибичемъ, знавшимъ Муравьева давно и всегда съ отличной стороны. Уговоривъ М. Н. вновь поступить на службу, Дибичъ выхлопоталъ зачисленіе его по арміи подполковникомъ. Послѣ всего случившагося М. Н. трудно было ожидать чего либо хорошаго въ смыслѣ карьеры, но на самомъ дѣлѣ вышло не такъ. Разбирая какъ-то свои старыя бумаги съ 1820 г., когда онъ былъ сельскимъ хозяиномъ и принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ съ обнаружившимся въ его губерніи голодомъ, онъ нашелъ много любопытныхъ данныхъ о слабыхъ сторонахъ тогдашняго гражданскаго управленія Россіи. На основаніи этихъ данныхъ онъ составилъ пространную записку, обнимавшую многія отрасли государственнаго управленія, и представилъ ее въ январѣ 1827 г., Государю. Императоръ Николай внимательно прочелъ эту записку и лично благодарилъ за нее Муравьева при представленіи. Вслѣдъ затѣмъ, въ іюнѣ 1827 г., Муравьевъ былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Витебскъ, а въ сентябрѣ 1828 г. могилевскимъ гражданскимъ губернаторомъ. На этомъ посту застало его польское возстаніе 1830—31 г. Дарованная Польшѣ Императоромъ Александромъ I конституція не достигла той цѣли, къ которой онъ стремился, не дала въ результатѣ мирнаго сожительства Польши и Россіи. На первомъ же сеймѣ уже раздались революціонныя рѣчи, а третій сеймъ привелъ почти къ формальному разрыву между поляками и правительствомъ. Главными руководителями революціоннаго движенія являлись католическіе ксендзы и офицеры, старавшіеся разжечь возмущеніе въ польскомъ войскѣ. Повсюду только и было разговору, что о пріобрѣтеніи независимости отъ Россіи и возстановленіи Польскаго государства въ прежнихъ границахъ, т. е. съ включеніемъ въ него западно-русскихъ областей. Волненіе это не замедлило передаться и нашимъ западнымъ губерніямъ, гдѣ его усиленно поддерживали многочисленные тамъ польскіе магнаты и польское духовенство. Послѣ перваго же объѣзда всѣхъ уѣздныхъ

присутственныхъ мѣстъ Могилевской губ. Муравьевъ отлично понялъ общее положеніе дѣлъ въ краѣ и въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ въ 1830 г. представилъ Государю полную, яркую и правдивую картину администраціи Западнаго края, отвѣтомъ на который было принятіе тѣхъ мѣръ, на которыя онъ указывалъ. Кромѣ того въ тотъ же 1830 г. онъ представилъ Императору Николаю вторую записку о необходимости преобразованія учебныхъ заведеній въ Западномъ краѣ, немедленнаго введенія въ нихъ русскаго языка и устраненія латинскаго духовенства отъ участія въ образованіи и воспитаніи юношества. Такъ, мирно подготовлялъ себѣ Муравьевъ почву для борьбы за русскія начала, какъ вдругъ 17 ноября 1830 г. въ Варшавѣ вспыхнулъ бунтъ, стоившій Россіи потоковъ крови. Какъ только вѣсть объ этой катастрофѣ дошла до Муравьева, онъ тотчасъ же принялъ мѣры предосторожности въ своей губерніи и предписалъ полиціи зорко наблюдать за католическими ксендзами, монастырями и за всѣми подозрительными личностями. Когда же разнеслась молва о возстаніи шляхты въ Виленской губ., Муравьевъ составилъ всю земскую полицію изъ коренныхъ русскихъ и кромѣ того учредилъ особую секретную полицію, которая должна была собирать свѣдѣнія не только въ своей, но и въ сосѣднихъ губерніяхъ. Эти тайные агенты Муравьева скоро пригодились не для одной Могилевской губерніи. Въ 1831 г. возстаніе перешло въ настоящую войну, сразу охватившую и западныя окраины Россіи. На Волыни, въ Литвѣ и даже въ Бѣлоруссіи началось глухое броженіе, перешедшее въ концѣ марта въ открытое возстаніе. Положеніе русскаго дѣла становилось опаснымъ. На Литву была послана армія графа П. А. Толстого. Прибравъ къ рукамъ свою губернію такъ, что въ ней никто не шелохнулся, и оградивъ ее съ помощью отлично устроенной полиціи отъ политической заразы, Муравьевъ явился къ главнокомандующему и предложилъ ему свои услуги въ усмиреніи мятежа. Прикомандированный вслѣдствіе

этого къ штабу арміи, Муравьевъ успѣшно началъ дѣйствовать противъ мятежныхъ бандъ въ Витебской, Виленской и Минской губ., занимаясь вмѣстѣ съ тѣмъ производствомъ обширнаго слѣдствія о политическихъ преступникахъ и устройствомъ гражданскаго управленія въ Западномъ краѣ. Наконецъ 26 августа Варшава была взята русскими войсками, и всѣ надежды мятежниковъ рушились. Послѣ всего происшедшаго они лишились и того, что у нихъ было, лишились своихъ привилегій. За свои заслуги при усмиреніи возстанія гр. М. Н. удостоился получить орд. св. Анны I ст. По пріѣздѣ въ СПБ. онъ подалъ Государю записку «О ходѣ мятежа въ губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, и заключеніе о причинахъ столь быстраго развитія онаго, извлеченныхъ изъ свѣдѣній, почерпнутыхъ на мѣстѣ происшествія, и подлинныхъ допросовъ». Записка эта замѣчательна тѣмъ, что въ ней заключалось почти пророческое описаніе событій, дѣйствительно происшедшихъ 32 года спустя. Въ томъ же 1831 г. Муравьевъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Гродно. 4 года пробылъ онъ на этомъ посту и за все это время, гдѣ только могъ, неуклонно отстаивалъ интересы Россіи и православія, твердою рукой искоренялъ острую болѣзнь мятежа и крамолы, все еще вспыхивавшихъ то тутъ, то тамъ, и, съ его обыкновеніемъ засматривать далеко впередъ, измышлялъ и принималъ мѣры къ предупрежденію и пресѣченію прискорбныхъ событій. Состоявшееся въ 1835 г. назначеніе его военнымъ губернаторомъ въ Курскъ и всѣ послѣдовавшія затѣмъ назначенія—директоромъ департамента податныхъ сборовъ, сенаторомъ, директоромъ межевого корпуса, членомъ Государственнаго Совѣта и наконецъ министромъ государственныхъ имуществъ — на цѣлыхъ 28 лѣтъ лишили Сѣверо-Западный край его энергичнаго дѣятеля и защитника, а самого Муравьева — его исторической миссіи. А между тѣмъ за это время на Западѣ вновь занялся пожаръ, который, все разгораясь, принялъ наконецъ, грандіозные размѣры и сталъ грозить Россіи

нешуточной бѣдой. Еще манифестомъ по случаю своего вступленія на престолъ Императоръ Александръ II дозволилъ всѣмъ польскимъ эмигрантамъ, покинувшимъ родину послѣ неудачнаго возстанія, вернуться въ свое отечество и кромѣ того принялъ рядъ другихъ мѣръ, которыми значительно облегчалось положеніе польскаго народа и смягчалась суровость, бывшая естественнымъ послѣдствіемъ событій 1830—31 г. На умѣренную часть польскаго народа милости Государя произвели самое благопріятное впечатлѣніе, но крайняя партія оказалась непримиримой и энергично стала подготовлять новое возстаніе, надѣясь съ одной стороны на поддержку иностранныхъ державъ, которая была ей обѣщана, а съ другой — разсчитывая, что подготовлявшаяся Императоромъ освободительная реформа вызоветъ по Россіи такое грандіозное волненіе, что всѣ вооруженныя силы правительства придется направить на усмиреніе внутренней смуты. Тайныя революціонныя дѣйствія непримиримыхъ представителей польской націи вскорѣ стали вполнѣ очевидны. Глухое броженіе, все чаще и чаще прорывавшееся наружу, уже безошибочно указывало на неизбѣжность и близость мятежа. Противоправительственныя демонстраціи производились на каждомъ шагу, но Русское Правительство неуклонно шло впередъ по пути милостей и уступокъ. Результатъ получился плачевный. Всѣ эти милости и уступки были приняты за признакъ слабости, и въ началѣ 1863 г. въ Польшѣ и въ западныхъ губерніяхъ вспыхнуло ужасающее по своимъ размѣрамъ, звѣрству и кровопролитію вооруженное возстаніе. Положеніе дѣлъ день ото дня становилось все хуже и хуже. Тогда-то вновь пришлось выступить на первый планъ позабытому уже, казалось, Муравьеву. Все усиливавшійся и разроставшійся мятежъ и присланныя еще къ тому же Англіей, Франціей и Австріей заявленія съ требованіемъ уступокъ Польшѣ вынудили Государя принять энергичныя мѣры. Вспомнивъ о Муравьевѣ, онъ вызвалъ его къ себѣ, поручилъ ему управленіе Сѣверо-Западнымъ краемъ,

съ присоединеніемъ къ 4-мъ губ. Виленскаго округа и 2-хъ Бѣлорусскихъ губ., и, предоставивъ ему командованіе всѣми расположенными тамъ войсками, снабдилъ его чрезвычайными полномочіями. Принявъ это назначеніе, указъ о которомъ состоялся 1 мая 1863 г., Муравьевъ дѣятельно принялся за выполненіе своихъ обязанностей, а тѣмъ временемъ шли переговоры съ иностранными державами, позволившими себѣ вмѣшаться въ наши внутреннія дѣла. Опубликованіе этихъ переговоровъ вызвало въ Россіи небывалый энтузіазмъ. Со всѣхъ сторонъ полетѣли въ Петербургъ патріотическіе адреса, въ которыхъ всѣ сословія русскаго народа изъявляли готовность скорѣе умереть, чѣмъ быть игрушкой иноземцевъ, хотя бы пришлось воевать съ цѣлой Европой. Хорошо было извѣстно заграницей, что значитъ такой подъемъ духа русскаго народа, и когда туда пришелъ рѣшительный отвѣтъ нашего правительства—державы отказались отъ своего намѣренія вступиться за Польшу. Поддерживаемый этимъ же энтузіазмомъ русскихъ людей, гр. Муравьевъ успѣшно велъ свое дѣло усмиренія мятежниковъ и къ 1864 г. возстаніе было потушено, послѣ чего началась вторая эпоха его дѣятельности: умиротвореніе и обрусѣніе края. Къ суровымъ мѣрамъ пришлось ему прибѣгнуть въ борьбѣ съ мятежомъ. Войска преслѣдовали шайки мятежниковъ до полнаго ихъ истребленія и до водворенія въ каждомъ мятежномъ районѣ совершеннаго спокойствія и порядка. Каждая злобная выходка ожесточенныхъ мятежниковъ влекла за собой соотвѣтственно крутую отвѣтную мѣру, иногда даже, какъ говорилъ самъ Муравьевъ, «изъ ряду вонъ выходившую по своей суровости». Прибѣгая къ жестокости, Муравьевъ, самъ по себѣ человѣкъ далеко не жестокій, видѣлъ въ ней печальную необходимость: ничего иного ему не оставалось. На карту было поставлено то, что ему было всего дороже — интересы Россіи, всякія же другія средства, какъ онъ это ясно видѣлъ, были безсильны образумить обезумѣвшихъ фанатиковъ, готовыхъ рѣшительно на все. Эта выпу-

жденная жестокость вызвала сильный разладъ въ общественномъ о немъ мнѣніи. Одни содрогались отъ ужаса, считали его извергомъ и громко возмущались имъ, другіе,—напротивъ, признавъ суровость его дѣйствій печальной необходимостью, видѣли въ немъ того

Кто отстоялъ и спасъ Россіи цѣлость,
Всѣмъ жертвуя народу своему;
Кто всю отвѣтственность, весь трудъ и бремя
Взялъ на себя въ отчаянной борьбѣ —
И бѣдное, замученное племя,
Воздвигнувъ къ жизни, вынесъ на себѣ...
Кто, избранный для всѣхъ крамолъ мишенью,
Сталъ и стоитъ, спокоенъ, невредимъ,
На-зло врагамъ, ихъ лжи и озлобленью,
На-зло, увы! и пошлостямъ роднымъ.

и посылали ему благодарственныя письма, восторженные адреса, иконы, писали въ честь его стихотворенія. Недолго, однако, пришлось ему быть предметомъ ожесточенныхъ споровъ и раздоровъ. 29 августа 1866 г. его не стало. Скончался онъ въ своемъ имѣніи Сырцѣ Лужскаго уѣзда, и тогда какъ жизнь его была почти безпрерывной борьбой, переходъ отъ бытія къ смерти совершился безъ всякой борьбы и страданій: совсѣмъ незамѣтно для всѣхъ онъ тихо заснулъ вѣчнымъ сномъ.

Его прахъ поэтъ Ѳ. И. Тютчевъ проводилъ въ могилу слѣдующими немногими словами:

На гробовой его покровъ
Мы, вмѣсто всѣхъ вѣнковъ, кладемъ слова простыя:
Немного было бъ у него враговъ,
Когда бы не твои, Россія!

Стихи Н. А. Некрасова графу М. Н. Муравьеву.

Государственная заслуга графа М. Н. Муравьева такъ важна, общенародное сочувствіе къ нему было такъ велико, что даже люди, по направленію своей дѣятельности ему враждебные, считали долгомъ восхвалять его. Такъ поэтъ Некрасовъ, бывшій передъ тѣмъ издатель «Современника», обратился къ нему съ нижеслѣдующими стихами. Это было 27 апрѣля

1865 года, въ Петербургскомъ Англійскомъ клубѣ (помѣщавшемся на Фонтанкѣ), гдѣ графу Муравьеву давали торжественный обѣдъ. По окончаніи пира престарѣлый виновникъ торжества ушелъ на балконъ и закурилъ свою трубку. Возлѣ него оставалось нѣсколько человѣкъ наиболѣе къ нему близкихъ. Вдругъ подходитъ Некрасовъ и проситъ позволенія прочитать ему стихи. Стоя передъ Муравьевымъ, прочиталъ онъ свое произведеніе. Стихи эти появляются только теперь въ печати *).

27-го апрѣля 1865 г.

Бокалъ заздравный поднимая,
Еще разъ выпить намъ пора
Здоровье миротворца края...
Такъ много-жъ лѣтъ ему... Ура!

* * *

Пускай клеймятъ тебя позоромъ
Надменный Западъ и враги;
Ты мощенъ Руси приговоромъ,
Ея ты славу береги!

* * *

Мятежъ прошелъ, крамола ляжетъ,
Въ Литвѣ и Жмуди миръ взойдетъ;
Тогда и самый врагъ твой скажетъ:
Великъ твой подвигъ... и вздохнетъ.

Изъ журн. «Русскій Архивъ» 1885 г. № 6.

Графъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ.
(1818—1884).

Графъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ, знаменитый военный инженеръ, прославившій свое имя при оборонѣ Севастополя и оказавшій огромныя услуги отечеству въ русско-турецкую войну 1877—78 года,

*) Т. е. въ 1885 г.

родился 8-го мая 1818 года въ Москвѣ. Отецъ его, занимавшійся здѣсь торговлей, вскорѣ послѣ рожденія сына переселился въ Ригу, гдѣ и скончался уже въ преклонныхъ лѣтахъ въ 1855 году, успѣвъ еще увидать ту славу, которою покрылъ свое имя Эдуардъ Ивановичъ. Въ дѣтствѣ мальчикъ страстно увлекался военными играми, но онѣ не были для него пустой забавой, какъ это бываетъ у большинства дѣтей, а скорѣе носили характеръ серьезнаго занятія, невольно поражая этимъ посторонняго зрителя. Такъ, онъ чаще всего возводилъ маленькія крѣпости со рвами, подъемными мостами и т. п. сооруженіями, стараясь при этомъ до мелочей подражать дѣйствительнымъ постройкамъ этого рода. Первоначальное образованіе свое Тотлебенъ получилъ въ рижскомъ пансіонѣ д-ра Гюттеля, а затѣмъ, въ 1831 г., 14-лѣтнимъ мальчикомъ былъ отвезенъ отцомъ въ Петербургъ въ инженерное училище. Занятія его въ училищѣ шли отлично, а его добродушный, веселый нравъ и изобрѣтательный умъ пріобрѣли ему искреннее расположеніе какъ товарищей, такъ и начальства. Къ сожалѣнію, болѣзнь сердца помѣшала Тотлебену окончить полный курсъ наукъ въ инженерномъ училищѣ; его отчислили въ полевые инженеръ-прапорщики въ рижскую инженерную команду; отсюда въ 1840 г. онъ былъ переведенъ въ учебный саперный баталіонъ поручикомъ. Здѣсь Эдуардъ Ивановичъ обратилъ на себя вниманіе извѣстнаго инженеръ-генерала Шильдера, который поручилъ ему заняться трубной минной системой. Для дальнѣйшаго ея изслѣдованія Тотлебенъ былъ посланъ съ командой саперъ въ Кіевъ, гдѣ ему было ввѣрено завѣдываніе работами при производствѣ опытовъ подземной войны.

Тѣмъ временемъ на Кавказѣ становилось все болѣе и болѣе неспокойно: воинственные горцы, населявшіе Кавказскій хребетъ, непрерывно вторгались въ наши закавказскія владѣнія и опустошали ихъ. Упорная борьба русскихъ съ закавказскими племенами, начавшаяся еще съ первыхъ лѣтъ XIX столѣ-

тія, въ 40-хъ годахъ приняла настолько угрожающіе размѣры, что русскимъ пришлось повести систематическую войну. Въ этой войнѣ принялъ участіе и Тотлебенъ.

Отправившись въ 1848 г. на Кавказъ, онъ поступилъ въ отрядъ генералъ-адъютанта кн. Аргутинскаго-Долгорукаго и вмѣстѣ съ нимъ продѣлалъ всѣ блестящіе походы этого періода. Это былъ первый боевой опытъ Эд. Иван., опытъ, давшій ему возможность не только провѣрить на дѣлѣ свои военныя дарованія и пріобрѣтенныя имъ познанія, но еще и многому научиться, такъ какъ борьба съ воинственными горцами—при дикости, величественности и безконечномъ разнообразіи природы Кавказа—представляла на каждомъ шагу почти непреодолимыя препятствія. Непроходимые лѣса, глубокія пропасти и ущелья, уходящіе въ облака горы и утесы и фанатически безумная отвага горцевъ, поставившихъ себѣ цѣлью непрерывную борьбу съ христіанами,—все это сильно усложняло задачу русскихъ. При такихъ условіяхъ участіе въ этой войнѣ оказалось прекрасной школой для способнаго и талантливаго Тотлебена, а его знанія и искусство немало содѣйствовали успѣху русскаго оружія. Онъ участвовалъ, въ числѣ прочихъ дѣлъ, въ отраженіи набѣга горцевъ на укрѣпленіе Ахты, руководилъ всѣми работами при осадѣ Чоха въ 1849 г. и удачнымъ дѣйствіемъ артиллеріи превратилъ его въ развалины. Тутъ же, подъ Чохомъ, онъ произвелъ блистательную рекогносцировку, которая, увѣнчавшись полнымъ успѣхомъ, сильно выдвинула впередъ талантливаго молодого офицера и заставила обратить на него серьезное вниманіе.

Въ 1850 г. Эд. Ив. вернулся съ Кавказа и перешелъ въ Варшаву адъютантомъ къ генералу Шильдеру; здѣсь онъ, однако, оставался недолго и въ 1851 г. перешелъ въ гвардейскіе инженеры. Поселившись въ Петербургѣ, Тотлебенъ посвятилъ себя теоретическимъ занятіямъ, а лѣтомъ руководилъ практическими работами гвардейскаго сапернаго баталіона

подъ Петергофомъ, при чемъ Императоръ Николай I не разъ имѣлъ случай лично убѣдиться въ знаніи дѣла и въ высокихъ дарованіяхъ Эд. Ив. Эти мирныя занятія скоро оказались прерванными. Въ 1853 г. вспыхнула война съ Турціей. Отправлявшійся на войну въ Дунайскую армію ген. Шильдеръ предложилъ Тотлебену ѣхать съ нимъ. Эд. Ив. принялъ это предложеніе съ полной готовностью. Въ это время онъ былъ уже въ чинѣ подполковника. Первое дѣло, исполненное имъ по прибытіи на театръ военныхъ дѣйствій, было изслѣдованіе турецкихъ укрѣпленій и соображеніе способа ихъ атаки. Кампанію 1853 г. рѣшено было начать взятіемъ Силистріи. Вся тяжесть этого отвѣтственнаго дѣла въ скоромъ времени цѣликомъ легла на Эд. Ив.: ген. Шильдеръ былъ раненъ, и Тотлебену пришлось принять на себя завѣдываніе всѣми работами осады. Работы эти велись прекрасно и настолько успѣшно, что съ минуты на минуту Силистрія должна была пасть подъ натискомъ русскихъ, но, по проискамъ коварной Австріи, наши войска пришлось перевести на лѣвый берегъ Дуная, и блестяще начатое дѣло осталось неоконченнымъ. Тѣмъ временемъ пронесся слухъ о намѣреніи враждебныхъ намъ союзныхъ войскъ высадиться въ Крыму. Встревоженный грозившей неукрѣпленному съ сухого пути Севастополю опасностью, главнокомандующій кн. Горчаковъ рѣшилъ послать туда опытнаго инженера для возможно быстраго укрѣпленія Севастополя. Выборъ его палъ на Тотлебена, украшеннаго орденомъ св. Георгія 4-й ст. за осаду Силистріи, и 10 августа 1854 г. Эд. Ив. прибылъ уже въ Севастополь къ кн. Меншикову и передалъ ему письмо кн. Горчакова, въ которомъ тотъ горячо рекомендовалъ Тотлебена, «какъ лучшаго своего инженера, ученика Шильдера, офицера испытанной храбрости и немалаго опыта». Недальновидный и не хотѣвшій допустить мысли, что Севастополю дѣйствительно угрожаетъ серьезная опасность, для предотвращенія которой требуется умѣлая и искусная рука, князь Меншиковъ улыбнулся, прочтя

письмо, и снисходительно сказалъ Тотлебену: «Кн. Горчаковъ въ разсѣянности своей вѣроятно позабылъ, что у меня есть въ Севастополѣ саперный баталіонъ; отдохните и поѣзжайте назадъ въ армію». Тотлебенъ, однако, не воспользовался этимъ разрѣшеніемъ вернуться въ армію, и, раздѣляя въ душѣ опасенія кн. Горчакова, на другой же день подробно ознакомился съ Севастопольскими укрѣпленіями. Состояніе приморской обороны не оставляло желать ничего лучшаго, и Эд. Ив. съ удовольствіемъ подтвердилъ это при свиданіи кн. Меншикову. Польщенный этимъ отзывомъ «выдающагося инженера», кн. Меншиковъ предложилъ тогда Тотлебену объѣхать также и сухопутную сторону. Представившіеся здѣсь взорамъ Эд. Ив. слабые начатки укрѣпленій, едва обозначавшіе оборонительную линію, долженствовавшую прикрыть Севастополь съ сухого пути, какъ нельзя болѣе краснорѣчиво говорили о томъ плачевномъ положеніи, въ которомъ очутится Севастополь, осади его непріятель съ суши. Убѣдившись въ правильности своихъ опасеній, Тотлебенъ тотчасъ же приступилъ къ составленію предположенія относительно способа укрѣпленія Севастополя, но проектамъ этимъ суждено было быть приведенными въ исполненіе только мѣсяцъ спустя, подъ непріятельскимъ огнемъ, въ отчаянныхъ условіяхъ, на-спѣхъ: кн. Меншиковъ упорно стоялъ на томъ, что, за позднимъ временемъ года, непріятель не рѣшится предпринять высадку въ Крымъ въ 1854 г., и отклонилъ предложеніе Тотлебена немедленно приступить къ работѣ. Забывъ о всѣхъ вопросахъ самолюбія и ясно видя только, что его услуги скоро понадобятся, Эд. Ив. рѣшилъ все же остаться въ Севастополѣ какъ бы волонтеромъ, не занимая никакой особой должности, будучи лишь причисленнымъ къ штабу Корнилова, и ждать. Ждать пришлось не долго. Въ сентябрѣ 1854 г. большія непріятельскія силы дѣйствительно высадились на крымскій берегъ и направились къ Севастополю. Попытка кн. Меншикова воспрепятствовать этому движенію врага оказалась

безуспѣшной. Потерпѣвъ пораженіе на берегахъ р. Альмы, кн. Меншиковъ отступилъ къ сѣверу, чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ остальной Россіи, а командованіе надъ сѣверной и южной частями Севастополя сдалъ адмираламъ Корнилову и Нахимову, распорядившись при этомъ для загражденія непріятелю доступа съ моря затопить на рейдѣ наши корабли, а экипажи съ нихъ употребить на усиленіе крѣпостного гарнизона. Положеніе незащищеннаго съ суши Севастополя оказалось почти безнадежно: впереди сѣвернаго укрѣпленія уже виднѣлись непріятельскіе бивуаки; каждую минуту можно было ожидать нападенія сильнѣйшаго 60-тысячнаго врага на слабыя укрѣпленія, обороняемыя всего 11-ти-тысячнымъ гарнизономъ. Съ большой горечью въ душѣ и съ энергіей отчаянія лихорадочно принялся Тотлебенъ исправлять ошибку другого. И вотъ, въ виду непріятеля, при отсутствіи достаточнаго количества рабочихъ силъ и средствъ и при ежеминутномъ опасеніи, что вотъ-вотъ непріятель перейдетъ къ открытымъ дѣйствіямъ, городъ сталъ наскоро укрѣпляться и укрѣпляться чѣмъ попало. Всѣ, кто только чѣмъ нибудь могъ быть полезенъ дѣлу спасенія и защиты Севастополя, всѣ были подняты на ноги. Безъ устали, дни и ночи работали солдаты и матросы; не менѣе ихъ надрывались въ работѣ и освобожденные имъ въ помощь—по приказанію Корнилова—арестанты. На ихъ серьезныхъ, но точно просвѣтленныхъ лицахъ ясно сквозила радость, что и ихъ сочли за людей, способныхъ болѣть душой за родину, что и имъ разрѣшили въ эту тяжелую минуту поработать на общее дѣло. И, какъ бы окрыляемые этой мыслью, они изъ силъ выбивались, спѣша выполнить заданную работу и приняться за другую. Тутъ же, съ ними за одно, неутомимо трудились и офицеры, и высшее начальство. Со всѣхъ сторонъ, довольствуясь той скромной ролью, которая выпала на ихъ долю, спѣшили къ работающимъ женщины, неся то землю въ передникахъ, то камни, то какой еще другой матеріалъ, могущій оказаться полезнымъ.

Торопливо, съ милыми, озабоченными личиками, съ полнымъ сознаніемъ, что и они что-то дѣлаютъ, бѣгомъ обгоняли ихъ ребятишки съ полными горсточками земли и взапуски бросались за новыми запасами... И надъ всѣмъ этимъ копошившимся и такъ или иначе трудившимся надъ укрѣпленіемъ города людомъ возвышался Тотлебенъ, соображеніями и указаніями котораго въ нѣсколько дней воздвиглась та твердыня, о которую почти цѣлый годъ разбивались 4 арміи, и которая увѣковѣчила имя возведшаго ее не только въ Россіи, но и во всей Европѣ. Облеченный полнымъ довѣріемъ Корнилова и встрѣчая во всѣхъ своихъ начинаніяхъ горячее сочувствіе адмираловъ Нахимова и Истомина, Тотлебенъ былъ неутомимъ въ работѣ и неистощимъ въ своей изобрѣтательности. Работы велись одновременно на всѣхъ пунктахъ какъ сѣверной, такъ и южной позиціи. Громадная спѣшка, съ которой производились всѣ эти работы, и скудныя средства, которыя были въ распоряженіи Тотлебена, не дали ему возможности сдѣлать здѣсь какіе либо новые крупные шаги въ инженерномъ искусствѣ. И тѣмъ не менѣе талантъ его развернулся здѣсь во всю его ширь. Приходилось волей-неволей мириться съ обстоятельствами, примѣняться къ нимъ и стараться извлечь возможно большую пользу изъ того немногаго, что было подъ рукой. Тотлебенъ съ честью и славой вышелъ изъ этого затруднительнаго положенія. Взвѣсивъ и обсудивъ все, онъ быстро освоился съ тѣми неблагопріятными условіями, въ которыхъ ему пришлось очутиться, и, съ его практическимъ умомъ, не задумываясь, отказывался отъ всякой мѣры, изъ которой онъ не могъ тотчасъ же извлечь той или иной пользы, и примѣнялъ изъ своего запаса знаній то, что въ скорѣйшій срокъ давало наилучшій результатъ. И тамъ, гдѣ у другого въ отчаяніи опустились бы руки, у него одно за другимъ воздвигались грозныя для враговъ и спасительныя для осажденныхъ укрѣпленія; батареи росли и покрывались орудіями, которыя свозились съ кораблей. Оборона города усп-

ливалась съ каждымъ днемъ, и, когда медлившая почему-то перейти въ открытое нападенiе непрiятельская армiя вдругъ снялась со своей первоначальной позицiи противъ сѣверной части города и обошла Севастополь съ юга, удивленный непрiятель увидѣлъ передъ собой сплошную оборонительную линiю, вооруженную орудiями большого калибра,—и это тамъ, гдѣ всего нѣсколько дней назадъ первоначальныя рекогносцировки обнаружили только присутствiе слабыхъ укрѣпленiй, прерванныхъ большими, ничѣмъ не обороненными, промежутками. Наличiе этихъ неожиданныхъ укрѣпленiй заставило непрiятеля отказаться отъ намѣченнаго имъ было сперва штурма и повести осаду. Это рѣшенiе непрiятеля уже само по себѣ краснорѣчиво говорило за то, насколько внушительны оказались наши «на-спѣхъ» возведенныя твердыни. И дѣйствительно, оборонительныя линiи были настолько сильны, что когда 5 октября непрiятель открылъ наконецъ бомбардировку, наши орудiя сбили французскiя батареи и заставили ихъ замолчать. Этотъ день выяснилъ наши силы. Принявшiй на себя также завѣдыванiе и распредѣленiе войскъ на позицiяхъ, Тотлебенъ зорко слѣдилъ за нашими недочетами и тотчасъ же принималъ мѣры для усиленiя артиллерiи тамъ, гдѣ она казалась недостаточной. За первымъ днемъ кроваваго крещенiя Севастополя потянулись долгiе мучительные мѣсяцы упорной обороны, въ которой на долю Эд. Ив. выпала одна изъ самыхъ трудныхъ обязанностей. Отличительныя черты его характера—добродушiе и веселость не покинули его и въ это тяжелое время. При всей трудности задачи, лежавшей на немъ, онъ всегда былъ бодръ и веселъ, хотя лучше всѣхъ видѣлъ недостатки обороны и втайнѣ боялся, что непрiятель безъ труда прорвется въ сѣверное укрѣпленiе и оттуда разгромитъ весь Севастополь. Эта мысль не мѣшала ему, однако, весело и добродушно отвѣчать на предлагавшiеся ему вопросы, балагурить съ солдатами, поднимать ихъ духъ веселой шуткой. Во все время адской бомбардировки Тотле-

бенъ появлялся тамъ, гдѣ положеніе казалось наиболѣе безнадежнымъ, и быстро возстанавливалъ разрушенное. Для него, казалось, не было невозможнаго; достаточно было нѣсколькихъ часовъ, и поврежденный бастіонъ вновь дѣлался способнымъ къ защитѣ. Всю ночь подъ руководствомъ этого неутомимаго человѣка поправлялись амбразуры, укладывались для прикрытія стрѣлковъ мѣшки съ землей, устанавливались новыя орудія, и противъ каждой непріятельской батареи онъ всегда умѣлъ воздвигнуть и у себя новую батарею, спѣшившую нанести непріятелю новый и досадный ущербъ.

Утомленный упорствомъ обороны, непріятель рѣшилъ обратиться къ подземной атакѣ, но и тутъ ему пришлось опять таки столкнуться съ предусмотрительностью и искусствомъ Тотлебена. Онъ угадалъ стремленіе непріятеля, неожиданно встрѣтилъ его подъ землей и далъ ему и тамъ рѣшительный отпоръ. Вовлеченный съ этого времени въ подземный бой, онъ неизмѣнно угадывалъ намѣреніе врага, предупреждалъ его и своей блестящей дѣятельностью тутъ сдѣлалъ Севастопольскую подземную борьбу безпримѣрной въ лѣтописяхъ военной исторіи. 8-го іюня 1855 г. Эд. Ив. былъ раненъ въ ногу на-вылетъ. Рана оказалась опасной, но и раненый, въ сильныхъ страданіяхъ, онъ не переставалъ отдавать приказанія, руководить оборонительными работами и принимать всѣ доклады. Такъ продолжалось до послѣдняго дня Севастопольскаго сидѣнія. 27 августа, въ день послѣдняго приступа врага, Эд. Ив. вынесли на валъ одного форта, откуда можно было наблюдать за непріятельской атакой, и здѣсь онъ съ грустью увидѣлъ, какъ на Малаховомъ курганѣ взвился французскій флагъ. Незабываемыя заслуги героя были отмѣчены чиномъ генералъ-маіора, зачисленіемъ въ Свиту Его Величества и орденомъ св. Георгія 3-й степ.

Послѣ паденія Севастополя, Эд. Ив., назначенный генералъ-адъютантомъ, былъ вызванъ въ Николаевъ для приведенія его въ оборонительное положеніе, а затѣмъ, по возвращеніи въ Петербургъ, принялъ

участіе въ работахъ по приведенію въ оборонительное положеніе нашихъ крѣпостей и въ вооруженіи послѣднихъ нарѣзными орудіями. Въ то же время онъ, въ качествѣ ближайшаго руководителя нашего инженернаго корпуса, работалъ надъ реорганизаціей нашихъ инженерныхъ войскъ соотвѣтственно новѣйшимъ требованіямъ науки и надъ разработкой новой системы оборонительныхъ линій. Работы эти были прерваны войной 1877 г. Блестяще начатое русскими побѣдоносное движеніе на Царьградъ вдругъ неожиданно остановилось: передъ русскими внезапно выросла турецкая твердыня Плевна, занятая большой арміей одного изъ выдающихся турецкихъ полководцевъ Османа-паши. Три раза бѣшено ходили русскія войска на штурмъ Плевны; дорого, слишкомъ дорого обошлась Россіи эта отчаянная храбрость ея вѣрныхъ сыновъ, безъ малаго 17 тысячъ русскихъ выбыло изъ строя, кровь лилась рѣкой, а Плевна все стояла гордая и неуязвимая. Безуспѣшность штурмовъ вынудила обратиться къ блокадѣ. Вспомнили о славномъ защитникѣ Севастополя Тотлебенѣ, и Эд. Ив. тотчасъ же былъ вызванъ на театръ военныхъ дѣйствій. Старый севастополецъ своимъ зоркимъ и наблюдательнымъ окомъ сразу увидѣлъ, что̀ нужно было дѣлать. У Османа-паши оставалось въ распоряженіи три открытыхъ пути, по которымъ къ нему постоянно подвозились провіантъ и снаряды, по которымъ то и дѣло прорывались въ Плевну все новые и новые отряды, и по которымъ онъ самъ, въ случаѣ чего, могъ пробиться. Тотлебенъ рѣшилъ заградить врагу эти пути, «уединить» Плевну такъ, чтобы «птица туда не пролетала», не только чтобы прорывались цѣлые таборы. И вотъ закипѣла работа. Что ни утро—все новыя и новыя укрѣпленія, траншеи, окопы, и все ближе выростаютъ они передъ Плевной. Медленно, но неуклонно и вѣрно подходятъ русскіе къ роковому для нихъ мѣсту. И суживается день ото дня живое кольцо вокругъ Плевны. 11 октября, полтора мѣсяца спустя послѣ начала работъ, русскіе начали бомбардировку. Изо

дня въ день утромъ и вечеромъ 90 осадныхъ и дальнобойныхъ орудій привѣтствовали изъ своихъ жерлъ Османа-пашу и защитниковъ Плевны. Жужжа, шипя, свистя и разрываясь въ воздухѣ, неслись 90 снарядовъ въ намѣченный наканунѣ пунктъ, и его какъ не бывало. Положеніе турокъ день ото дня становилось невыносимѣе. Снаряды и съѣстные припасы таяли, новыхъ запасовъ ждать было неоткуда. Прошелъ еще мѣсяцъ. Положеніе Плевны стало явно безнадежнымъ. Ясно сознавая свое безвыходное положеніе, Османъ-паша рѣшился на отчаянный шагъ: онъ рѣшилъ оставить Плевну и прорваться сквозь русскіе отряды. Это ему не удалось. Послѣ кровопролитнаго сраженія, во время котораго Османъ-паша былъ раненъ, турецкая армія сдалась, и Плевна, эта страшная, томительная Плевна, поглотившая столько тысячъ русскихъ жизней, изсушившая и угнетавшая столько русскихъ сердецъ и такимъ тяжелымъ гнетомъ лежавшая на множествѣ русскихъ душъ, наконецъ пала.

За заслуги во время войны 1877—78 г. Тотлебенъ былъ награжденъ орденами св. Георгія 2-ой степени и Андрея Первозваннаго, а въ 1879 г., по случаю 25-лѣтія со дня перваго бомбардированія Севастополя, былъ возведенъ въ графское достоинство. Въ этомъ же году онъ былъ назначенъ временнымъ одесскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками одесскаго округа, послѣдніе же годы своей жизни занималъ такой же постъ въ Вильнѣ. Скончался Эдуардъ Ивановичъ въ 1884 г.

Послѣ Тотлебена осталось нѣсколько научно-литературныхъ трудовъ, изъ коихъ «Описаніе обороны Севастополя», «Записка къ проектамъ вооруженія сухопутныхъ крѣпостей» и «О вооруженіи приморскихъ крѣпостей» являются самыми интересными его работами. По мнѣнію извѣстнаго бельгійскаго инженера Бріальмона, Тотлебена слѣдуетъ признать самымъ замѣчательнымъ инженеромъ XIX вѣка.

Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ (1818—1882).

Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ—извѣстный русскій генералъ, славный завоеватель и организаторъ русскихъ владѣній въ Средней Азіи. Съ его именемъ связано взятіе Самарканда, безпримѣрный въ исторіи по своей трудности Хивинскій походъ по непроходимымъ песчанымъ и безводнымъ пустынямъ и завоеваніе Коканскаго ханства.

Сынъ русскаго генерала, Константинъ Петровичъ родился 19 февраля 1818 года и воспитаніе получилъ въ Николаевскомъ Инженерномъ училищѣ. По успѣшномъ окончаніи здѣсь полнаго курса наукъ, Константинъ Петровичъ въ 1838 году поступилъ сначала въ Новогеоргіевскую инженерную команду, а затѣмъ въ Брестъ-Литовскую, въ 1843 же году перевелся на Кавказъ, гдѣ вскорѣ заслужилъ себѣ блестящую репутацію. 1844 годъ положилъ начало его боевой жизни: съ этого года начался цѣлый рядъ экспедицій противъ горцевъ со стороны Чечни и Дагестана, и во всѣхъ этихъ походахъ Константинъ Петровичъ принималъ самое дѣятельное участіе въ качествѣ инженера, при чемъ два раза былъ серьезно раненъ. Особенно отличился К. П. при осадѣ аула Гергебиль въ 1848 г., за которую награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й ст. Въ 1853 году—уже въ чинѣ полковника и въ должности командира Кавказскаго савернаго баталіона,—онъ принялъ участіе въ Восточной войнѣ въ составѣ отряда кн. Бебутова—вплоть до обложенія и взятія въ 1855 г. крѣпости Карса. Когда турецкій гарнизонъ Карса, доведенный до крайности, предложилъ сдаться на капитуляцію, заключеніе этой капитуляціи и опредѣленіе условій ея было поручено главнокомандующимъ Константину Петровичу, что̀ онъ и выполнилъ вполнѣ успѣшно. Пройдя затѣмъ за время съ 1856 года по 1864 годъ цѣлый рядъ повышеній, съ занятіемъ

при этомъ соотвѣтственно серьезныхъ и отвѣтственныхъ должностей (по инженерному вѣдомству и директоромъ канцеляріи военнаго министерства) и успѣшно выполнивъ за этотъ періодъ времени многочисленныя командировки какъ по Россіи, такъ и заграницей, Константинъ Петровичъ въ декабрѣ 1864 года былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ, а въ слѣдующемъ 1865 году—Виленскимъ, Ковенскимъ, Гродненскимъ и Минскимъ генералъ-губернаторомъ, главнымъ начальникомъ Витебской и Могилевской губерній и командующимъ войсками Виленскаго военнаго округа. Недолго, однако, пробылъ онъ на этомъ посту. Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ послѣдовало новое не менѣе важное и отвѣтственное назначеніе его Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками этого округа. Здѣсь Константину Петровичу предстояло помочь Россіи стать твердой ногой въ Средней Азіи, помочь ей водворить въ этой дикой еще странѣ свое знамя во имя цивилизаціи.

Не легкая это была задача. Туркестанское генералъ-губернаторство было только что сорганизовано, и русскимъ приходилось почти сплошь имѣть дѣло съ полудикими варварскими племенами, горѣвшими къ тому же непримиримой враждой къ ихъ новымъ сосѣдямъ. Систематическое движеніе русскихъ войскъ въ Среднюю Азію началось еще въ царствованіе Императора Николая I. Въ 1847 году были построены наши передовыя укрѣпленія на р. Сыръ-Дарьѣ и въ Семирѣченскомъ краѣ, а въ 1853 году генералъ Перовскій взялъ штурмомъ Коканскую крѣпость Акъ-Мечеть, переименованную затѣмъ въ Перовскъ. Работы по укрѣпленію пограничной Сыръ-Дарьинской линіи продолжались, и въ слѣдующемъ году за р. Или русскими было воздвигнуто укрѣпленіе, названное Вѣрнымъ. Но здѣсь русская граница пришла въ соприкосновеніе съ племенами, занимавшимися по преимуществу разбоями и грабежами. Эти полудикія племена вторгались въ наши предѣлы и зачастую своими хищническими нападеніями мѣшали торговымъ караванамъ, направлявшимъ

наши товары въ Персію и другія азіатскія владѣнія. Нечего и говорить, что эти постоянные набѣги затрудняли нашу торговлю и нарушали покой нашихъ пограничныхъ странъ. Въ виду этого Императоръ Александръ II, по вступленіи его на престолъ, призналъ необходимымъ соединить конечные военные пункты русскаго владычества въ Средней Азіи—фортъ Перовскъ и укрѣпленіе Вѣрный — новой пограничной линіей, которая могла бы обезпечить наши владѣнія отъ вторженій дикихъ кочевниковъ и отъ нападеній со стороны средне-азіатскихъ ханствъ – Хивы, Бухары и Кокана. Съ этой цѣлью въ 1864 году была организована экспедиція, закончившаяся взятіемъ русскими коканской крѣпости Ауліе-Ата, города Туркестана и Чемкента. Такимъ образомъ намѣченная Государемъ цѣль была достигнута: конечные пункты нашихъ владѣній на низовьяхъ Сыръ-Дарьи и въ Закаспійскомъ краю связала новая пограничная линія, получившая названіе Ново-Коканской. Военныя дѣйствія, однако, какъ и слѣдовало ожидать, съ установленіемъ этой новой линіи не прекратились. Устанавливая ее, русскіе заняли цѣлую область, принадлежавшую Кокану. Тогда коканскій ханъ, сосредоточившій въ Ташкентѣ значительную часть своихъ силъ, сталъ держать себя по отношенію къ русскимъ самымъ вызывающимъ образомъ и угрожать нашимъ пріобрѣтеніямъ. Пришлось обратить на Ташкентъ серьезное вниманіе, и противъ коканцевъ былъ отправленъ русскій отрядъ подъ предводительствомъ генерала Черняева. Разбивъ многочисленное коканское войско подъ стѣнами Ташкента, Черняевъ овладѣлъ самымъ городомъ и, повидимому, окончательно усмирилъ коканскаго хана. Изъ всѣхъ этихъ земель, занятыхъ нами съ 1847 года въ киргизскихъ степяхъ и въ Коканскомъ ханствѣ, въ 1867 году было образовано Туркестанское генералъ-губернаторство съ Ташкентомъ во главѣ, какъ военно-административнымъ центромъ. Сюда-то, въ этотъ богатый, но совсѣмъ еще не благоустроенный край, и забросила судьба К. П. Кауфмана.

Очутившись на мѣстѣ своего новаго назначенія, живой и дѣятельный по натурѣ, онъ скоро освоился какъ съ самимъ краемъ, его географическимъ положеніемъ и естественными богатствами, такъ и съ мѣстными условіями жизни. Понявъ, какъ много можетъ дать этотъ край Россіи въ будущемъ, Константинъ Петровичъ энергично принялся за работу. Послѣдней было не мало: все надо было заводить, начинать, создавать; но К. П. не унывалъ; къ такой работѣ, созидательной и плодотворной, онъ всегда относился съ большимъ увлеченіемъ, и она, что называется, горѣла у него въ рукахъ. Не забывалъ онъ за этой работой и воинственныхъ сосѣдей. Хорошо понимая, что усмиреніе кокапскаго хана и неоднократные успѣхи русскаго оружія все-таки врядъ ли окажутся назидательными для Хивы и Бухары, онъ все время былъ настороже, готовый въ любой моментъ дать непріятелю должный отпоръ. Опасенія его не замедлили оправдаться. Уже въ слѣдующемъ 1868 г. сосѣднее съ Коканомъ Бухарское ханство начало проявлять по отношенію къ намъ не только враждебныя намѣренія, но и дѣйствія. Тогда К. П., лично предводительствуя войсками, вступилъ въ долину р. Зарявшана, разбилъ и разсѣялъ здѣсь бухарскія полчища и овладѣлъ ихъ священнымъ городомъ Самаркандомъ—съ гробницей Тамерлана. Окончательно уничтоженный, эмиръ бухарскій смирился, преклонился передъ Бѣлымъ Царемъ и подписалъ всѣ продиктованныя ему условія мира. Такъ, онъ уступилъ намъ завоеванные нами мѣстности и города, уплатилъ контрибуцію; предоставилъ, какъ и коканскій ханъ, свободу торговли нашимъ купцамъ и, сверхъ того, уничтожилъ въ своихъ владѣніяхъ рабство. За успѣшное окончаніе этого дѣла К. П. былъ пожалованъ орденомъ Бѣлаго Орла съ мечами и кромѣ того, въ память покоренія Самарканда, было Высочайше повелѣно начертать его имя на бѣлой мраморной доскѣ Инженернаго училища съ прибавленіемъ слѣдующей надписи: «1868 годъ. Самаркандъ».

Возвратившись изъ похода въ Ташкентъ, К. П.

вновь дѣятельно принялся за свою созидательную работу по водворенію порядка, цивилизаціи и нашего владычества въ Средней Азіи. Искренняя любовь къ нему сослуживцевъ и подчиненныхъ и ихъ усердіе много облегчали К. П. его трудъ, и онъ съ большимъ нравственнымъ удовлетвореніемъ видѣлъ, какъ подъ его разумнымъ управленіемъ росла, развивалась и крѣпла промышленность, расширялась торговля, и все глубже и глубже пускало свои корни образованіе И весь этотъ край, еще такъ недавно дикій и неустроенный, но съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе принимавшій обликъ европейской цивилизаціи, совсѣмъ незамѣтно для самого Константина Петровича, дѣлался его отрадой, его любимымъ дѣтищемъ. Пять лѣтъ прошло въ этой неутомимой работѣ. За это время Бухара и Коканъ вполнѣ подчинились вліянію Россіи и изъ всѣхъ среднеазіатскихъ ханствъ одна только Хива оставалась враждебной Россіи. Хивинскій ханъ разсчитывалъ на полную безнаказанность, такъ какъ Хивинскій оазисъ со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ песчаными и безводными пустынями. Увѣщанія, съ которыми наше правительство обращалось къ хивинскому хану, не помогали. Наконецъ, постоянные разбои, чинимые хивинцами, подстрекательства къ возмущенію подвластныхъ Россіи кочевниковъ, обложеніе налогами признавшихъ нашу власть киргизовъ и дерзкіе захваты русскихъ подданныхъ, которыхъ они обращали въ неволю,—все это переполнило чашу терпѣнія Государя и вынудило его смирить хана силою. Такимъ образомъ въ 1873 г. былъ рѣшенъ походъ на Хиву, составившій одну изъ безсмертныхъ страницъ русской исторіи. Константинъ Петровичъ вновь лично повелъ войска. Походъ этотъ черезъ ужасную безводную степь, въ которой не разъ уже гибли отважные отряды, казался верхомъ безумія и отваги и вызвалъ непритворное изумленіе всѣхъ современниковъ. Даже англичане, ревниво слѣдившіе за нашими успѣхами въ Средней Азіи, и тѣ не могли отказать русскимъ въ своемъ восторженномъ поклоненіи и справедливо сравнивали

хивинскую экспедицію съ походами Александра Македонскаго. И впрямь было чему удивляться, было передъ чѣмъ придти въ ужасъ. Передъ нашими войсками лежала безконечная безводная степь. Палящій зной сжигалъ кожу. Удушливый вѣтеръ сушилъ ее, мѣшалъ дышать и вмѣсто облегченія приносилъ только страданія и муку. Руки и ноги, точно налитыя свинцомъ, отказывались служить. Ураганы песку слѣпили глаза; ни платье, ни палатки, ничто не спасало отъ этихъ бурныхъ налетовъ: песокъ забивался въ уши, въ ротъ, въ носъ, во всѣ поры тѣла. Не спасала отъ зноя и удушья и ночь. Казалось — не будетъ конца этимъ мукамъ. Только отъ времени до времени доносившіеся отъ передовыхъ отрядовъ возгласы: «близко колодецъ» поддерживали людей, подбодряли ихъ, вселяли въ сердца ихъ надежду и помогали имъ добраться до желанной стоянки, гдѣ можно будетъ хоть слегка промочить горло. Но и стоянки эти зачастую мало приносили имъ отрады: соленая на вкусъ, черная вонючая жидкость подъ названіемъ воды, въ которой извивались тысячи разныхъ насѣкомыхъ, менѣе всего напоминала воду, и пить ее можно было только зажавши носъ. Тѣмъ не менѣе и ей научились радоваться, и она стала подъ конецъ казаться неоцѣнимой въ безводной степи. Поддерживаемыя примѣромъ своего главнокомандующаго, бодро и безропотно переносили наши войска всѣ эти невзгоды и, преодолѣвъ съ настоящей русской выносливостью и терпѣніемъ и глубокіе зыбучіе пески, и 45° жару, и отсутствіе воды, добрались наконецъ до Хивы и взяли ее. Бѣжавшій было ханъ былъ возвращенъ и возстановленъ на своемъ престолѣ. Затѣмъ ему было предложено освободить всѣхъ рабовъ, томившихся въ неволѣ въ его владѣніяхъ. Это требованіе было исполнено. По окончательному договору съ Россіей хивинскій ханъ обязался уплатить ей контрибуцію, уступилъ часть своихъ владѣній и предоставилъ русскимъ купцамъ безпошлинную торговлю въ своихъ земляхъ. Усмиритель Хивы К. П. Кауфманъ получилъ орденъ св. Георгія 2-й ст. Съ покореніемъ Хивы, ка-

залось, весь среднеазіатскій край волей-неволей долженъ былъ признать нашъ авторитетъ и покорной головой преклониться передъ нашимъ могуществомъ, но на дѣлѣ вышло не такъ. Въ 1875 г. вспыхнуло въ Кокапскомъ ханствѣ возстаніе, и новый ханъ наотрѣзъ отказался признать условія, подписанныя низвергнутымъ ханомъ. Такое положеніе вещей побудило Константина Петровича предпринять новый походъ противъ Кокана. И этотъ походъ оказался успѣшнымъ. Коканцы потерпѣли полное пораженіе, и ханство ихъ въ 1876 г. было торжественно присоединено къ нашимъ владѣніямъ подъ именемъ Ферганской области. Въ награду за это дѣло К. П. получилъ шпагу, осыпанную бриллiантами, съ надписью «за пораженіе коканцевъ». Всѣ эти боевые подвиги, безпрестанныя заботы о процвѣтаніи края и неутомимая дѣятельность на пользу его дѣлали имя Константина Петровича очень популярнымъ не только въ самомъ Туркестанѣ, но и по всей Россіи. Каждый, кому приходилось лично сталкиваться съ этой свѣтлою личностью, невольно удивлялся и его внутреннему складу, и его изъ ряду вонъ выходящей работоспособности. Энергичный, педантично акуратный въ исполненіи своихъ обязанностей, строгій къ себѣ и требовательный къ подчиненнымъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ до конца своихъ дней поражалъ всѣхъ живостью ума, разносторонностью интересовъ и богатствомъ душевныхъ запросовъ. Пройдя большую служебную карьеру, достигнувъ высшихъ почестей и доживъ до преклоннаго возраста, онъ, несмотря на богатый жизненный опытъ, какъ-то сумѣлъ черезъ всю свою жизнь пронести неугасимый свѣточъ юношеской вѣры въ лучшее. Горячій поборникъ просвѣщенія, въ которомъ онъ всегда видѣлъ залогъ лучшаго для человѣчества будущаго, онъ по мѣрѣ силъ своихъ поддерживалъ и поощрялъ всякое новое начинаніе, всякую свѣжую мысль, въ какой бы области науки они не проявлялись, и за время своего пятнадцатилѣтняго управленія Туркестанскимъ краемъ много поработалъ на пользу образованія. При немъ

было открыто до 60 школъ, 2 мужскихъ и 2 женскихъ гимназіи въ Ташкентѣ и Вѣрномъ и Публичная библіотека въ Ташкентѣ. Заслуги же его по изученію края доставили ему званіе почетнаго члена Императорскаго Географическаго Общества и Общества любителей естествознанія, антропологіи и энтографіи.

Скончался Константинъ Петровичъ въ 1882 г.

Графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ.

Бывшій военный министръ, гр. Д. А. Милютинъ является однимъ изъ наиболѣе заслуженныхъ, талантливыхъ и стойкихъ дѣятелей преобразовательной эпохи царствованія Императора Александра II. Родился Д. А. въ 1816 г. и происходилъ изъ даровитаго дворянскаго рода, давшаго въ короткое сравнительно время нѣсколькихъ выдающихся дѣятелей. Первоначальное свое образованіе Д. А. получилъ въ университетскомъ пансіонѣ въ Москвѣ, а оттуда поступилъ фейерверкеромъ въ гвардейскую артиллерію и въ 1833 г. былъ произведенъ въ офицеры. Проявивъ съ раннихъ лѣтъ большія способности къ математикѣ, онъ еще 16-тилѣтнимъ мальчикомъ составилъ и издалъ обратившее на него вниманіе «Руководство къ съемкѣ плановъ». Не переставая заниматься и по выходѣ въ офицеры, онъ поступилъ для дальнѣйшаго образованія въ Военную Академію и въ 1839 г. окончилъ въ ней курсъ. Съ этого времени началась его кипучая дѣятельность какъ въ сферѣ чисто военной, боевой, такъ и въ научной. Вѣчно занятый дѣлами, серьезно и всесторонне интересующійся всѣми запросами своего времени, онъ велъ тяжелую трудовую жизнь, устраняя со своего пути всякія наслажденія, и въ каждой отрасли труда, съ которой ему приходилось сталкиваться, онъ скоро становился выдающейся величиной и заставлялъ окружающихъ высоко цѣнить его дарованія и познанія. Такимъ образомъ, когда въ незабвенный для Россіи 1861 г. онъ

былъ призванъ на высокій административный постъ сначала товарища министра, а вскорѣ и военнаго министра, за нимъ уже было большое и славное прошлое. Это былъ человѣкъ, прошедшій солидную теоретическую и практическую военную школу, это былъ человѣкъ, за которымъ уже прочно установилась съ одной стороны репутація опытнаго кавказскаго боевого генерала, поражавшаго всѣхъ своей кипучей дѣятельностью, а съ другой—слава выдающагося первокласснаго ученаго —историка и профессора Военной Академіи, давшаго современникамъ такіе крупные научные и историческіе труды, какъ «Критическое изслѣдованіе значенія военной географіи и статистики», «Первые опыты военной статистики», «Описаніе военныхъ дѣйствій въ Сѣверномъ Дагестанѣ» и, наконецъ, классическое изслѣдованіе объ итальянскомъ походѣ Суворова, извѣстное подъ заглавіемъ «Исторія войны 1799 г. между Россіей и Франціей въ царствованіе Императора Павла I», вызвавшее восторженный отзывъ знаменитаго Грановскаго. «Книга эта», сказалъ, между прочимъ, Грановскій, «принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя необходимы каждому образованному русскому, и она, безъ сомнѣнія, займетъ весьма почетное мѣсто въ общеевропейской исторической литературѣ». Все это вмѣстѣ взятое, не говоря уже о личныхъ качествахъ, неподкупной честности, сердечной добротѣ, большой силѣ воли и необыкновенной способности свѣтло и идеально смотрѣть впередъ и смѣло идти къ намѣченной цѣли, естественно дѣлало Д. А. въ глазахъ Царя-Освободителя желаннымъ сотрудникомъ въ намѣченныхъ незабвеннымъ Монархомъ реформахъ. И Дмитрій Алексѣевичъ блестяще оправдалъ это довѣріе къ нему Царя. Человѣкъ широкаго образованія, основательно изучившій исторію Россіи, горячо любящій свою родину и болящій душой за ея недуги, Д. А. съ первыхъ же дней своей новой дѣятельности выступилъ рѣшительнымъ, убѣжденнымъ и стойкимъ поборникомъ обновленія Россіи въ духѣ тѣхъ началъ справедливости и равенства, которыми были проник-

нуты всѣ гуманно-освободительныя реформы Александра II. Задача, возложенная на Д. А. съ назначенiемъ его военнымъ министромъ, была одна изъ очень и очень нелегкихъ: нужно было заново пересоздать все устройство и управленiе армiей, нужно было пересмотрѣть и улучшить всѣ стороны военнаго быта, давно уже во многомъ отставшаго отъ требованiй жизни. Въ ожиданiи задуманной Государемъ коренной военной реформы, Д. А. прежде всего исходатайствовалъ Высочайшее повелѣнiе о сокращенiи срока военной службы съ 25 лѣтъ сначала на 15, а затѣмъ, когда былъ окончательно выработанъ воинскiй уставъ, и на 6 лѣтъ, что явилось большимъ просвѣтомъ въ обездоленной до того солдатской жизни. Рекрутчина была очень тяжелой для народа повинностью. Проводы рекрута, покидавшаго родное село или родной городъ, были раздирающей душу сценой. Ему предстояла продолжительная двадцатипятилѣтняя и притомъ тяжелая служба. Перспектива этой тяжелой и долгой службы за сотни, а нерѣдко и за тысячи верстъ отъ родного села или города естественно приводила въ отчаянiе какъ рекрута, такъ и близкихъ ему людей: вѣдь только черезъ 25 лѣтъ получалъ солдатъ отставку и могъ возвратиться къ себѣ на родину. За эти 25 лѣтъ онъ дѣлался даже какимъ-то чужимъ для родныхъ, а нерѣдко случалось и такъ, что, возвратившись, онъ находилъ только могилы тѣхъ, кто былъ близокъ его сердцу, а хозяйство въ конецъ разоренным. И зачастую такой бѣднякъ пробивался въ послѣднiе годы своей безотрадной жизни подаяньемъ добрыхъ людей. Это-то тяжелое положенiе солдатъ и ихъ семей и подало мысль Д. А. о сокращенiи срока солдатской службы на столько, чтобы покидавшiй свое родное село возвращался домой человѣкомъ еще молодымъ, полнымъ силъ и энергiи. Много и другихъ облегченiй въ этой отяготительной для народа повинности было сдѣлано Д. А. Зорко присматриваясь ко всѣмъ сторонамъ солдатскаго быта, онъ ясно видѣлъ всѣ его недостатки и неутомимо

принималъ мѣры къ возможному устраненію ихъ. Такъ замѣтно была улучшена пища, обращено вниманіе на бо̀льшую гигіеничность жилищъ и обмундировки; не забыты были и духовные интересы солдатъ: ихъ начали обучать грамотѣ; изгнаніемъ же изъ пріемовъ военнаго обученія практиковавшихся всегда прежде зуботычинъ, оплеухъ и розогъ было положено начало развитію въ солдатѣ чувства собственнаго достоинства и уваженія къ нему, какъ къ человѣку. Много нужно было вѣры въ силу добра и въ добрые инстинкты русскаго народа, чтобы отважиться на такое новшество, какъ изгнаніе изъ обихода военнаго ученія розги, противъ чего возражали всѣ военные авторитеты того времени, воспитанные на взглядѣ, что «дисциплина безъ розогъ немыслима». Но Д. А. не испугался поднявшагося противъ него ропота и, рѣшительно высказавшись противъ всѣхъ видовъ тѣлеснаго наказанія, считая одни безчеловѣчными, а другія унизительными для человѣческаго достоинства, и потому вредными для разумной военной дисциплины, не только твердо провелъ этотъ свой взглядъ въ жизнь въ войскахъ и въ подвѣдомственныхъ ему военно-учебныхъ заведеніяхъ, но и много способствовалъ изданію благодѣтельнаго и человѣколюбиваго закона 17 апрѣля 1863 г. объ отмѣнѣ жестокихъ и позорящихъ уголовныхъ наказаній—шпицрутеновъ, плетей, розогъ, клейменія, приковыванія къ телѣжкѣ и т. под. Считая, что лучшей опорой дисциплины и успѣха военнаго дѣла явится подъемъ нравственной личности, Д. А. энергично работалъ надъ поднятіемъ уровня образованія какъ среди солдатъ, такъ и высшихъ военныхъ чиновъ. Такъ, его трудами создалась несуществовавшая прежде первоначальная школа для низшихъ чиновъ, его заботами были преобразованы—по завѣтамъ знаменитаго педагога Н. И. Пирогова—среднія военно-учебныя заведенія—корпуса, его стараніями была учреждена военно-юридическая академія, значительно расширена программа военно-медицинской школы и заведены первые медицинскіе женскіе курсы.

Большія преобразованія были внесены имъ и въ военное судопроизводство. Какъ только были открыты новые гласные суды, Д. А. счелъ необходимымъ выработать и для военнаго вѣдомства согласный съ ними по духу военно-судебный уставъ, который и былъ блестяще осуществленъ имъ 15 мая 1867 г. Самымъ же крупнымъ и славнымъ преобразованіемъ Д. А., преобразованіемъ, явившимся одной изъ блестящихъ страницъ въ исторіи русской культуры, было введеніе общей воинской повинности, мысль о которой Д. А. лелѣялъ съ самыхъ первыхъ лѣтъ своего министерства. Со временъ Петра Великаго наше войско пополнялось путемъ рекрутскихъ наборовъ, при чемъ вся тяжесть военной службы падала на крестьянъ и мѣщанъ. Хотя Петръ Великій привлекъ къ обязательной военной службѣ и дворянъ, но во второй половинѣ XVIII вѣка они были совершенно освобождены отъ нея, могли служить или не служить по своему собственному усмотрѣнію. Рекруты же другихъ классовъ по желанію могли избавляться отъ службы, нанявъ за себя охотника или даже купивъ такъ называемую зачетную рекрутскую квитанцію, словомъ, могли такъ или иначе откупиться отъ военной службы. Возможностью этой, конечно, могли пользоваться только люди состоятельные, и такимъ образомъ рекрутчина всей своей тяжестью падала на бѣднѣйшихъ людей. Проектъ, составленный Д. А. Милютинымъ и затѣмъ проведенный имъ въ жизнь, въ корень измѣнилъ характеръ воинской повинности. Распространенная на всѣ сословія, воинская повинность изъ унизительной, составлявшей удѣлъ низшихъ сословій и назначавшейся даже иной разъ въ видѣ наказанія за преступленія, обращалась въ тяжелую, но почетную общегражданскую повинность. «Защита престола и отечества,—говорилось въ данномъ по этому поводу манифестѣ,—есть священная обязанность каждаго русскаго подданнаго, а потому все мужское населеніе безъ различія состояній подлежитъ воинской повинности». Результатомъ такого положенія явился фактъ совмѣст-

наго служенія въ рядахъ войскъ неграмотнаго крестьянина и молодого дворянина, окончившаго высшій курсъ наукъ. Такое совмѣстное служеніе, удовлетворяя чувству справедливости, приподнимало положеніе солдата и оказывало на простыхъ людей, поступавшихъ въ ряды войскъ, благотворное, развивающее вліяніе. Сдѣлавъ воинскую повинность всеобщей повинностью, Д. А. нашелъ необходимымъ установить и различныя льготы по отбыванію ея, выражающіяся при извѣстныхъ обстоятельствахъ или въ полномъ освобожденіи отъ воинской службы вообще (священнослужители всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій), или въ освобожденіи отъ дѣйствительной службы въ мирное время (льгота по семейному положенію: единственный способный къ труду сынъ при отцѣ неспособномъ къ труду или при матери-вдовѣ и др.), или въ сокращеніи служебныхъ сроковъ (въ зависимости отъ степени образованія). Особенно щедръ былъ Д. А. въ предоставленіи льготъ по степени образованія. Цѣлью установленія этихъ послѣднихъ — было привлеченіе возможно большаго числа лицъ къ высшему образованію.

Этотъ составленный Д. А. новый уставъ о воинской повинности Государь поручилъ привести въ исполненіе самому же Д. А. Въ рескриптѣ, данномъ на имя Д. А. Императоромъ Александромъ II отъ 11 января 1874 г., Государь сказалъ:—«Проникнутый горячей заботливостью о пользахъ арміи и общемъ благѣ государства, вы стремились во внесенномъ вами въ Государственный Совѣтъ проектѣ къ пріумноженію не только матеріальной, но преимущественно нравственной силы войска и въ то же время не упустили изъ виду необходимости огражденія другихъ важныхъ интересовъ быта семейнаго, промышленности, торговли и въ особенности просвѣщенія во всѣхъ его степеняхъ. Тяжелыми трудами вашими въ этомъ дѣлѣ и просвѣщеннымъ на него взглядомъ вы оказали государству услугу, которую Я ставлю себѣ въ особое удовольствіе засвидѣтельствовать и за которую выра-

жаю вамъ Мою истинную признательность. Законъ, Мною утвержденный и нынѣ обнародованный, да будетъ при вашемъ содѣйствіи приводиться въ исполненіе въ томъ же духѣ, въ какомъ онъ составленъ». Горячо принялся Д. А. за работу, и благотворные результаты ея не замедлили сказаться. Освободительная русско-турецкая война 1877—1878 г.г. потребовала къ испытанію молодое преобразованное русское войско еще до завершенія его преобразованія. Главный виновникъ этого преобразованія, Д. А. Милютинъ, находясь на мѣстѣ военныхъ дѣйствій, имѣлъ утѣшеніе убѣдиться, что вѣра его въ разумъ, въ силу просвѣщенія и въ нравственное достоинство русскаго народа не обманула его. При многихъ недочетахъ этой войны русскій солдатъ, вышедшій изъ народа и воспитанный безъ розогъ, въ духѣ человѣчности, велъ себя съ такимъ достоинствомъ, что самые завзятые противники русскихъ изъ англичанъ должны были отдать ему въ томъ справедливость и даже заплатить дань удивленія. Въ трудные мѣсяцы, проведенные Д. А. на театрѣ войны, это отрадное явленіе и для него, и для другихъ было немалымъ утѣшеніемъ. По окончаніи войны Д. А. былъ возведенъ въ графское достоинство Россійской имперіи, а за паденіе Плевны награжденъ орденомъ св. Георгія 2-й степ.

Въ должности военнаго министра Д. А. продолжалъ состоять до 1881 г.; за эти 20 лѣтъ его управленія министерствомъ значеніе его дѣятельности далеко не исчерпывалось преобразованіемъ спеціально военной области. Принадлежа къ числу убѣжденныхъ государственныхъ дѣятелей, вынесшихъ на своихъ плечахъ великій трудъ обновленія Россіи, онъ всѣми силами своего знанія и таланта способствовалъ осуществленію задуманныхъ Царемъ-Преобразователемъ реформъ. Въ величайшей изъ реформъ Александра II— крестьянской, прославившей имя его брата Николая, Д. А. не принималъ непосредственнаго участія, такъ какъ въ это время служилъ на Кавказѣ, но за то во всѣхъ остальныхъ реформахъ онъ игралъ дѣятельную роль

и всегда былъ въ Государственномъ Совѣтѣ въ группѣ наиболѣе просвѣщенныхъ защитниковъ основъ преобразовательнаго движенія 60-хъ годовъ. Такимъ образомъ въ лицѣ Д. А. Россія имѣетъ не только просвѣщеннаго военнаго министра, но и разносторонняго государственнаго человѣка выдающихся дарованій, широкой образованности, большой опытности, изумительнаго трудолюбія, рѣдкой чистоты, честности и идеальнаго безкорыстія.

Въ апрѣлѣ 1881 г. гр. Д. А. оставилъ должность и съ тѣхъ поръ, произведенный въ 1898 г. въ генералъ-фельдмаршалы, живетъ въ Крыму въ своемъ имѣніи Симеизѣ. Въ настоящее время, несмотря на преклонный возрастъ—графу уже 95 лѣтъ—и физическій недугъ, Д. А. все еще бодръ духомъ и находитъ по-прежнему въ умственномъ трудѣ источникъ высшаго наслажденія.

Федоръ Федоровичъ Радецкій (1820—1890).

Ф. Ф. Радецкій, герой Кавказа и Шипки, происходилъ изъ дворянъ Казанской губ. и родился въ 1820 г. Образованіе свое онъ получилъ сначала дома, а затѣмъ въ Инженерномъ училищѣ и въ офицерскихъ классахъ (нынѣ—Николаевская Инженерная академія), по окончаніи которыхъ въ 1841 г. вышелъ сначала въ Варшавскую инженерную команду, а оттуда въ Грузинскій инженерный округъ. Здѣсь, на Кавказѣ, Ф. Ф. пришлось принять участіе во многихъ дѣлахъ противъ горцевъ. Бывшій въ то время главнокомандующимъ на Кавказѣ кн. Воронцовъ хорошо оцѣнилъ способности и глубокія познанія молодого Радецкаго и постоянно давалъ ему серьезныя порученія. Такъ ему было поручено отвѣтственное и опасное дѣло постройки подъ сплошнымъ градомъ непріятельскихъ пуль оборонительной башни на каменномъ мосту въ верховьяхъ Кубани. Имя его начинало упоминаться

все чаще и чаще, и съ нимъ скоро стали связывать наиболѣе выдающіеся подвиги. Два года прошло въ этихъ безпрерывныхъ походахъ. За это время всей душой преданный военному дѣлу и мечтавшій всегда о возможно большемъ расширеніи круга своихъ познаній, Ф. Ф., несмотря на всю тяжесть строевой жизни, сумѣлъ подготовиться и поступилъ въ Императорскую военную академію. Блестяще окончивъ ее въ 1849 г., онъ вышелъ въ войска, дѣйствовавшія въ Венгріи, а затѣмъ снова вернулся на Кавказъ. Годъ спустя, переведенный въ генеральный штабъ, онъ въ чинѣ полковника былъ назначенъ начальникомъ штаба войскъ Прикаспійскаго края. Эта вторичная служба его на Кавказѣ явилась вновь цѣлымъ рядомъ боевыхъ отличій на Лезгинской линіи и въ Дагестанѣ, и ни одно блестящее дѣло не обошлось безъ его дѣятельнаго и выдающагося участія. За это время онъ получилъ нѣсколько орденовъ и именныхъ Монаршихъ благоволеній, а въ должности командира Дагестанскаго полка стяжалъ и себѣ и полку громкую славу, отмѣченную орденомъ св. Георгія 4-й ст. и золотою саблею съ надписью «за храбрость». По окончаніи военныхъ дѣйствій въ восточной части Дагестана Ф. Ф. въ 1860 г. былъ назначенъ начальникомъ штаба Терской области и слѣдующіе 1861—63 г.г., произведенный за боевыя отличія въ генералъ-маіоры, провелъ въ безпрерывныхъ экспедиціяхъ за Кубанью. Послѣ покоренія Кавказа Ф. Ф. послѣдовательно командовалъ нѣсколькими пѣхотными дивизіями, а передъ объявленіемъ русско-турецкой войны 1877—78 г.г. послѣдовало его назначеніе командиромъ 8 корпуса. Вмѣстѣ съ этимъ корпусомъ по объявленіи войны— Ф. Ф. перешелъ турецкую границу, а вслѣдъ затѣмъ въ ночь на 15 іюня 1877 г. искусно переправился и черезъ Дунай у Зимницы и въ награду за переходъ получилъ орденъ св. Георгія 3-й ст. По переходѣ всей нашей арміи черезъ Дунай началось обычное въ нашихъ войнахъ съ турками явленіе: одинъ городъ за другимъ, одна крѣпость за другой стали

переходить въ наши руки. Чтобы обезпечить себѣ столь же славное дальнѣйшее движеніе вглубь Турціи, главнокомандующій, Вел. Кн. Николай Николаевичъ, рѣшилъ безотлагательно овладѣть проходами черезъ Балканскій хребетъ. Самымъ удобнымъ изъ всѣхъ проходовъ за Балканы считался Шипкинскій проходъ, получившій свое названіе отъ близъ лежащей деревни Шипки и ведшій прямо къ Адріанополю. Этимъ-то проходомъ и рѣшено было овладѣть въ первую голову. Дѣло это по существу своему было не легкое: Шипкинскій перевалъ, занятый турками, представлялъ собою почти неодолимую для атаки преграду, но турки, находившіеся подъ впечатлѣніемъ нашего побѣдоноснаго сначала движенія впередъ, потеряли голову, не сообразили выгодъ своего положенія, и, тѣснимые бурнымъ натискомъ нашего передового отряда ген. Гурко, отступили. Такимъ образомъ Шипкинскій перевалъ былъ занятъ русскими, и путь дальнѣйшаго наступленія для русской арміи былъ открытъ. По занятіи Шипкинскаго перевала ген. Гурко предполагалъ было двинуться далѣе къ Адріанополю, но появленіе здѣсь большой арміи Сулеймана - паши заставило его, въ ожиданіи нашихъ главныхъ силъ, ограничиться дѣйствіями лишь въ ближайшихъ окрестностяхъ Балканъ. Тѣмъ временемъ произошло нѣчто совершенно неожиданное: талантливый турецкій полководецъ Османъ-паша занялъ незначительный болгарскій городъ Плевну и быстро превратилъ его въ неприступную позицію. Этотъ невзрачный на первый взглядъ городокъ оказался очень важнымъ пунктомъ, такъ какъ въ немъ былъ узелъ путей, пролегавшихъ по западной Болгаріи, и, хорошо укрѣпленный, занятый большой арміей, онъ являлся слишкомъ грознымъ, чтобы можно было не обратить на него серьезнаго вниманія и рискнуть оставить его у себя въ тылу. Приходилось поневолѣ пріостановить дальнѣйшее движеніе нашихъ главныхъ силъ и сосредоточить все свое вниманіе на взятіи Плевны. Неприступность Плевны сказалась сразу; несмотря на чудеса храб-

рости, проявленной русскими, штурмы ея не приносили никакихъ отрадныхъ для насъ результатовъ, кровь лилась рѣкой, ряды русскихъ таяли, а чудовищная Плевна стояла неуязвимой, точно издѣваясь надъ русскими удальцами. Какъ только выяснилась невозможность дальнѣйшаго движенія впередъ, пока не будетъ взята Плевна, передовой отрядъ ген. Гурко былъ отозванъ изъ-за Балканъ, охрана же балканскихъ проходовъ, которые рѣшено было удерживать за собою, была поручена командиру 8 корпуса Ф. Ф. Радецкому; ему же вмѣстѣ съ тѣмъ было вмѣнено въ обязанность не допускать соединенія стоявшей за Балканами арміи Сулеймана-паши съ засѣвшимъ въ Плевнѣ Османомъ-пашей или съ главными турецкими силами подъ предводительствомъ Мегмета-Али, замкнувшимися въ четыреугольникѣ крѣпостей -Рущука, Силистріи, Варны и Шумлы—и серьезно угрожавшими нашему лѣвому флангу. Чтобы выполнить эту задачу, Радецкому пришлось растянуть свои 40 тысячъ больше чѣмъ на сто верстъ и расположиться такимъ образомъ, чтобы занять всѣ пути, по которымъ Сулейманъ могъ двинуться на соединеніе съ Мегметомъ или Османомъ. Позиція, занятая русскими на Шипкѣ, совершенно не соотвѣтствовала тактическимъ требованіямъ, и единственная выгода ея состояла въ ея малодоступности. Растянувшись на нѣсколько верстъ въ глубину по крайне узкому гребню, она подвергалась на всемъ своемъ протяженіи перекрестному огню съ сосѣднихъ возвышавшихся надъ нею высотъ, не представляя при этомъ ни естественныхъ закрытій, ни удобствъ для перехода въ наступленіе. При всемъ томъ, въ силу стратегическихъ соображеній, ее требовалось во что бы то ни стало отстоять и удержать за собою. Первое время Сулейманъ-паша, не сомнѣвавшійся, что ему съ его таборами безъ труда удастся вытѣснить противниковъ съ Шипкинскаго перевала, оставлялъ нашихъ въ покоѣ, ожидая, чѣмъ кончатся плевненскіе бои, и не прорвется ли Османъ-паша, чтобы сразу съ двухъ сторонъ ударить на русскихъ. Но

вотъ въ началѣ августа 1877 г. Радецкій, имѣвшій серьезныя основанія опасаться перехода арміи Сулейман-паши въ сѣверную Болгарію по одному изъ восточныхъ проходовъ, получилъ тревожныя извѣстія объ усиленіи непріятельскихъ войскъ противъ нашихъ отрядовъ около городовъ Елены и Златарицы и немедленно двинулъ туда находившійся въ его распоряженіи общій резервъ, который удалился такимъ образомъ отъ Шипки на 3—4 перехода. На перевалѣ въ это время находился небольшой отрядъ ген. Столѣтова, всего до 4 тысячъ человѣкъ при 27 орудіяхъ. Узнавъ о такомъ положеніи вещей, Сулейманъ-паша рѣшилъ не терять удобнаго момента и двинулся со своими таборами на засѣвшую на горѣ св. Николая горсть русскихъ и болгаръ. И вотъ 9 августа съ семи часовъ утра на Шипкѣ поднялся кромѣшный адъ. Десять разъ съ изумительнымъ упорствомъ и энергіей ходили таборы турокъ на защитниковъ горы, но стойко отражали ихъ наши солдаты. Цѣлый день прошелъ въ этой упорной борьбѣ; сами молчаливые Балканы, казалось, ожили, заговорили, загремѣли. Сквозь немолчный ревъ пушекъ и ружейныхъ залповъ то тутъ, то тамъ раздавалось протяжное «алла» или звучавшее отчаяніемъ, но все же молодецкое наше «ура»; невыносимый зной томилъ защитниковъ Шипки, у разгоряченныхъ непомѣрными усиліями людей не было чѣмъ утолить жажду, чѣмъ освѣжить запекшіяся губы... «Хоть бы ужъ ночь поскорѣе!» тоскливо думалось солдатамъ, а ряды ихъ все рѣдѣли и рѣдѣли. Спасительная ночь наконецъ наступила; устали турки, прекратили свои бѣшеныя атаки и расположились на отдыхъ. Но не до отдыха было нашимъ: нужно было торопиться укрѣплять свои позиціи, нужно было во что бы то ни стало сдѣлать все, чтобы какъ можно дольше задержать здѣсь врага, чтобы какъ можно дороже отдать свою жизнь,—а тѣмъ временемъ можетъ подойдетъ и подкрѣпленіе. 10-го турки не возобновляли атакъ, и дѣло ограничилось артиллерійской и ружейной перестрѣлкой. Между тѣмъ Радецкій, узнавъ

объ опасности, угрожавшей шипкинцамъ, поспѣшилъ къ Шипкѣ съ общимъ резервомъ. Невѣроятные, почти нечеловѣческіе переходы совершалъ онъ со своими войсками, спѣша на выручку осажденнымъ, но все же придти туда раньше 11-го онъ не могъ. Этотъ день оказался критическимъ для защитниковъ перевала. Едва забрежжилъ разсвѣтъ, таборы турокъ двинулись къ Шипкѣ, и къ 10 ч. утра наша позиція оказалась уже охваченной противникомъ съ трехъ сторонъ. Атаки турокъ, отбиваемыя нашимъ огнемъ, возобновлялись съ ожесточеннымъ упорствомъ. Положеніе шипкинцевъ съ каждымъ часомъ становилось все безвыходнѣе и безнадежнѣе, запасъ снарядовъ быстро истощался, и впереди оставалась одна надежда на штыкъ да на прикладъ. Къ вечеру къ Сулейману подошли еще свѣжія силы, а горсточка шипкинцевъ становилась все меньше и меньше, и полегли бы они всѣ до послѣдняго подъ вражескимъ напоромъ, кабы не подоспѣлъ къ нимъ во-время Радецкій. Поднятый на перевалъ на казачьихъ лошадяхъ, шестнадцатый стрѣлковый баталіонъ и быстро подошедшіе за нимъ другія части резерва, какъ озвѣрѣлые, кинулись въ самую гущу боя. Громомъ небеснымъ грянуло ихъ могучее—«ура», и турки, уже торжествовавшіе было побѣду, растерялись, дрогнули и отступили передъ этимъ стихійнымъ натискомъ стрѣлковъ. Съ наступленіемъ сумерекъ бой прекратился. На Шипкѣ воцарилась тишина, а съ нею пришелъ и отдыхъ для измученныхъ бойцовъ, но не долго длился онъ, этотъ отдыхъ. Съ разсвѣтомъ Сулейманъ снова кинулъ свои таборы на русскихъ. 3 дня еще длился этотъ упорный кровавый бой. Яростныя и стремительныя атаки турокъ неизмѣнно встрѣчали дружный отпоръ шипкинцевъ, замѣтно пріободрившихся и начавшихъ твердо вѣрить въ счастливый для себя исходъ дѣла. Главное командованіе теперь на шипкинской позиціи принадлежало Ф. Ф. Радецкому, а въ его имени было много обаятельнаго для русскаго солдата. Во всю свою продолжительную боевую жизнь онъ не встрѣчалъ ни малѣйшей неудачи,

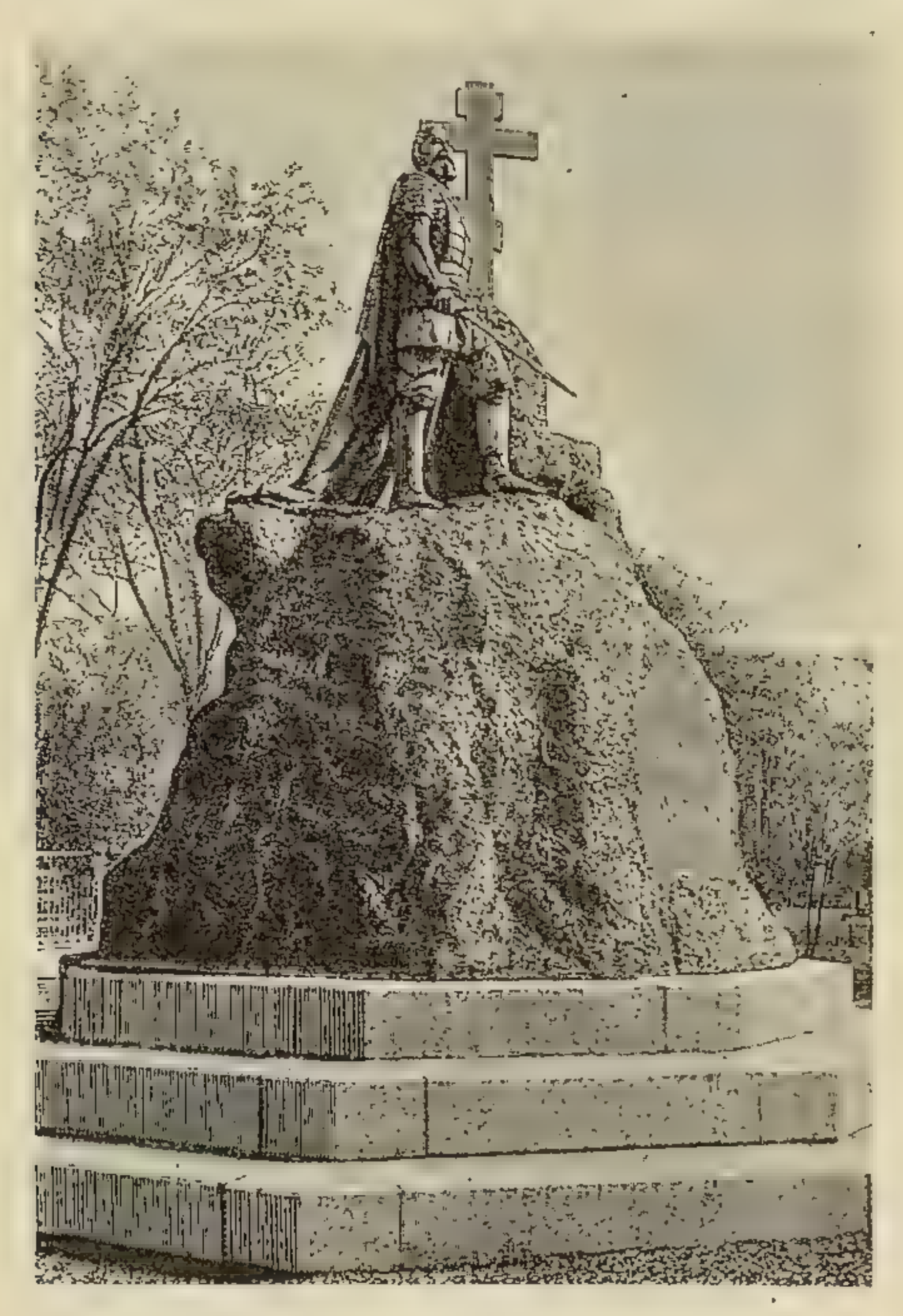
и, казалось, каждому, съ кѣмъ ему приходилось имѣть дѣло, онъ неизмѣнно внушалъ къ себѣ безусловное довѣріе, глубокое уваженіе и искреннюю преданность. Чувство мѣры, безстрашіе, непреклонная рѣшимость въ стремленіи къ поставленной однажды цѣли соединялись въ немъ со справедливостью, постояннымъ попеченіемъ о нуждахъ солдатъ, крайней скромностью, простотой и мягкостью сердца. Его невозмутимое спокойствіе дѣйствовало на подчиненныхъ самымъ ободряющимъ образомъ, при видѣ же его беззавѣтной отваги, каждый невольно чувствовалъ и въ себѣ какой-то особый приливъ энергіи и презрѣнія къ смерти. Вотъ почему, несмотря на то, что турецкія пушки продолжали ревѣть, турецкіе таборы все такъ же злобно и яростно бросались на русскія позиціи, и каждый день во множествѣ уносилъ все новыя и новыя жертвы, въ душѣ русскаго солдата не было отчаянія, и онъ съ надеждой смотрѣлъ въ туманное и тревожное будущее. Наконецъ 15-го августа 6-ти дневный шипкинскій бой прекратился, не давъ туркамъ желаннаго результата: наши войска продолжали стойко держаться на Шипкѣ, и хотя турки и сохранили свое охватывающее насъ положеніе, все-же эти дорого стоившіе намъ 6 дней боя, унесшаго изъ нашихъ рядовъ болѣе 3-хъ тысячъ человѣкъ, не остались безъ большого для насъ нравственнаго значенія. Невѣрные убѣдились, что сразу такого противника имъ не одолѣть. Ничтожная по сравненію съ ихъ таборами горсть храбрецовъ сумѣла геройски выдержать натискъ значительно превосходившаго ее врага, несмотря на всѣ неудобства своей позиціи, которую ей нужно было удерживать только по необходимости. Было надъ чѣмъ призадуматься, передъ чѣмъ пріостановиться... И турки пріостановились. Послѣ 6 дней безпрерывнаго и безрезультатнаго боя Сулейманъ-паша отказался отъ дальнѣйшихъ атакъ, но, обложивъ насъ съ трехъ сторонъ, все же рѣшилъ не давать намъ покоя, и турецкія батареи день и ночь поддерживали огонь по нашей позиціи. Нашихъ солдатъ это, впрочемъ, мало

заботило. Послѣ того кромѣшнаго ада, въ которомъ имъ только что пришлось побывать, рѣдкая сравнительно стрѣльба турецкихъ батарей, да десятокъ-другой убитыхъ и раненыхъ казались имъ сущими пустяками, и они, убѣжденно заявляя, что «на Шипкѣ все спокойно», не только отдыхали и сладко высыпались подъ грохотъ вражескихъ пушекъ, но еще и лихо, подъ впечатлѣніемъ пережитыхъ боевъ, распѣвали въ минуты досуга свои молодецкія пѣсни о томъ, какъ

«Турки насъ атаковали,
«Да остались въ дуракахъ».

Такъ продолжалось до начала сентября, когда до Сулеймана дошли наконецъ слухи о томъ, что вслѣдъ за неудачнымъ 3-мъ штурмомъ Плевны русскіе прибѣгли къ осадѣ. Сознаніе того угрожающаго положенія, въ которомъ очутилась такимъ образомъ плевненская армія Османа паши, побудило Сулеймана еще разъ попробовать сбить нашихъ смѣльчаковъ съ Шипки и пробиться на выручку къ Осману. Но и эта его попытка осталась безуспѣшной. Предпринятый имъ въ ночь на 5-е сентября ожесточенный штурмъ русскихъ позицій былъ дружно отбитъ нашими молодцами. Ничего не добившись и на этотъ разъ, Сулейманъ прекратилъ свои покушенія на Шипку и рѣшилъ вновь ограничиться безпрерывнымъ обстрѣливаніемъ ея. Такъ наравнѣ съ «плевненскимъ сидѣніемъ» турокъ началось наше «шипкинское сидѣніе» длившееся больше 4 мѣсяцевъ. Въ концѣ сентября Сулейманъ, назначенный главнокомандующимъ Дунайской арміей, былъ замѣненъ на Шипкѣ сначала Реуфомъ, а затѣмъ Весселемъ-пашой. Шипкинцамъ отъ этого не стало легче. У нихъ оказался еще болѣе грозный врагъ, чѣмъ турки—суровая горная зима. Метели и снѣжныя бури дѣлали пребываніе на Шипкѣ едва выносимымъ: теплой одежды не хватало, а устроенныя солдатами землянки плохо защищали отъ холода и непогоды. Во время снѣжныхъ бурановъ часовые, случалось, замерзали на постахъ, а иной разъ бывало и такъ, что вѣтромъ сносило въ овраги цѣлыя роты. Жутко ста-

новилось при мысли, чѣмъ кончится эта ужасная борьба съ суровой природой, но въ жилахъ шипкинцевъ текла русская кровь, а чего не вытерпитъ, чего не преодолѣетъ русскій человѣкъ! Съ присущей имъ

Памятникъ Ф. Ф. Радецкому въ Одессѣ.

кротостью, покорностью своему долгу и съ безграничнымъ мужествомъ безропотно переносили наши солдаты всѣ эти невзгоды, которыя такъ же мужественно и самоотверженно переживало съ ними и ихъ началь-

ство. Зорко слѣдили за войсками Ф. Ф. Радецкій и его ближайшіе помощники и неутомимо принимали всѣ находившіяся въ ихъ распоряженіи мѣры для предотвращенія той или другой грозившей имъ опасности, будь то живой врагъ, повальная болѣзнь или лютая горная природа. И этой своей распорядительностью, большимъ присутствіемъ духа и разумными мѣропріятіями не мало людей спасли они отъ преждевременной смерти. Такъ, перебиваясь со дня на день то въ борьбѣ со стужей, пургой и открывшимися эпидеміями, то отстрѣливаясь отъ сторожившаго ихъ врага, дожили наконецъ шипкинцы и до радостнаго дня. Чудовищная Плевна пала, а съ ея паденіемъ прекратилось и тяжелое шипкинское сидѣніе. Освободившись изъ-подъ Плевны, орлами взлетѣли наши войска на Балканы, и тутъ Ф. Ф. Радецкій, по строго обдуманному имъ и разсчитанному на несомнѣнный успѣхъ плану, съ помощью двухъ колоннъ—Святополкъ-Мирскаго и Скобелева, назначенныхъ имъ для обхода шипкинской позиціи турокъ, атаковалъ непріятеля съ фронта и 28-го декабря 1877 г. захватилъ въ плѣнъ всю армію Веселя-паши. Это плѣненіе шипкинской турецкой арміи, явившееся однимъ изъ самыхъ блестящихъ дѣлъ войны, покрыло имя Ф. Ф. неувядаемой славой, и, когда $1^1/_2$ мѣсяца спустя война окончилась, его всюду въ Россіи восторженно встрѣчали и чествовали какъ національнаго героя. За Шипку Ф. Ф. получилъ орденъ св. Георгія 2-ой степени и былъ произведенъ въ полные генералы.

Въ 1882 г. послѣдовало назначеніе его главнымъ начальникомъ сначала Харьковскаго, а потомъ Кіевскаго военнаго округа, а въ 1889 г.—членомъ Государственнаго Совѣта. Годъ спустя, искренно оплакиваемый всѣми, онъ тихо скончался. Принадлежа къ тому разряду счастливыхъ людей, которые, несмотря на всю свою славу, не умѣютъ возбуждать къ себѣ зависти и непріязни, онъ и по смерти своей сохранилъ за собой всеобщую любовь и уваженіе, которыя его окружали при жизни. И нѣтъ и по сіе время человѣка, который

сказалъ бы о немъ что дурное,—каждый, наоборотъ, спѣшитъ къ общему восторженному о немъ отзыву прибавить и свое слово уваженія.

Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ (1843—1882).

Блеснулъ и угасъ, какъ зарница...

Имя М. Д. Скобелева, покорителя текинцевъ и доблестнаго героя Освободительной войны 1877—1878 гг., хорошо извѣстно всей Россіи. «Мало онъ жилъ, да много сдѣлалъ...»—сказалъ про него профессоръ Леeръ, у котораго Скобелевъ учился въ Военной Академіи. И дѣйствительно: за свою, къ сожалѣнію, недолгую жизнь Скобелевъ сумѣлъ завоевать себѣ мѣсто въ ряду выдающихся историческихъ дѣятелей и знаменитыхъ борцовъ за честь родины. Скобелевъ водилъ свои войска на штурмъ такъ много разъ, какъ никто изъ полководцевъ нашего времени. Въ теченіе 19-ти лѣтъ онъ участвовалъ въ 70 сраженіяхъ. Всѣ штурмы его были побѣдами, и только одинъ разъ — подъ Плевной — онъ долженъ былъ уступить подавляющему силой непріятелю. Но помимо этихъ его военныхъ подвиговъ Скобелевъ сдѣлалъ еще и другое, сдѣлалъ то, что память о немъ будетъ вѣчно жить среди родного ему народа и всегда будетъ напоминать русскому солдату, какъ нужно служить Государю и Отечеству. Его обаятельный образъ рыцарски храбраго воина, преисполненнаго горячей и беззавѣтной любви къ родинѣ, заботливаго друга солдатъ, образованнаго генерала и высокодаровитаго полководца, умѣвшаго подчинять своей волѣ всѣхъ окружающихъ, создалъ величавую фигуру русскаго героя, и, знакомясь съ его исторіей, всякій, даже и «слабый духомъ, увѣруетъ въ силы своего народа, въ мощь и величіе своихъ героевъ и пойметъ, въ чемъ ихъ истинное величіе и вѣчное значеніе».

Родился М. Д. въ Петербургѣ 17 сентября 1843 г. Прадѣдъ его былъ простымъ однодворцемъ, а дѣдъ и отецъ—генералами, кавалерами орд. св. Георгія. Образованіе свое М. Д. получилъ сперва дома подъ руководствомъ нѣмца-гувернера, съ которымъ онъ сильно не ладилъ, а затѣмъ въ парижскомъ пансіонѣ нѣкоего Дезидерія Жирарде, образованнаго и честнѣйшаго француза, сильно привязавшагося къ пылкому и живому мальчику и старавшагося развить въ немъ сознаніе долга и обязанностей. По возвращеніи въ Россію Скобелевъ, по желанію родителей, въ 1861 г. поступилъ для высшаго образованія на математическій факультетъ СПБ. университета; занятія здѣсь, однако, мало интересовали его; юношу влекла военная наука, и его всей душой тянуло къ военной службѣ. Вскорѣ университетъ былъ закрытъ вслѣдствіе вспыхнувшихъ студенческихъ безпорядковъ, и Скобелевъ получилъ возможность осуществить свою мечту,—посвятить себя любимому дѣлу. Онъ поступилъ юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ и въ 1863 г., въ началѣ польскаго возстанія, былъ произведенъ въ корнеты. Переведенный затѣмъ въ Гродненскій гусарскій полкъ, онъ принялъ участіе въ Польской кампаніи и здѣсь впервые обратилъ вниманіе и начальства, и товарищей своими выдающимися военными дарованіями и необыкновенной наблюдательностью. Боевая жизнь была именно тѣмъ, о чемъ онъ постоянно мечталъ, и война всегда казалась ему сложной и серьезной наукой, требующей тщательнаго и глубокаго изученія. Возвратившись въ Петербургъ, Скобелевъ поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба, но здѣсь, несмотря на его блестящія способности и великолѣпную подготовку, его не считали «старательнымъ» офицеромъ. Подобно большинству геніальныхъ людей, Скобелевъ не подходилъ подъ общую мѣрку. Съ упоеніемъ занимаясь тѣмъ, что его привлекало, и небрежно относясь къ тому, что ему казалось менѣе важнымъ, онъ плохо отвѣчалъ на экзаменахъ и, только благодаря случайности, выказавшей во всемъ блескѣ его рѣшитель-

ность и лихость, былъ зачисленъ въ генеральный штабъ. На послѣдовавшихъ за экзаменами практическихъ испытаніяхъ ему было задано отыскать наиболѣе удобный путь для переправы кавалерійскаго отряда черезъ Нѣманъ. Для этого нужно было произвести рекогносцировку большого участка рѣки, но Скобелевъ, вмѣсто этого, все время провелъ на одномъ и томъ же пунктѣ. Когда же явилась повѣрочная комиссія, съ извѣстнымъ профессоромъ Лееромъ во главѣ, и предложила ему вопросы, онъ вмѣсто отвѣта, вскочилъ на коня, бросился въ Нѣманъ и благополучно переплылъ его въ оба конца. Лееръ пришелъ въ восторгъ отъ такого практическаго рѣшенія задачи и настоялъ на томъ, чтобы Скобелевъ былъ зачисленъ въ генеральный штабъ. Рѣшивъ не пропускать ни одного случая, гдѣ бы онъ могъ ознакомиться съ практикой войны не по книгамъ, а на дѣлѣ, М. Д. въ 1864 г. испросилъ заграничный отпускъ и принялъ участіе въ датской кампаніи, а по возвращеніи въ Россію былъ назначенъ на службу въ Туркестанскій край. Въ 1873 г. рѣшено было предпринять походъ отъ береговъ Каспійскаго моря вглубь безводныхъ закаспійскихъ степей противъ непокорнаго Хивинскаго хана, но предварительно необходимо было произвести развѣдки съ цѣлью опредѣленія колодцевъ на предположенномъ пути наступленія. Какъ при производствѣ этихъ развѣдокъ, требовавшихъ большой отваги и самоотверженія, такъ и въ послѣдовавшемъ затѣмъ самомъ походѣ на Хиву, походѣ по знойной песчаной пустынѣ, явившемся однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ подвиговъ русской пѣхоты, М. Д., тогда молодой подполковникъ, проявилъ кипучую дѣятельность. То стремительно налетитъ онъ со своимъ небольшимъ отрядомъ на непріятельскій станъ, обратитъ врага въ бѣгство, захватитъ его верблюдовъ и съѣстные припасы, то спѣшитъ новымъ смѣлымъ натискомъ выручить попавшихъ въ бѣду товарищей, и всюду, гдѣ только царитъ опасность, гдѣ витаетъ смерть, всюду видны его бѣлый конь, бѣлый китель и бѣлая

фуражка на гордо поднятой неустрашимой головѣ. И дикій азіатъ, завидѣвъ издали грозную для него фигуру «бѣлаго генерала», какъ успѣли уже окрестить Мих. Дм. хивинцы, стремительно бросается въ сторону и спѣшитъ укрыться отъ его орлинаго взгляда. Когда же 28 мая начался штурмъ самой Хивы, М. Д. и тутъ оказался впереди всѣхъ и первый, во главѣ двухъ ротъ, пробился въ брешь крѣпости и взялъ съ боя 3 непріятельскихъ орудія. 29 мая Хива была взята, и русскіе торжественно вступили въ городъ. За произведенную затѣмъ весьма рискованную рекогносцировку М. Д. награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й ст., а за Хивинскій походъ получилъ чинъ полковника и званіе флигель-адъютанта. Немного спустя, въ 1875 г., нашимъ туркестанскимъ отрядамъ пришлось вступить въ упорную борьбу съ другимъ непокорнымъ противникомъ — кокандцами. И съ этой новой борьбой связалъ М. Д. свое славное имя. Принявъ сначала дѣятельное участіе въ походахъ Кауфмана и Троцкаго, а затѣмъ успѣшно дѣйствуя уже во главѣ самостоятельнаго отряда, онъ побѣдилъ непокорныхъ кокандцевъ и укрѣпилъ за русскими ихъ крѣпость Андижанъ. Присоединенное затѣмъ къ Россіи 19 февраля 1876 г., Кокандское ханство было преобразовано въ Ферганскую область, а побѣдитель его — Скобелевъ — былъ назначенъ первымъ военнымъ губернаторомъ этихъ новыхъ русскихъ владѣній. Около 8 лѣтъ пробылъ въ общемъ М. Д. въ Средней Азіи и прошелъ здѣсь прекрасную боевую школу. Во всѣхъ продѣланныхъ имъ здѣсь походахъ онъ обнаружилъ не только исполнительность, частный починъ и храбрость младшаго начальника, но и замѣчательный талантъ самостоятельнаго вождя. Тщательное изученіе врага и той обстановки, въ которой ему приходилось дѣйствовать, умѣніе выбирать важныя цѣли и соотвѣтственно подготовляться къ походамъ, отличное оріентированіе во время операцій и необыкновенная способность извлечь изъ каждаго рода войскъ все, что онъ можетъ дать, — все это въ значительной мѣрѣ обусловливало

успѣхъ его предпріятій, не говоря уже о томъ неотразимомъ вліяніи, которое онъ имѣлъ на войска. Его личная неутомимость, энергія и безавѣтная отвага въ бою, его ласковое, привѣтливое отношеніе и до мелочей доходившая заботливость въ конецъ покорили ему простое безыскусственное сердце русскаго солдата. И, видя своего красавца-командира всегда впереди, веселаго, увѣреннаго въ себѣ и въ нихъ, солдаты подбадривались сами, забывали о возможной близости смерти, радостно шли впередъ и, гордо называя себя «скобелевцами», выходили побѣдителями тамъ, гдѣ другіе, пожалуй, нашли бы себѣ вѣрную гибель.

Казалось, русская природа
Его изъ мѣди отлила
И въ руки мечъ ему дала
Во славу русскаго народа...

Заслуги Скобелева не могли быть не оцѣнены, и, едва достигнувъ 33-хъ лѣтъ, онъ уже былъ генералъ-маіоромъ, зачисленъ въ свиту Его Величества, имѣлъ 2 Георгіевскихъ креста, золотую саблю. Между тѣмъ наступилъ 1877 г. Южные славяне тяжко стонали подъ гнетомъ турецкаго ига. Не могла великая Россія, надежда и оплотъ славянства, остаться безучастной къ ихъ тяжкой долѣ, не могла снести чинимыхъ турками притѣсненій, и Царь-Освободитель, при восторженномъ сочувствіи всего народа, повелѣлъ своимъ войскамъ 12 апрѣля 1877 г. перейти границу Турціи. Началась война. Узнавъ, что Россія поднялась на защиту славянъ, М. Д. не задумываясь оставилъ свой почетный и независимый постъ и поспѣшилъ на Дунай, гдѣ зачисленъ въ распоряженіе главнокомандующаго. Явившись къ генералу Драгомирову, во время переправы дивизіи послѣдняго черезъ Дунай, онъ предложилъ ему свои услуги въ качествѣ ординарца, и генералъ Драгомировъ не могъ нахвалиться храбростью, распорядительностью и неутомимостью Скобелева. Послѣ паденія Никополя нашимъ войскамъ пришлось подступить къ Плевнѣ, гдѣ засѣла сильная армія Осма-

на-паши. Нужно было во что бы то ни стало овладѣть этой грозной твердыней. Три раза ходили наши войска на штурмъ Плевны; одинъ ожесточеннѣе другого были эти штурмы, а Плевна все стояла, грозная и неприступная. Много геройства проявилъ здѣсь М. Д При второмъ штурмѣ ему былъ данъ въ распоряженіе небольшой отрядъ, главной задачей котораго было, дѣйствуя на Зеленыхъ горахъ, отвлечь часть турецкихъ силъ отъ нашихъ атакующихъ отрядовъ и тѣмъ ослабить силы непріятеля. Скобелевъ блестяще выполнилъ эту задачу. Сообразивъ, что русскихъ на Зеленыхъ горахъ немного, и понявъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какой вредъ можетъ причинить ему эта горсть смѣльчаковъ, Османъ-паша рѣшилъ выбить «скобелевцевъ» изъ ихъ позиціи. Сдѣлать это, однако, оказалось не такъ-то легко. Храбрецы, съ ихъ доблестнымъ начальникомъ во главѣ, не только продержались цѣлый день противъ превосходныхъ силъ непріятеля, но даже находили возможность самимъ нападать на него. Смертельная опасность ежеминутно грозила въ этотъ день Скобелеву. Его бѣлая фигура на неизмѣнно бѣломъ конѣ видпѣлась то тутъ, то тамъ въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ подъ убійственнымъ градомъ турецкихъ пуль. Смерть витала вокругъ него, одну за другой унося свои жертвы, а онъ, бодрый, съ высоко поднятой головой, все еще оставался неуязвимымъ и невредимымъ. Напрасно окружающіе уговаривали его отказаться отъ его пристрастія къ бѣлымъ лошадямъ, напрасно убѣждали его въ безразсудствѣ являть собой такую превосходную мишень для турецкихъ выстрѣловъ,—Скобелевъ былъ суевѣренъ и ни за что не хотѣлъ измѣнить своимъ бѣлымъ скакунамъ. Онъ хорошо помнилъ, какъ однажды бѣлая лошадь, не послушавшись его повода и упрямо направившись въ обратную сторону, чѣмъ ему хотѣлось, спасла его отъ неминуемой смерти, и съ тѣхъ поръ далъ зарокъ не брать себѣ другихъ лошадей, кромѣ бѣлыхъ, и фанатически слѣдовалъ этому зароку до самой своей смерти. Неуспѣхъ второго штурма Плевны обратилъ вниманіе русскихъ

на Ловчу; казалось, именно она мѣшала успѣху взятія Плевны. Рѣшили сломить сперва эту твердыню. На долю Скобелева выпала вся тяжесть боя и взятія «Рыжей горы». Тщательно произведя развѣдку подступовъ къ укрѣпленіямъ, Скобелевъ, съ помощью своихъ удальцовъ и военной хитрости, быстро взялъ «Рыжую гору», а за ней и самую Ловчу. Со взятіемъ Ловчи, приступили къ третьему штурму Плевны. Недалеко отъ Зеленыхъ горъ турки возвели 2 сильныхъ редута № 1 и № 2. Кто владѣлъ ими, тотъ становился хозяиномъ Плевны. 30 августа Скобелеву поручили овладѣть этими редутами. Со своимъ любимцемъ-командиромъ во главѣ, упорно карабкались «скобелевцы» по скалистымъ скатамъ подъ смертоноснымъ огнемъ турокъ, и, несмотря на многочисленность врага, редуты №№ 1 и 2 быстро перешли въ руки русскихъ храбрецовъ. Но удержать ихъ не было возможности; въ боевую часть ушли уже всѣ резервы, отрядъ Скобелева быстро таялъ, а врагъ все прибывалъ и прибывалъ. Тщетно молилъ Скобелевъ о подкрѣпленіи; подкрѣпленія не посылали... 24 часа продержался такъ его отрядъ, переходя отъ отчаянія и неимовѣрныхъ усилій къ слабымъ проблескамъ надежды на поддержку, но надежда эта такъ и не осуществилась. Ряды смѣльчаковъ рѣдѣли съ каждой минутой, и наконецъ у Скобелева уже не стало больше силъ отстаивать эти облитые русской кровью редуты. Съ жестокой мукой въ душѣ онъ приказалъ отступить, соскочилъ съ коня, вложилъ саблю въ ножны и лично замыкалъ это отступленіе. День этотъ доказалъ, что дальнѣйшій штурмъ Плевны—безуміе. Рѣшено было прибѣгнуть къ осадѣ. Изъ Петербурга вызвали гвардію и знаменитаго, прославившагося подъ Севастополемъ, военнаго инженера генерала Тотлебена Началась осада. Во время этой осады произведенный за боевыя отличія въ генералъ-лейтенанты, Скобелевъ два раза былъ контуженъ турецкой пулей и во второй разъ настолько тяжело, что вынужденъ былъ оставить траншеи. Немного времени спустя онъ, однако, опять появился

на позиціи—въ траншеяхъ, гдѣ для него была вырыта землянка и гдѣ онъ цѣлые часы работалъ надъ составленіемъ плановъ, надъ рѣшеніемъ всякихъ тактическихъ задачъ и т. п. Свободное же время онъ все проводилъ за чтеніемъ книгъ по разнымъ отраслямъ военной науки и изучалъ все, что предлагалось военными авторитетами. Память у него была необыкновенная, знаній масса. Непрестанно учась самъ и по книгамъ и путемъ опыта, онъ дѣлился своими знаніями и съ окружающими. Онъ сообщалъ офицерамъ свои выводы, зачастую совѣтовался съ ними, вступалъ въ споры, выслушивалъ каждое мнѣніе. Между тѣмъ осада Плевны близилась къ концу. 28 ноября Османъ-паша попробовалъ было прорваться сквозь стальное кольцо русскихъ штыковъ, но попытка его не удалась. Встрѣтивъ энергичный отпоръ гренадеръ, поддержанныхъ 16-й пѣх. дивизіей Скобелева, раненый Османъ-паша со своей арміей сдался въ плѣнъ. Съ паденіемъ Плевны Скобелевъ былъ назначенъ ея комендантомъ, но комендантскія обязанности тяготили героя, его тянуло въ бой, на Шипку, гдѣ Радецкій былъ осажденъ турками. Наконецъ, онъ получилъ желанный приказъ выступить на Шипку. Съ обычной своей предусмотрительностью, онъ отлично приготовилъ свой отрядъ къ трудному походу, снабдилъ его полушубками, провіантомъ и даже табакомъ и чаемъ. «Намъ предстоитъ трудный подвигъ, ребята!» обратился онъ передъ выступленіемъ въ походъ къ солдатамъ, «подвигъ, достойный постоянной и испытанной славы русскихъ знаменъ. Сегодня мы начнемъ переходить Балканы съ артиллеріей, безъ дорогъ, пробивая себѣ путь въ виду у непріятеля, черезъ глубокіе снѣговые сугробы. Въ горахъ насъ ждетъ турецкая армія. Не забывайте, братцы, что намъ ввѣрена честь отечества, что за насъ теперь молится самъ Царь-Освободитель, а за нимъ и вся Россія. Да не смущаетъ васъ ни многочисленность, ни стойкость, ни злоба враговъ. Дѣло наше свято, съ нами Богъ!» Громкое единодушное «ура» было отвѣтомъ на эти

слова, и весело, съ пѣснями стали проходить солдаты мимо своего любимаго начальника. Этотъ походъ черезъ Балканы удивилъ весь міръ. Ни стужа, ни отвѣсныя скалы, ни снѣжные заносы, ничто не могло остановить русскаго солдата. Съ удивительной выносливостью преодолѣвалъ онъ всѣ препятствія. Переваливъ черезъ Балканы, наши войска аттаковали турецкую армію близъ Шипки и послѣ упорнаго боя заставили ее сдаться. Душой и этого славнаго боя былъ Скобелевъ. Безудержнымъ натискомъ своей колонны на лѣвый флангъ противника у Шейново онъ сильно способствовалъ полному окруженію и захвату арміи Весселя-паши. Съ захватомъ этой арміи разсѣивались послѣднія силы турокъ за Балканами, и Россіи открывался безпрепятственный путь къ турецкой столицѣ — Константинополю. Горячимъ желаніемъ горѣлъ Скобелевъ водрузить стягъ Русскаго Царя на стѣнахъ древняго Царьграда, но мечтѣ этой не суждено было исполниться. 19 февраля въ Санъ-Стефано было заключено перемиріе. Цѣль войны была достигнута: Болгарскій народъ освобожденъ отъ турецкаго ига. По окончаніи войны Скобелевъ былъ назначенъ командиромъ 4-го армейскаго корпуса и пожалованъ въ генералъ-адъютанты, а въ 1880 г. послѣдовало назначеніе его начальникомъ экспедиціи противъ текинцевъ Ахалъ-Теке. Добраться до текинцевъ было чрезвычайно трудно; нужно было пройти по безлюдной пустынѣ, лишенной всякой растительности и воды, при жаркомъ климатѣ и прочихъ тяжелыхъ условіяхъ. По составленному въ высшихъ военныхъ сферахъ плану, покореніе Ахалъ-Теке предполагалось закончить въ два года. Скобелевъ сдѣлалъ это въ 9 мѣсяцевъ. Прежде чѣмъ двинуть свой отрядъ по безводной пустынѣ, онъ ни одной пяди земли не оставилъ необслѣдованной вплоть до конечнаго пункта похода — крѣпости Геокъ-Тепе, все взвѣсилъ, все постарался предусмотрѣть. Онъ зналъ, что отъ его предварительныхъ трудовъ зависитъ не только успѣхъ дѣла, но и сохраненіе множества драгоцѣнныхъ ему русскихъ жизней, и хотѣлъ

дѣйствовать навѣрняка, хорошо понимая къ тому же, что только полной побѣдой можно повліять на храбрыхъ полудикарей. Штурмъ Геокъ-Тепе былъ ожесточенный, но, наконецъ, крѣпость пала подъ натискомъ скобелевскихъ богатырей, воодушевленныхъ своимъ славнымъ вождемъ. Послѣдовавшее вслѣдъ затѣмъ безкровное присоединеніе Мерва лучше всего показало, какой громовый ударъ нанесъ Скобелевъ туркменамъ и какъ великъ былъ страхъ азіатовъ передъ его именемъ, наводившимъ на нихъ ужасъ. За Ахалъ-Текинскую экспедицію ему былъ пожалованъ орденъ св. Георгія 2 ст. и чинъ генерала-отъ-инфантеріи. По окончаніи этой экспедиціи Скобелевъ вернулся къ своему 4-му корпусу и усердно занялся его боевой подготовкой на Суворовскій ладъ. За этой-то работой, 25 іюня 1882 г., безпощадно сразила его непонятная скоропостижная смерть. Тогда, когда онъ, не щадя своей жизни, точно искалъ ее на поляхъ битвы, она безучастно проходила мимо него; теперь же, когда кругомъ царили миръ, тишина и спокойствіе, она, точно въ насмѣшку надъ всѣми, неумолимо выхватила его изъ рядовъ живыхъ, его, полнаго надеждъ, полнаго блестящихъ военныхъ замысловъ и такого нужнаго для Россіи. Какъ громомъ поразила всѣхъ эта горестная вѣсть; не хотѣлось ей вѣрить, хотѣлось думать, что это только страшный сонъ, который вотъ-вотъ разсѣется. Только для самого М. Д. да близкихъ ему людей не была эта смерть неожиданной. Томительныя предчувствія не покидали Скобелева въ послѣдніе дни его жизни. Онъ чувствовалъ, что смерть ужъ недалеко, и зачастую говорилъ объ этомъ своимъ друзьямъ. Какъ только тѣло М. Д. вынесено было въ церковь, тотчасъ же со всѣхъ сторонъ потянулись туда массы людей, спѣшившихъ въ послѣдній разъ взглянуть на это дорогое каждому лицо и со слезами неподдѣльной скорби поклониться праху любимаго героя.

Зачѣмъ толпой стоитъ народъ?
Чего въ безмолвіи онъ ждетъ?
Въ чемъ горе, въ чемъ недоумѣнье?

И каждый, русскій сердцемъ и душой, хорошо понималъ, въ чемъ это горе...

Не крѣпость пала, не сраженье
Проиграно,—*палъ Скобелевъ*! Не стало
Той силы, что была страшнѣй
Врагу десятка крѣпостей...
Той силы, что богатырей
Намъ сказочныхъ напоминала!

И тѣ, кому удалось быть свидѣтелями этихъ проводовъ Скобелева въ вѣчную жизнь, никогда не забудутъ того,

...Какъ Москва рыдала
Надъ этимъ прахомъ дорогимъ,
И какъ вся Русь ей отвѣчала
Рыданьемъ горестнымъ своимъ...

Да и какъ было не рыдать... Вѣдь каждый, кто провожалъ его этими слезами горя и отчаянія, прощался или съ героемъ, который былъ еще такъ нуженъ родинѣ, или съ любимымъ товарищемъ-другомъ, или съ боготворимымъ отцомъ-командиромъ, или съ «доброй душой», всегда по мѣрѣ силъ помогавшей каждому нуждающемуся, или же, наконецъ, съ «всесильнымъ заступникомъ», какъ въ простотѣ души называлъ его крестьянскій людъ, прибѣгавшій къ «батюшкѣ генералу» со всякими мелочными просьбами то о пособіи, то о покровительствѣ, то о заступничествѣ, и всегда находившій у него и ласку, и помощь, и защиту.

Больше четверти вѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ не стало Скобелева, но духъ его остался въ русскомъ народѣ, и Россія всегда будетъ горда этимъ славнымъ именемъ человѣка, горячо любившаго свою родину, желавшаго ей счастья и величія и самоотверженно откликавшагося всегда и словомъ, и дѣломъ на призывы родины за ея честь, славу и достоинство.

Смѣлѣй взлети, орелъ двуглавый,
Надъ шириной родныхъ полей! —
И возвѣсти по всей вселенной,
Высоко къ небу воспаривъ,
Что Русь мы любимъ неизмѣнно,
Что духъ въ насъ Скобелевскій живъ,

Что не угасѣ въ душѣ народной,
Какъ русской мощи идеалъ,
Какъ чести символъ благородный,
Нашъ славный «бѣлый генералъ».

Въ память почившаго героя Государю Императору благоугодно было повелѣть 25 октября 1907 г. «областной городъ Ферганской области, Новый Маргеланъ, именовать впредь городомъ *Скобелевъ*». Его же имя присвоено 14 Туркестанскому стрѣлк. полку, а въ 1908 г. съ Высочайшаго соизволенія была открыта подписка на сооруженіе «Бѣлому генералу» памятника въ сердцѣ Россіи—Москвѣ.

Житейскія встрѣчи.

Въ журналѣ «Русская Старина» за январь 1910 г. помѣщена интересная статья А. Ѳ. Кони подъ заглавіемъ «Житейскія встрѣчи», откуда мы дѣлаемъ извлеченіе, касающееся встрѣчи почтеннаго автора со Скобелевымъ.

«Вторая гимназія, въ которой я *) учился, считалась по преимуществу математической, и эта ея слава въ значительной степени поддерживалась талантливыми преподавателями, среди которыхъ первое мѣсто занималъ по праву Егоръ Христіановичъ Рихтеръ. Я много занимался «и увѣрилъ себя», что люблю ее, смѣшивая трудолюбіе со способностью. Уже съ 6-го класса я началъ давать уроки алгебры и геометріи готовившимся поступать въ высшіе классы гимназіи, такъ что пріобрѣлъ нѣкоторый педагогическій навыкъ. Вступительные экзамены въ университетъ шли у меня очень успѣшно, и мои отвѣты изъ тригонометріи доставили мнѣ даже маленькій тріумфъ, нѣсколько комическаго характера.

Я былъ очень моложавъ, имѣя на видъ не болѣе 14 лѣтъ, былъ сухощавъ и маленькаго роста, такъ что обращалъ на себя общее вниманіе собравшихся на экзаменъ своимъ почти дѣтскимъ видомъ. Знаменитый профессоръ и академикъ Сомовъ, вслушавшись въ мои отвѣты на экзаменѣ, предложилъ мнѣ нѣсколько вопросовъ внѣ програмы, на которые мнѣ удалось отвѣтить довольно удовлетворительно. Сомовъ почему-то пришелъ въ великій восторгъ и, сказавъ мнѣ—«нѣтъ, васъ надо показать ректору»—подошелъ ко мнѣ сзади, крѣпко охватилъ меня руками за локти и, поднявъ на воздухъ, воскликнулъ: «я васъ снесу!» Это мнѣ—будущему студенту—показалось чрезвычайно неумѣстнымъ и, увидѣвъ мое обиженное лицо, онъ оставилъ меня въ покоѣ. Съ этихъ поръ между экзаменующимися прошла обо мнѣ слава, какъ о человѣкѣ, который на математикѣ «собаку съѣлъ».

*) А. Ѳ. Кони.

26-го мая мнѣ оставалось выдержать экзамены у нѣмца и француза. На нихъ я шелъ, въ виду домашняго воспитанія и трехлѣтняго пребыванія въ Annen-Schule, спокойно. Толпа экзаменующихся въ этотъ послѣдній день была особенно оживлена. Изъ нея вышелъ ко мнѣ навстрѣчу молодой стройный человѣкъ высокаго роста съ едва пробивавшейся пушистой бородкой, холодными глазами стального цвѣта и коротко остриженной головой.

На немъ, по модѣ того времени, были широчайшія сѣрыя брюки, длинный бѣлый жилетъ и коричневый однобортный сюртукъ, а на шеѣ, тоже по модѣ того времени, былъ повязанъ узенькій черный галстухъ съ вышитыми на концахъ цвѣточками. Манеры его были изысканно вѣжливы и обличали хорошее воспитаніе, которое, впрочемъ, въ то время еще не было рѣдкостью! «Извините — сказалъ онъ мнѣ — я знаю, что вы отличный знатокъ математики, а у меня — и онъ слегка покраснѣлъ — вотъ какая бѣда. Я не приготовилъ двухъ послѣднихъ билетовъ изъ тригонометріи, да и вообще слабъ по этой части и самъ себѣ помочь не могу. Не можете ли вы мнѣ объяснить ихъ?..» Я съ удовольствіемъ согласился, мы сѣли въ сторонкѣ за край большого стола, и я «преподалъ» моему неожиданному ученику два тревожившіе его билета, повторилъ свое объясненіе и предложилъ ему попробовать мнѣ отвѣтить. Отвѣтъ обличилъ его чрезвычайную понятливость, и я сказалъ ему: — «Теперь идите и берите тотчасъ же билетъ, на полъ-часа вы заряжены, а тамъ пожалуй позабудете».—Мы разстались, и я пошелъ къ своимъ иноземцамъ. Когда я вышелъ отъ послѣдняго изъ нихъ въ пріемную передъ аудиторіей, гдѣ происходилъ экзаменъ, изъ двери другой аудиторіи вышелъ мой незнакомецъ. Его красивое лицо было радостно взволновано. Онъ быстро подошелъ ко мнѣ и, протягивая обѣ руки для крѣпкаго рукопожатія, воскликнулъ: «Представьте! Послѣдній билетъ! Послѣдній! И— весьма удовлетворительно! Какъ я вамъ благодаренъ! Мы, конечно, будемъ встрѣчаться. Вы вѣдь, безъ сомнѣнія, юристъ?» — Нѣтъ, я иду на математическій факультетъ по чисто математическому разряду.—Но, все-таки, мы будемъ встрѣчаться. Неправда-ли?—«Конечно», отвѣчалъ я. Но какая-то странная застѣнчивость помѣшала мнѣ спросить его фамилію. Встрѣчаться намъ, однако, въ университетскомъ коридорѣ не пришлось. Осенью университетъ былъ закрытъ на два года, и я, послѣ безплодныхъ занятій математикою на дому въ теченіе года, перешелъ на второй курсъ юридическаго факультета Московскаго университета.

Лѣтомъ 1881 года я поѣхалъ за границу. Въ одномъ купэ со мною сидѣла дама среднихъ лѣтъ, съ которой мы разговорились. Въ ея манерахъ, способѣ выражаться, достоинствѣ и изящной простотѣ, съ которыми она себя держала, чувствовалась ея принадлежность не только къ высшему обществу, но и къ высокоразвитому кругу людей. Въ ея словахъ сквозили—разностороннее образованіе и вдумчивость въ такіе вопросы, про которые нашъ народъ говоритъ съ презрительной ироніей, что «это не женскаго ума дѣло».

Это была супруга одного изъ петербургскихъ сановниковъ, много писавшая о Россіи на англійскомъ языкѣ. Мы должны были разстаться въ Вержболовѣ.

Мы обмѣнялись письмами, а осенью, пріѣхавъ въ Петербургъ и остановившись въ «Hôtel de France», она просила меня посѣтить ее. Придя на это приглашеніе, я засталъ ее въ оживленномъ разговорѣ съ молодымъ еще, красивымъ и стройнымъ генералъ-адъютантомъ съ Георгіемъ на шеѣ. Въ отвѣтъ на мой поклонъ, онъ протянулъ мнѣ руку, что, вѣроятно, дало хозяйкѣ поводъ думать, что мы знакомы, и она не назвала насъ одного другому.

«Вотъ,—сказала хозяйка генералу, очевидно продолжая начатый разговоръ,—однако какія вещи пишетъ въ Англіи леди (она назвала фамилію, которую я въ точности не могу припомнить) о генералѣ Гурко. Очень непріятно, если это хоть отчасти правда. Она пишетъ, будто Гурко, занявъ Адріанополь въ прошлую войну, велѣлъ очистить бывшій въ ея завѣдываніи англо-турецкій госпиталь, а ей, когда она пришла объясниться, плюнулъ въ лицо. Неужели это правда? Англичане, къ сожалѣнію, этому вѣрятъ!

— О, нѣтъ! сказалъ холоднымъ тономъ генералъ-адъютантъ. Леди — и онъ пріостановился — вошла въ противорѣчіе съ истиной. Дѣло было такъ: войдя въ Адріанополь и имѣя массу раненыхъ людей, Гурко просилъ очистить для нихъ часть госпиталя, потѣснивъ нѣсколько другихъ больныхъ, но леди... явилась къ нему, наговорила ему массу дерзостей и потребовала конвоя до румынскихъ аванпостовъ, бросивъ такимъ образомъ всѣхъ своихъ больныхъ на произволъ судьбы. Гурко былъ съ нею отмѣнно вѣжливъ и долготерпѣливъ, и въ лицо ей плевать и не думалъ. Я, конечно, его въ этой исторіи не одобряю. — «Какъ!»—воскликнулъ я невольно,—не одобряете? Но, что же онъ дурного сдѣлалъ? Его, кажется, ни въ чемъ упрекнуть нельзя, судя по вашему разсказу. Генералъ повернулъ ко мнѣ свое красивое, выхоленное лицо и сказалъ съ утонченною мягкостью и любезностью: «Вы меня не совсѣмъ поняли: я не одобряю потому, что самъ поступилъ бы совершенно иначе» —и глаза его блеснули недобрымъ свѣтомъ и длинные, красивые пальцы судорожно сжались.—«Я выбросилъ бы всѣхъ турокъ изъ лазарета и взялъ бы его подъ своихъ людей, а эту леди за ея недопустимыя и дерзкія выходки приказалъ бы арестовать и возилъ бы въ своемъ арріергардѣ до конца войны»... Затѣмъ онъ всталъ и собрался уходить. «А вы давно знакомы съ Михаиломъ Дмитріевичемъ?»—спросила меня хозяйка.

Тутъ только, услышавъ это имя и отчество, я понялъ, что вижу предъ собою Скобелева, котораго, судя по весьма популярнымъ карточкамъ и портретамъ, я рисовалъ себѣ плечистымъ, полнымъ и меньшаго роста. «Я въ первый разъ имѣю честь встрѣчаться съ Михаиломъ Дмитріевичемъ». —Будто въ первый? сказалъ Скобелевъ, улыбнувшись, и — на мой недоумѣвающій взглядъ — прибавилъ: а помните экзаменъ изъ тригонометріи въ университетѣ?.. Вѣдь это былъ я!

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій (1737—1808).

Дай лиру. Брань воспѣть Чесменскую хочу!
Въ безсмертіе ее исторія включаетъ,
Она безсмертіемъ и пѣснь мою вѣнчаетъ!..

Херасковъ.

Графъ А. Г. Орловъ—извѣстный сподвижникъ Императрицы Екатерины II и герой знаменитаго Чесменскаго боя. Родился онъ въ 1737 г. и воспитаніе свое получилъ въ домѣ отца. Красивый и умный мальчикъ съ раннихъ лѣтъ удивлялъ всѣхъ своей необыкновенной сообразительностью, богатырскимъ сложеніемъ, громадной физической силой и изумительной ловкостью. Не было случая, чтобы кто-нибудь изъ сверстниковъ когда-либо поборолъ его, и вездѣ и всегда онъ оказывался побѣдителемъ. Чувствуя большое влеченіе къ воинскимъ подвигамъ и одаренный отъ природы немалымъ честолюбіемъ, А. Г., когда настало время, вступилъ на службу въ Кавалергардскій полкъ. И тутъ его красота, статность, горделивая осанка и мужество сразу же выдѣлили его изъ среды его товарищей и скоро обратили на него вниманіе будущей Императрицы Екатерины, тогда еще только великой княгини. Живой, впечатлительный и увлекающійся, гр. Алексѣй Орловъ быстро превратился въ яраго приверженца умной и обаятельной Екатерины и былъ не только преданъ ей всей душой, но и готовъ для нея идти въ огонь и воду. Екатерина, хорошо умѣвшая распознавать людей, оцѣнила эту безавѣтную преданность ей даровитаго человѣка и рѣшила направить ее на пользу отечества, которому она сама такъ горячо стремилась послужить. Случай примѣнить къ дѣлу большія военныя дарованія молодого Орлова не замедлилъ представиться. Въ 1768 г. Турція, подстрекаемая Франціей, съ завистью и страхомъ смотрѣвшей на усиленіе Россіи, позволила себѣ вмѣшаться въ дѣла Россіи съ Польшей и, придрав-

Годы:	1	2	3	4	5	6	7
рожденія	1737	1751	1788	1802	1806	1811	1857
кончины	**1808**	**1818**	**1851**	**1855**	**1854**	**1855**	**1904**

шись къ ничтожному поводу, объявила Россіи войну. Этотъ вызовъ со стороны Турціи не являлся большой неожиданностью для Екатерины. Давно уже Турція была больнымъ мѣстомъ великой Государыни. Съ одной стороны ее мучилъ заключенный еще въ 1740 г. Бѣлградскій миръ съ Турціей, по которому Россія должна была срыть укрѣпленія Азова и обязалась не посылать судовъ въ Черное и Азовское моря, а съ другой стороны ее возмущали изувѣрства, допускавшіяся въ Турціи по отношенію къ ея христіанскимъ подданнымъ. Поэтому чуть что не съ первыхъ же дней царствованія завѣтной мечтой Екатерины сдѣлалось: утвердиться на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей, добиться свободнаго торговаго пути въ Средиземное море и освободить турецкихъ христіанъ отъ притѣсненій ихъ властителей. Руководствуясь этой цѣлью, мудрая Государыня, еще задолго до объявленія ей Турціей войны. разработала со свойственной ей проницательностью и съ помощью гр. Алексѣя Григорьевича Орлова особый планъ дѣйствій противъ турокъ, сводившійся къ усиленію вліянія Россіи на юго-западныхъ славянъ и въ особенности на подвластныхъ Турціи грековъ, т. е. къ нанесенію туркамъ удара съ той стороны, съ которой они менѣе всего его ожидали. «Подпалить Турцію со всѣхъ четырехъ угловъ», какъ говорила сама Государыня. Наиболѣе успѣшнымъ исполненіе этого плана могло быть въ Мореѣ, гдѣ греческое населеніе значительно превышало турецкое. Мореею и рѣшено было избрать мѣстомъ дѣйствій. Съ этой цѣлью, какъ только война была объявлена, въ славянскія и греческія области были посланы особые агенты, которые должны были поднять населеніе противъ турокъ. На случай же удачи предпріятія Государыня назначила главнокомандующимъ всей экспедиціи графа Алексѣя Орлова, предоставивъ ему неограниченную власть дѣйствовать такъ, какъ онъ признаетъ нужнымъ. Для большаго удобства тайныхъ сношеній съ единовѣрцами графъ Орловъ отправился заграницу и тамъ усиленно работалъ на пользу греческаго возстанія.

Много помогало ему духовенство, волновавшее народъ воспоминаніями о старинныхъ пророчествахъ, предрекавшихъ паденіе турецкаго владычества и зарю свободы. Всеобщее воодушевленіе сдѣлалось наконецъ такъ велико, что Орловъ принялся горячо убѣждать Государыню не терять удобнаго момента и прислать ему эскадру, чтобы имѣть возможность перейти къ открытымъ дѣйствіямъ и въ то время, какъ Румянцовъ громитъ турокъ на Дунаѣ, напасть на нихъ со стороны моря. Внявъ убѣжденіямъ Орлова, Государыня выслала ему эскадру адмирала Спиридова, состоявшую изъ семи кораблей, одного фрегата и шести судовъ меньшихъ размѣровъ и захватившую съ собой сухопутныя войска и артиллерію. 17 февраля 1770 г. эскадра эта пришла наконецъ въ Морею и стала на якорѣ въ портѣ Витула полуострова Майна. Появленіе русскихъ кораблей въ Средиземномъ морѣ явилось полной неожиданностью для Порты, греки же при видѣ эскадры Спиридова окончательно взволновались, и съ каждымъ днемъ русскій флотъ пополнялся все новыми и новыми греческими судами, а сухопутныя войска—греческими и славянскими воинами, стремившимися сразиться за вѣру и свободу Греціи. Первоначальныя сухопутныя военныя дѣйствія въ союзѣ съ греками хотя и ознаменовались взятіемъ значительной крѣпости Наварина и очищеніемъ отъ турокъ почти всей Мореи, въ общемъ все же не дали того результата, о которомъ мечталъ Орловъ; греки не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ. Недостаточно подготовленные, незнакомые съ дисциплиной, они разбѣгались при открытыхъ встрѣчахъ съ турецкими отрядами и зачастую ставили этимъ русскихъ въ безвыходное почти положеніе. Видя все это, главнокомандующій уже сталъ отчаиваться въ своемъ предпріятіи. «Великая Государыня, писалъ онъ Императрицѣ, — хотя почти вся Морея очищена отъ турокъ, но силы мои такъ слабы, что я не только не надѣюсь завладѣть всею, но и удержать завоеванныя мѣста. Лучшее изъ всего, что мнѣ можно будетъ сдѣлать: укрѣпив-

шись на морѣ и на сушѣ, пресѣчь подвозъ провіанта въ Царьградъ и дѣлать нападенія морской силой. Трудно будетъ и сіе привести въ дѣйство, если скоро не придетъ Эльфингстонъ (вторая эскадра)». Опасенія Орлова были небезосновательны. Турки усиливались, а греки день ото дня дѣлались нерѣшительнѣе. Наварину грозила серьезная опасность: съ сухого пути подходили турецкія войска, а со стороны моря большая эскадра съ явнымъ намѣреніемъ осадить Наваринъ и запереть нашъ флотъ. Удачно подошедшая къ этому времени вторая наша эскадра Эльфингстона отвратила грозный ударъ. Встрѣтившись съ этой эскадрой, турки подумали, что за ней идетъ весь флотъ, испугались и... бѣжали. Принявъ командованіе надъ обѣими эскадрами, гр. А. Г. поднялъ кайзеръ-флагъ и вышелъ въ море. Подъ кайзеръ-флагомъ, присвоеннымъ только Высочайшимъ Особамъ, въ Россіи никто еще до тѣхъ поръ не командовалъ. Императрица даровала его гр. Орлову для того, чтобы всѣ отъ мала до велика знали объ его чрезвычайныхъ полномочіяхъ и повиновались ему какъ самой Императрицѣ. Поставивъ себѣ цѣлью отыскать турецкій флотъ, сразиться съ нимъ и полнымъ его пораженіемъ поправить дѣла въ Архипелагѣ, гр. Орловъ направился къ острову Паросу. Узнавъ здѣсь, что турки только три дня тому назадъ ушли отсюда, онъ пустился за ними въ погоню. Нѣсколько дней прошло въ этихъ ожесточенныхъ поискахъ врага; наконецъ около острова Хіоса на посланномъ впередъ кораблѣ «Ростиславъ» былъ поднятъ сигналъ: «вижу непріятельскіе корабли». Было 5 час. вечера, и не успѣлъ нашъ флотъ обогнуть островъ, какъ уже стемнѣло и пришлось отложить нападеніе до утра. Силы непріятеля во много разъ превосходили наши, но тѣмъ не менѣе гр. Орловъ не оставлялъ своего намѣренія атаковать врага, поддерживаемый въ этомъ и адмираломъ Спиридовымъ. «Наступило время доказать туркамъ могущество русскаго флота и прославить имя ваше», обратился А. Г. къ командамъ. «Богъ, защитникъ отечества нашего, не

попустить васъ пасть передъ надменнымъ непріятелемъ. Онъ охранитъ васъ, и вы восторжествуете во славу Россіи, во славу Екатерины!» Сдѣлавъ необходимыя распоряженія относительно наступленія, гр. А. Г., едва забрезжилъ разсвѣтъ, велѣлъ поднять на своемъ кораблѣ «Три Іерарха» сигналъ «гнать за непріятелемъ». Весь флотъ нашъ сталъ тогда спускаться въ Хіосскій проливъ. Въ началѣ 7-го часа ясно вырисовался наконецъ грозный турецкій флотъ, стоявшій на якорѣ подъ Анатолійскимъ берегомъ у Чесменской бухты. И самъ по себѣ турецкій флотъ, и раскинувшійся за нимъ по берегу лагерь со значительнымъ отрядомъ войскъ производили внушительное и жуткое впечатлѣніе. Все говорило за то, что турки готовились дать серьезный отпоръ. Завязалась грозная морская битва. Адмиралу Спиридову удалось бомбами зажечь турецкій адмиральскій корабль, но, по несчастью, нанесенный вѣтромъ, его корабль «Евстафій» столкнулся съ горѣвшимъ турецкимъ судномъ, зацѣпился за него и самъ сдѣлался жертвой огня. Пламя быстро перебѣжало съ одного корабля на другой, добралось до пороха, находившагося на русскомъ кораблѣ, и оба адмиральскихъ судна взлетѣли на воздухъ. Испуганный этимъ страшнымъ взрывомъ, турецкій флотъ поспѣшно укрылся въ тѣсную Чесменскую гавань. Не менѣе тяжелое впечатлѣніе произвелъ этотъ взрывъ и на русскихъ; самъ же графъ Орловъ пришелъ въ полное отчаяніе. Не зная, что адмиралъ Спиридовъ и находившійся на «Евстафіи» гр. Федоръ Орловъ успѣли съѣхать съ корабля до взрыва, гр. А. Г., нѣжно любившій своего младшаго брата и сильно тревожившійся за него во все время горячаго боя, чуть не лишился разсудка, когда «Евстафій» взлетѣлъ на воздухъ. «Ахъ, братъ!» громко застоналъ онъ при этомъ и, горестно всплеснувъ руками, уронилъ въ море перстень, который ему подарила Государыня и съ которымъ онъ никогда не разставался. Какъ изступленный метался онъ изъ стороны въ сторону, хватаясь за голову и призывая

брата, наконецъ пришелъ въ себя и, крикнувъ: «отомстимъ нечестивымъ за пролитіе крови христіанской», полетѣлъ на своемъ кораблѣ за непріятелемъ. Весь флотъ бросился за нимъ, производя жестокую пальбу. Сначала за дымомъ ничего нельзя было различить, но когда дымъ немного разсѣялся, глазамъ русскихъ представился турецкій флотъ, забившійся въ полнѣйшемъ безпорядкѣ въ Чесменскую бухту. Тогда главнокомандующій отдалъ приказъ стать на якорь и запереть турокъ въ бухтѣ. Не успѣлъ корабль «Трехъ Іерарховъ» бросить якорь, какъ къ нему подошла шлюпка съ молодымъ Спиридовымъ, привезшимъ извѣстіе о томъ, что адмиралъ Спиридовъ и графъ Фед. Григ. спасены. Нѣсколько разъ заставлялъ главнокомандующій повторять себѣ это извѣстіе, наконецъ, со слезами на глазахъ, обнялъ вѣстника радости и подарилъ ему табакерку, осыпанную бриллiантами цѣною въ 10.000 р. Скоро прибыли и сами спасшіеся. Съ восторгомъ встрѣтилъ ихъ весь экипажъ, братья же радостно бросились другъ другу въ объятья. Отслуживъ благодарственный молебенъ, гр. А. Г. спѣшно созвалъ совѣтъ изъ адмираловъ и капитановъ. По предложенію капитана Грейга рѣшено было атаковать и сжечь непріятельскій флотъ. Подготовивъ для этой цѣли брандеры, флотъ нашъ въ ночь съ 25 на 26 іюня перешелъ въ наступленіе. Снова завязался отчаянный бой, и въ то время какъ оглушительная стрѣльба изъ всѣхъ нашихъ орудій приводила въ замѣшательство турецкій флотъ, пущенные въ самую середину его брандеры дѣлали свое дѣло. Съ страшнымъ трескомъ взлетали на воздухъ одинъ за другимъ турецкіе корабли, засыпая горящими обломками своихъ сосѣдей и заставляя ихъ въ свою очередь загораться и гибнуть подъ раскатами взрывовъ. Все больше и больше терявшіеся турки, рѣшивъ, что гибель уже неизбѣжна, прекратили пальбу. Вся бухта пылала. Раскаленныя пушки сами стрѣляли и убивали своихъ же людей. Обезумѣвшіе турки, уже не заботясь о своихъ корабляхъ, думали только о томъ, какъ бы спастись са-

мимъ и, въ ужасѣ и въ общей суматохѣ, топили другъ друга. Побѣда была полная. Весь турецкій флотъ былъ истребленъ. Удалось отстоять отъ огня только одинъ корабль и шесть галеръ, которые и были захвачены въ плѣнъ. Потери турокъ достигали 10.000 человѣкъ, наши были ничтожны. Побѣдой этой Россіей пріобрѣталось полное владычество на водахъ Архипелага. Весь міръ изумился, услышавъ о безпримѣрномъ подвигѣ никому неизвѣстнаго дотолѣ флота. «Скажу тебѣ немного о нашемъ плаваніи», писалъ послѣ этого боя графъ А. Г. своему брату Григорію,—«со флотомъ за непріятелемъ пошли, до его дошли, къ нему подошли, схватились, сразились, разбили, побѣдили, поломали, потопили, сожгли и въ пепелъ обратили». Всѣ участники Чесменскаго боя были щедро награждены великой Государыней. По всей Россіи торжествовали побѣду нашихъ моряковъ; въ Петербургѣ устраивались народные праздники, а при Дворѣ шли безпрестанныя торжества. Гр. Орловъ, помимо прочихъ наградъ, получилъ орденъ св. Георгія 1 ст. и титулъ Чесменскаго, а въ память его побѣды была выбита медаль, изображавшая съ одной стороны портретъ Императрицы Екатерины II, а съ другой стороны горящій турецкій флотъ съ надписью «былъ». Кромѣ того для увѣковѣченія памяти этой побѣды Императрицей было повелѣно поставить въ Царскомъ Селѣ памятникъ—5-ти-саженную «ростральную» колонну (колонну, украшенную корабельными носами *). Въ Петербургѣ, по совершеніи молебствія по случаю этой побѣды, въ присутствіи Государыни была кромѣ того отслужена панихида по основателѣ флота — Петрѣ Великомъ. Бывшій тогда митрополитомъ и отличавшійся своимъ краснорѣчіемъ Платонъ, говоря по этому поводу рѣчь, приблизился къ гробницѣ Великаго Царя и вдохновенно произнесъ: «Возстань, великій монархъ, отечества нашего отецъ! Воз-

*) Такія же двѣ «ростральныя» (ростра—по-латински означаетъ носъ корабля) колонны поставлены въ память этой же побѣды и въ Петербургѣ передъ зданіемъ Биржи.

стань и воззри на любимое изобрѣтеніе твое! Оно не истлѣло отъ времени, и слава его не помрачилась. Возстань и насладись дѣлами рукъ своихъ!» четыре года проплавалъ еще гр. А. Г. Орловъ въ Архипелагѣ, производя болѣе или менѣе удачныя операціи и занявъ нѣкоторые острова, наконецъ въ 1776 г. онъ вернулся въ Россію, и тутъ, впавъ въ немилость, долженъ былъ выйти въ отставку и удалиться отъ Двора.

Выйдя въ отставку, онъ поселился въ Москвѣ, гдѣ и прожилъ до самой своей смерти. Большой любитель лошадей, онъ образовалъ соединеніемъ породъ арабской и фрисландской особую славящуюся до сихъ поръ породу орловскихъ рысаковъ, а соединеніемъ арабской и англійской—верховую породу. Умеръ онъ въ 1808 году. Гробница его находится въ Новгородѣ, въ Юрьевскомъ монастырѣ.

Атаманъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ (1751—1818).

М. И. Платовъ, знаменитый атаманъ Донскихъ казаковъ, или «вихорь-атаманъ», какъ его всюду называли, былъ однимъ изъ яркихъ героевъ Отечественной войны 1812 г. и послѣдовавшихъ затѣмъ кампаній противъ Наполеона. По происхожденію казакъ, Платовъ родился въ нынѣшней Старо-Черкасской станицѣ 6-го августа 1751 г. Отецъ его, войсковой старшина, выдвинувшійся при усмиреніи Пугачовскаго бунта, не мало способствовалъ развитію въ сынѣ воинскихъ наклонностей. Умный и живой мальчикъ не зналъ удержа въ воинственныхъ играхъ со своими сверстниками. Маленькій, чумазый казачокъ, онъ лихо ѣздилъ верхомъ, мѣтко стрѣлялъ изъ лука и вообще увлекался всякими боевыми упражненіями, сильно развитыми среди казацкой молодежи. Объ образованіи его мало думали, да и негдѣ было его взять на Дону; ни школъ, ни

университетовъ, ни корпусовъ тамъ не водилось. Существовалъ, правда, обычай по представленію атамана посылать ежегодно въ Московскій университетъ четверыхъ казаковъ, но Платовъ не попалъ въ число избранниковъ и тѣмъ не менѣе сумѣлъ не только сдѣлаться атаманомъ великаго войска Донского, но еще и пріобрѣсти себѣ европейскую славу. По обычаю того времени, когда ему исполнилось 13 лѣтъ, онъ поступилъ на службу урядникомъ, а въ 1770 г. въ первую турецкую войну уже началъ свою боевую карьеру. 3-го апрѣля 1774 г. ему удалось совершить славный подвигъ: отбить въ нѣсколько десятковъ разъ превышавшихъ его силы крымско-татарскихъ наѣздниковъ Девлетъ-Гирея. Въ этомъ же году послѣдовалъ его переводъ въ войска, дѣйствовавшія противъ Пугачова. Пришлось Платову послужить и съ великимъ Суворовымъ. Подъ его начальствомъ сражался онъ на Кубани и въ Крыму. Когда же въ 1787 г. началась 2-я турецкая война, Платовъ отправился къ рѣкѣ Бугу и отсюда въ 1788 г., поступивъ подъ начальство кн. Потемкина, вторгся въ турецкіе предѣлы. Его храбрые подвиги при штурмѣ Очакова обратили на него вниманіе главнокомандующаго и заслужили ему большое расположеніе всесильнаго еще тогда Потемкина, исходатайствовавшаго герою орденъ св. Георгія 4 ст. Въ 1790 г., уже въ чинѣ бригадира, ему пришлось принять участіе и въ штурмѣ Измаила. Тутъ онъ первый подалъ голосъ «штурмовать!» Услышавъ это, Суворовъ подошелъ къ нему, обнялъ и поцѣловалъ его; когда же Измаилъ былъ взятъ, Платову былъ пожалованъ орденъ св. Георгія 3 ст. и чинъ генералъ-маіора. Тѣмъ временемъ Потемкинъ разсказалъ о немъ Императрицѣ, и этотъ разсказъ сыгралъ немалую роль въ блестящей судьбѣ молодого казака. Заинтересованная восторженными отзывами Потемкина о лихомъ казакѣ, Императрица Екатерина, всю жизнь свою искавшая себѣ талантливыхъ сподвижниковъ, пригласила Платова ко Двору. Поѣздка въ Петербургъ и Царское Село составила цѣлую эпоху въ жизни Платова. Ему открылся

новый, невиданный имъ дотолѣ міръ. Столичная жизнь развернулась передъ нимъ во всей ея жуткой для непривычнаго глаза красѣ. Роскошь и пышность петербургскаго Двора, блиставшаго умомъ и талантами, казалось, должны были смутить и уничтожить мало что видавшаго на своемъ вѣку казака, но Платовъ не сробѣлъ. Онъ сразу освоился въ чуждой ему обстановкѣ и, съ его гибкимъ казачьимъ умомъ и природнымъ тактомъ, сталъ наблюдать и подмѣчать все происходившее вокругъ него и въ самое короткое время не только сдѣлался своимъ въ придворномъ мірѣ и петербургскомъ обществѣ, но даже сумѣлъ и расположить всѣхъ къ себѣ. Съ воцареніемъ Императора Павла, Платовъ, не уберегшійся все-таки отъ зависти и злобы, впалъ въ немилость и, по наговору, былъ удаленъ отъ Двора. Вскорѣ его постигла еще большая неудача. Посаженный по какому-то случаю на гауптвахту, Платовъ увидѣлъ странный сонъ. Ему приснился далекій, милый Донъ, и будто онъ самъ сидитъ на берегу и ловитъ рыбу, но вмѣсто рыбы поймалъ свою саблю. Проснувшись, онъ долгое время не могъ отдѣлаться отъ страннаго впечатлѣнія, произведеннаго на него этимъ сномъ. Сонъ оказался въ руку. Нѣсколько дней спустя. ему пришли объявить, что онъ свободенъ и возвратили ему его саблю. Съ восторгомъ прижалъ ее Платовъ къ груди и, въ страстномъ порывѣ, самъ того не замѣчая, проговорилъ: «вотъ она!.. она оправдаетъ меня!» и съ этими словами вышелъ на свободу. Свобода эта однако была недолговременна. Въ тяжелое по подозрительности царствованіе Павла странныя слова Платова не прошли ему даромъ. Его радостное восклицаніе было донесено, ему придали недобрый смыслъ и, устранивъ Платова отъ службы, выслали его въ Костромскую губернію. Тамъ Платову пришлось встрѣтиться съ Ермоловымъ, тоже высланнымъ по недоразумѣнію. Изгнанники сошлись другъ съ другомъ, часто проводили время вмѣстѣ и съ грустью узнавали отъ времени до времени о томъ, какъ отличаются ихъ братья на Альпійскихъ горахъ, гдѣ навѣрное были бы

и они, если бы не эта несчастная ссылка. Съ восшествіемъ на престолъ Императора Александра, Платовъ былъ возвращенъ изъ ссылки и снова опредѣленъ на службу, а въ сентябрѣ 1801 г. уже послѣдовало его назначеніе атаманомъ Донского войска. Самъ природный казакъ, высокаго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, выносливый, неутомимый ѣздокъ и прекрасный стрѣлокъ, онъ являлся идеаломъ атамана. Хорошо знакомый со всѣми извилинами казацкой души, Платовъ великолѣпно зналъ, чѣмъ можно сильнѣе всего затронуть казака, чѣмъ добиться его любви и довѣрія и какъ заставить его идти за собой въ огонь и въ воду. Искренно любя казаковъ, какъ родныхъ дѣтей, онъ часто разговаривалъ съ ними запросто, входилъ во всѣ ихъ нужды и интересы, и каждый всегда находилъ у него и поддержку и ласку. Горячо любили за то Платова его казаки и, гордясь и любуясь своимъ красавцемъ-атаманомъ, сумѣвшимъ, несмотря на свое высокое положеніе и всякія почести, быть имъ близкимъ и роднымъ, охотно прощали ему его вспыльчивость и другіе недостатки. Этой-то большой любви къ себѣ своего войска и обязанъ былъ Платовъ въ большой степени той громкой славой, которая какъ ореоломъ окружала его имя. Съ началомъ Наполеоновскихъ войнъ Платову—въ концѣ 1806 г.—было предоставлено командованіе всѣми казачьими полками при арміи, собиравшейся для похода въ Пруссію. Оставаясь во главѣ казачьихъ войскъ и во все продолженіе этихъ великихъ войнъ Императора Александра, Платовъ въ каждомъ своемъ дѣйствіи проявлялъ необыкновенное мужество, громадную сметку и недюжинныя воинскія дарованія. Тутъ впервые узналъ Наполеонъ, что значитъ русскій «казакъ», впервые понялъ, какая грозная мощь таится въ этомъ маленькомъ словѣ. Орлами налетали казаки по знаку своего атамана на непріятеля, приводили его своимъ внезапнымъ появленіемъ въ замѣшательство, били, топтали, обращали въ бѣгство, гнали и не разъ вырывали изъ рукъ врага уже полную, казалось, побѣду. Самъ же атаманъ, зорко слѣ-

дившій всегда за ходомъ битвы и учитывавшій каждый шагъ непріятеля, неутомимо задавалъ своимъ донцамъ работу, увлекая ихъ своей безпримѣрной храбростью и удалью. Тутъ оказывалось необходимымъ сорвать пикетъ, тамъ отбить продовольствіе, а тамъ захватить въ плѣнъ зазѣвавшійся непріятельскій отрядъ. И донцы, какъ шмели, кружились вокругъ врага, ни на минуту не давая ему вздохнуть свободно и держа его въ вѣчной тревогѣ, въ вѣчномъ волненіи. Съ этого-то времени и установилась за Платовымъ его громкая слава лихого атамана, вылившаяся въ мѣткое и восторженно всѣми повторявшееся прозвище «вихорь-атаманъ», сохранившееся за нимъ до конца его дней. За свои подвиги въ 1807 г. «вихорь-атаманъ» былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 2 ст. Въ 1809 году ему пришлось отправиться на Дунай, гдѣ онъ, успѣшно дѣйствуя противъ турокъ, получилъ чинъ генерала-отъ-кавалеріи. Главную же славу готовила ему Отечественная война. Разнесшаяся по Россіи вѣсть о вторженіи Наполеона въ предѣлы нашего отечества застала Платова уже 60-тилѣтнимъ старикомъ, но, несмотря на этотъ преклонный возрастъ, онъ не утратилъ ни физической, ни душевной бодрости и былъ попрежнему все тотъ же «вихорь-атаманъ», «гроза враговъ». Не одинъ еще тяжелый ударъ суждено ему было нанести врагу. На его горячій и удалой призывъ постоять за матушку-Русь поднялся весь Донъ, и пика донца стала ужасомъ и гибелью французовъ. Имя «гетмана», какъ называли Платова французы, наводило жуть на ихъ конницу, которой болѣе другихъ приходилось страдать отъ неожиданныхъ налетовъ донцовъ. Командуя опять всѣми казачьими полками, Платовъ, удачно отбивая непріятельскія нападенія, прикрывалъ собой наши арміи, отступавшія вглубь страны; когда же, послѣ неудачнаго посѣщенія Москвы, отступать пришлось французамъ, Платовъ сталъ тѣснить врага на каждомъ шагу, не давая ему ни минуты покоя и заставляя проявлять необычайную поспѣшность въ бѣгствѣ. Плохо пришлось и самому Наполеону. На его долю выпало

пережить тяжелую и тревожную минуту боязни за самого себя: 13-го октября на рѣкѣ Лужѣ, близъ Малоярославца, Платовъ едва не захватилъ его въ плѣнъ. Проводивъ непріятеля за предѣлы Россіи, старикъ-атаманъ гордо провелъ свои казацкія дружины до самаго Парижа, ознаменовавъ и этотъ походъ цѣлымъ рядомъ славныхъ подвиговъ. Здѣсь заслуги его были награждены графскимъ достоинствомъ. Послѣ Парижа ему пришлось сопровождать Императора Александра въ Лондонъ. Англичане, наслышанные о подвигахъ Донского атамана, устроили ему восторженный пріемъ и поднесли богатую почетную саблю. Кромѣ того въ его честь былъ названъ его именемъ корабль, тогда же и спущенный на воду.

Съ водвореніемъ въ 1815 г. общаго мира Платовъ вернулся на родину къ любимымъ берегамъ родимаго Дона. Съ нетерпѣніемъ ждали своего атамана донцы. Съ восторгомъ и слезами радости встрѣтили они его въ Новочеркасскѣ и, поднеся ему «хлѣбъ-соль», устроили настоящее тріумфальное шествіе. Недалеко отъ Черкасска Платовъ сошелъ съ коня, поднялся на курганъ, съ котораго открывался видъ на городъ и, поклонившись виднѣвшимся церквамъ три раза въ землю, громко проговорилъ: «Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ! Послужилъ я Царю и постранствовалъ на чужбинѣ довольно. Теперь воротился на родину и молю Бога—да успокоитъ Онъ мои кости на землѣ моихъ предковъ!» Взявъ затѣмъ горсть родной земли, онъ крѣпко поцѣловалъ ее. Въ Черкасскѣ его ждала не менѣе почетная встрѣча. Генералы, офицеры, казачьи полки, духовенство и весь народъ—всѣ вышли привѣтствовать своего героя-атамана. И громкое «ура», подъ торжественный звонъ колоколовъ и грохотъ пушекъ, дружно понеслось къ нему навстрѣчу. Этотъ подъѣзжавшій къ нимъ высокій и горделивый старикъ, награжденный графскимъ титуломъ, генералъ-отъ-кавалеріи, атаманъ войска Донского, въ его голубомъ, шитомъ серебромъ атаманскомъ мундирѣ, съ булавой въ рукахъ, со всѣми своими орденами, съ алмазнымъ

перомъ на киверѣ и драгоцѣнной шашкой у бедра оставался въ ихъ понятіи все тѣмъ же доступнымъ каждому и заботливымъ о меньшей братіи казакомъ, и ихъ простыя сердца тянулись къ нему, преисполненныя чувствомъ безконечной любви, горячей преданности и горделивой радости.

Недолго однако пришлось Платову наслаждаться торжествомъ Россіи и спокойной жизнью на родинѣ. Въ концѣ 1817 г. онъ простудился, слегъ въ постель, а 3 января 1818 г. его уже не стало. Скончался онъ въ своемъ имѣніи, 67 лѣтъ отъ-роду. Память героя увѣковѣчена присвоеніемъ его имени 4-му Донскому казачьему полку.

Михаилъ Петровичъ Лазаревъ (1788—1851).

М. П. Лазаревъ — русскій адмиралъ, знаменитый устроитель Черноморскаго флота, оказавшій родинѣ важныя услуги не только на боевомъ и военно-административномъ поприщахъ, но и въ дѣлѣ науки. Родился Лазаревъ во Владимірской губерніи 3 ноября 1788 г. Получивъ образованіе въ Морскомъ корпусѣ, онъ по окончаніи курса былъ отправленъ въ Англію для усовершенствованія въ морскомъ дѣлѣ. Возвратившись на родину въ 1808 г., во время войны со Швеціей и Англіей, онъ принялъ въ ней участіе, выдвинулся своей храбростью и получилъ первое боевое отличіе. Вся его послѣдующая жизнь, посвященная страстно любимому имъ морскому дѣлу, прошла въ кругосвѣтныхъ плаваніяхъ, научныхъ экспедиціяхъ и въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ непріятеля. Такъ въ 1819—21 г.г., въ качествѣ командира шлюпа «Мирный», онъ участвовалъ въ научной экспедиціи Беллинсгаузена, извѣстной открытіями въ Южномъ полярномъ морѣ (гдѣ Беллинсгаузенъ дошелъ до 70°30′ широты, далѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ, и открылъ много острововъ, давъ почти всѣмъ

имъ русскія названія), а въ 1827 г., командуя «Азовомъ», онъ принялъ участіе въ знаменитомъ сраженіи при Наваринѣ и, по свидѣтельству вице-адмирала гр. Гейдена, именно ему, Лазареву, принадлежитъ первый лавръ этого боя, этой блестящей побѣды соединеннаго англо-французско-русскаго флота надъ египетско-турецкимъ. Съ его же славнымъ именемъ связана и блокада Дарданеллъ въ 1828—29 г.г. Изумительно трудолюбивый и одаренный блестящими способностями, Лазаревъ не могъ остаться незамѣченнымъ, и отличія шли къ нему одно за другимъ. Быстро повышаясь въ чинахъ, онъ 31 декабря 1834 г. былъ назначенъ главнымъ командиромъ Черноморскаго флота и здѣсь, на этомъ трудномъ и отвѣтственномъ посту, онъ во всемъ блескѣ выказалъ свои необыкновенныя дарованія. 18 лѣтъ управлялъ онъ Черноморскимъ флотомъ и за это время сумѣлъ поставить его на ту высоту блеска и достоинства, на которой флотъ этотъ находился передъ войной 1853—56 г.г. Одно за другимъ быстро вводились имъ всевозможныя усовершенствованія: онъ улучшилъ кораблестроеніе, усовершенствовалъ артиллерію введеніемъ многихъ приспособленій и употребленіемъ во всемъ флотѣ орудій новаго литья, устроилъ со всѣми современными ему улучшеніями адмиралтейства въ Новороссійскѣ, Николаевѣ и Севастополѣ (послѣднее послѣ смерти Лазарева названо Лазаревскимъ), привелъ въ полный порядокъ гидрографическое депо, устроилъ библіотеку для офицеровъ, построилъ доки и многое еще другое. Самый городъ Севастополь преобразился при немъ и былъ украшенъ многими новыми постройками. Помимо всѣхъ этихъ преобразованій на судахъ, въ кораблестроеніи и проч., онъ настойчиво и искусно вселялъ и въ служившихъ подъ его начальствомъ тотъ духъ рвенія и любви къ дѣлу, которымъ исполненъ былъ самъ. Вся эта плодотворная и образцовая дѣятельность Михаила Петровича въ Севастополѣ происходила въ мирное для флота время; только въ 1838, 1839 и 1840 г.г. онъ лично предводительствовалъ

эскадрой, доставлявшей десантныя войска на Кавказъ. Своей распорядительностью при высадкахъ онъ способствовалъ занятію пунктовъ при рѣчкахъ Туапсе, Псезуапе, Субаши и др. Укрѣпленіе на рѣчкѣ Псезуапе и названо вслѣдствіе этого въ честь его фортомъ Лазарева. Безъ устали занимаясь дѣлами, Лазаревъ, къ сожалѣнію, слишкомъ мало обращалъ вниманія па свое здоровье, которое, однако, требовало серьезнаго и дѣятельнаго леченія. Въ 1843 г. у него впервые обнаружились признаки одной изъ ужасныхъ, мучительныхъ болѣзней — рака въ желудкѣ; болѣзнь эта, усиливаясь съ теченіемъ времени, приняла наконецъ въ 1850 г. ужасающіе размѣры. Въ январѣ 1851 г. врачи уговорили Лазарева переселиться въ Одессу, но и тутъ, несмотря на мучившій его жестокій недугъ, уже четыре мѣсяца не позволявшій ему принимать почти никакой пищи, неутомимый труженикъ не оставлялъ своихъ занятій. Только въ февралѣ 1851 г., послѣ милостиваго письма къ нему Императора Николая I, въ которомъ Государь, высоко цѣнившій его заслуги, просилъ Лазарева отдохнуть и поручалъ сдать управленіе флотомъ гр. Берху, страдалецъ отправился въ Вѣну совѣтоваться съ заграничными знаменитостями. Но было уже поздно: его усталый, надорванный организмъ не могъ дольше бороться съ болѣзнью, и 11 апрѣля Лазаревъ скончался. Прахъ его былъ преданъ землѣ въ его любимомъ Севастополѣ, гдѣ ему воздвигнутъ памятникъ. Научныя заслуги адмирала были признаны еще при его жизни различными учрежденіями. Императорское Географическое Общество, Казанскій университетъ и др. считали его своимъ почетнымъ членомъ.

Павелъ Степановичъ Нахимовъ (1802—1855).

«Нахимовъ» — какъ много говоритъ это славное имя каждой любящей свою родину и ея героевъ русской душѣ; какія прекрасныя и вмѣстѣ съ тѣмъ до боли

грустныя картины родной исторіи вызываетъ оно въ памяти! Стоитъ назвать это дорогое Россіи имя, и тотчасъ же передъ мысленнымъ взоромъ яркими красками вырисовываются сначала блестящая побѣда при Синопѣ, неувядаемой славой покрывшая ея всегда скромнаго героя, а тамъ... и грустный Севастополь, съ его безсмертной геройской обороной и мученической кончиной его доблестнаго защитника. Больше полвѣка прошло съ тѣхъ поръ, а все еще жива и по прежнему дорога русскому народу память о Нахимовѣ, этомъ безспорномъ идеалѣ «героя-моряка», по прежнему щемящей болью отзывается въ русскихъ сердцахъ его преждевременная кончина, и съ прежнимъ увлеченіемъ изъ края въ край по всей землѣ Русской передаются нескончаемые разсказы о томъ, какой-такой былъ геройской смертью погибшій «адмиралъ Нахименко», за которымъ, какъ ни тяжко приходилось подчасъ, а всѣмъ матросикамъ жилось, какъ у Христа за пазушкой, который всегда и всюду былъ впереди всѣхъ на самыхъ опасныхъ мѣстахъ, ни во что не ставя свою жизнь, когда дѣло шло о службѣ Царю и Отечеству, и за которымъ всѣ, какъ одинъ человѣкъ, готовы были по первому его призыву въ огонь и въ воду идти. И отрадно становится на душѣ отъ этой неумирающей къ нему любви народа, и въ сердцѣ радостно растетъ и крѣпнетъ надежда на то, что не сгинетъ Русь, не сгинетъ та страна, гдѣ могли родиться и вырости такіе герои, не погибнетъ тотъ народъ, который умѣетъ чтить ихъ и свято хранить ихъ имена въ своей благодарной памяти.

Сынъ секундъ майора, Павелъ Степановичъ Нахимовъ родился въ 1802 г. въ Смоленской губ. Когда мальчику исполнилось 14 лѣтъ, его опредѣлили въ Морской корпусъ. Въ 1823 г. онъ благополучно окончилъ его и былъ произведенъ въ мичманы. Почти съ самаго начала службы онъ поступилъ подъ команду Михаила Петровича Лазарева и подъ руководствомъ этого прекраснаго начальника прошелъ великолѣпную школу. Высокіе завѣты и личный примѣръ знаменитаго

впослѣдствіи устроителя Черноморскаго флота упали, въ лицѣ Нахимова, на благодарную почву. Умный, даровитый и отъ природы награжденный прекрасными душевными качествами, юноша быстро превратился въ образцоваго, энергичнаго моряка, не чуждавшагося никакой работы. выше всего ставившаго неукоснительное служеніе своему долгу, порицавшаго незнаніе дѣла наравнѣ съ другими пороками и смотрѣвшаго на небрежное отношеніе къ дѣлу, какъ на нарушеніе присяги и какъ на поступокъ въ высшей степени безчестный. Въ 1827 г. ему пришлось, подъ начальствомъ того же Лазарева, принять участіе въ Наваринскомъ сраженіи, и тутъ молодой офицеръ на дѣлѣ увидѣлъ всю цѣлесообразность и необыкновенную успѣшность военныхъ пріемовъ своего великаго учителя. Оцѣнивъ ихъ по достоинству и хорошо ознакомившись съ ними, Нахимовъ потомъ не разъ примѣнялъ ихъ въ своей практикѣ и показалъ себя достойнымъ ученикомъ своего учителя, одной изъ безсмертныхъ заслугъ котораго, несомнѣнно, является та, что изъ своихъ учениковъ онъ далъ Россіи людей, составившихъ честь и славу ея флота. Въ 1833 г. послѣдовало назначеніе Лазарева главнымъ командиромъ Черноморскаго флота. Предвидя ту сложную и громадную по значенію работу, которая ему предстояла, и нуждаясь въ такихъ помощникахъ, какъ Нахимовъ, котораго онъ высоко цѣнилъ и который служилъ въ то время въ Балтійскомъ флотѣ, Лазаревъ уже въ 1834 г., къ большой радости Нахимова, перевелъ его къ себѣ. Тосковавшій отъ бездѣлья въ Кронштадтѣ, Нахимовъ сразу воспрянулъ духомъ при видѣ той колоссальной работы, которая ожидала его въ Черноморскомъ флотѣ. Энергично, до полнаго самозабвенія принялся онъ за дѣло и скоро и тутъ заслужилъ репутацію образцоваго моряка и отца матросовъ. Строгій и требовательный по службѣ, самъ всегда служившій всѣмъ яркимъ примѣромъ въ исполненіи долга, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отличался необыкновенной справедливостью и трогательной заботливостью о своей командѣ. Видя прежде всего въ каждомъ матросѣ «че-

ловѣка», онъ своимъ уваженіемъ ихъ какъ людей всегда старался уничтожить въ нихъ ихъ забитую приниженность, поднять въ нихъ чувство собственнаго достоинства и вызвать вполнѣ сознательное отношеніе къ дѣлу. Блестяще добившись намѣченныхъ имъ результатовъ, онъ добился еще и другого: команда, вся безъ исключенія, боготворила его, пуще всего боялась огорчить нерадѣніемъ своего отца-командира, и каждый изъ силъ выбивался, чтобы только заслужить его одобреніе. То же нравственное воздѣйствіе оказывалъ Нахимовъ и на своихъ высшихъ подчиненныхъ: офицеры дорожили его мнѣніемъ о себѣ, считали его похвалу лучшей для себя наградой, усиленно слѣдили за собой, старались слѣдовать во всемъ примѣру своего командира, и въ концѣ концовъ, подъ вліяніемъ этого большого знатока человѣческой души, вырабатывались въ отличныхъ моряковъ, съ честью показавшихъ себя достойными сынами отечества въ суровую для родины годину бѣдствій. Постоянно имѣя въ виду нравственное воспитаніе команды, Нахимовъ не пропускалъ ни одного случая, гдѣ бы онъ могъ явить собой примѣръ мужества и героизма. Такъ въ бытность его командиромъ «Силистріи», корабль этотъ, находясь въ практическомъ плаваніи, едва не потерпѣлъ крушенія отъ столкновенія съ кораблемъ «Адріанополь», который, сдѣлавъ неудачный маневръ, очутился близко отъ «Силистріи» и всей своей массой готовъ былъ раздавить ее. Стоя наверху, Нахимовъ видѣлъ, что столкновеніе неизбѣжно. Спокойнымъ голосомъ отдавъ соотвѣтствующую команду и отославъ всѣхъ людей подальше отъ опаснаго мѣста, онъ, одинъ, съ видимымъ хладнокровіемъ остался на своемъ посту, на ютѣ *), выжидать столкновенія. Напрасно старшій офицеръ упрашивалъ его сойти, Нахимовъ не слушалъ его. Моментъ былъ жуткій. Глядя на своего командира, безстрашно стоявшаго на ютѣ, больше всего угрожаемомъ, команда съ замираніемъ сердца, затаивъ дыханіе, ждала — что

*) Ютъ — кормовая часть верхней палубы.

будетъ. И вотъ «Адріанополь» врѣзался въ «Силистрію». Послышался невѣроятный трескъ, грохотъ... и цѣлый градъ осколковъ посыпался на Нахимова. По счастливой случайности его не ушибло. Онъ былъ еще нуженъ Россіи, и Богъ хранилъ его. Минуту спустя «Адріанополь» былъ уже далеко, люди съ облегченіемъ вздохнули, перекрестились и бросились исправлять поврежденія. Съ укоромъ спросилъ Нахимова старшій офицеръ, зачѣмъ онъ подвергалъ себя, безъ всякой видимой надобности, такой большой опасности. Просто отвѣтилъ ему на это Павелъ Степановичъ: «Такіе случаи представляются рѣдко, и командиръ долженъ ими пользоваться. Надо, чтобы команда видѣла присутствіе духа въ своемъ начальникѣ. Быть можетъ, мнѣ придется идти съ нею въ сраженіе, вотъ тогда это отзовется и принесетъ пользу». Точно предвидѣлъ Нахимовъ, говоря эти знаменательныя слова, какую трудную и отвѣтственную роль готовила ему судьба въ недалекомъ будущемъ. Преобладающее политическое вліяніе Россіи на всемъ пространствѣ Балканскаго полуострова, явившееся слѣдствіемъ турецкой войны 1828—29 г. и еще упрочившееся заключеннымъ Россіей въ 1833 г. договоромъ съ Турціей, сильно оказалось не по вкусу Западной Европѣ; она рѣшительно не могла примириться съ такимъ исключительнымъ положеніемъ Россіи на Востокѣ, и одна изъ державъ — Францiя —стала подстрекать султана къ нарушенію заключенныхъ съ Россіей договоровъ, разсчитывая втянуть такимъ образомъ Россію въ новую войну съ султаномъ и открыто встать тогда на сторону Турціи. Поддавшись этимъ внушеніямъ Франціи, Турція сдѣлала въ Палестинѣ нѣкоторыя уступки въ пользу католиковъ, отнявъ, между прочимъ, отъ православнаго патріарха въ Іерусалимѣ хранившіеся у него до того времени ключи отъ главныхъ вратъ Виѳлеемскаго храма и передавъ ихъ католическому духовенству. Россія, съ ея рыцаремъ-царемъ Николаемъ Павловичемъ во главѣ, не могла не вступиться за нарушенныя права православныхъ и потребовала ихъ возстановле-

нія. Султанъ отказался исполнить это требованіе, и въ 1853 г. возгорѣлась та война, которая извѣстна въ исторіи подъ названіемъ Восточной, или Крымской. Сначала Россія воевала только съ турками. Турки первые начали враждебныя дѣйствія, но повсюду терпѣли пораженія. Тѣмъ временемъ Нахимову, командовавшему русской эскадрой и усиленно слѣдившему за дѣйствіями непріятеля, было послано предписаніе располагать движеніемъ эскадры по своему усмотрѣнію. Получивъ эту давно уже желанную имъ свободу дѣйствій, Нахимовъ, извѣщенный о появленіи непріятельскихъ судовъ въ сторонѣ Синопа, тотчасъ же послѣдовалъ со своей эскадрой туда же. Стояла бурная ноябрьская погода. На морѣ свирѣпствовалъ сильный штормъ. Эскадра, несмотря на это, не потеряла курса, но адмиралъ вынужденъ былъ отправить въ Севастополь для починки два изъ своихъ кораблей и остался всего съ тремя. Съ ними-то онъ и подошелъ 11-го ноября къ Синопской бухтѣ. Въ ней, подъ прикрытіемъ береговыхъ батарей, расположилась сильная турецкая эскадра. Атаковать ее съ тремя кораблями было бы безуміемъ, и потому Нахимовъ рѣшился ждать возвращенія своихъ двухъ кораблей, а тѣмъ временемъ блокировать турецкую эскадру и въ случаѣ ея попытки къ выходу изъ бухты преградить ей дорогу, несмотря на огромное превосходство силъ непріятеля. Турецкая эскадра, однако, убѣжденная въ превосходствѣ какъ своихъ силъ, такъ и условій, въ которыхъ она находилась, спокойно оставалась на мѣстѣ. 16-го ноября на горизонтѣ показались наконецъ суда: это была эскадра Новосильскаго, посланная Нахимову въ подкрѣпленіе Корниловымъ. Съ восторгомъ привѣтствовали нахимовцы прибытіе товарищей. Всей душой рвались они въ бой, да и самъ адмиралъ едва сдерживалъ желаніе атаковать непріятеля. Глубоко убѣжденный въ святости русскаго дѣла, онъ хорошо зналъ, что и эскадра раздѣляетъ его геройскую отвагу, его преданность отечеству и долгу, и не сомнѣвался въ успѣхѣ. Надежды его блестяще

оправдались. На другой же день все было предусмотрѣно, распредѣлено, каждому кораблю было назначено свое мѣсто. Знаменитый Нахимовскій приказъ оканчивался замѣчательными словами, показавшими глубокую мудрость и обширный умъ Павла Степановича. «Въ заключеніе,—писалъ онъ,—выскажу свою мысль, что всѣ предварительныя наставленія при измѣнившихся обстоятельствахъ могутъ затруднить командировъ, знающихъ свое дѣло, и потому я предоставляю каждому совершенно независимо дѣйствовать по усмотрѣнію своему, но непремѣнно исполнять свой долгъ. Государь Императоръ и Россія ожидаютъ славныхъ подвиговъ отъ Черноморскаго флота. Отъ насъ зависитъ оправдать ожиданія». Нахимовъ зналъ, что онъ дѣлаетъ: благодарные ему командиры и команда блистательно оправдали его довѣріе, и въ этомъ блестящемъ сраженіи во всѣхъ чинахъ эскадры, отъ героевъ-адмираловъ до матросовъ включительно, выказалось удивительное присутствіе духа, беззавѣтная отвага, быстрое и отчетливое исполненіе всѣхъ мельчайшихъ маневровъ, словомъ всѣ тѣ качества, которыя характеризуютъ идеальный типъ моряка и заранѣе предрѣшаютъ побѣду. Начавшійся 18-го ноября въ 12 ч. дня бой въ пятомъ часу вечера былъ уже оконченъ. Дружный натискъ русскихъ, ихъ энергія, единодушіе и геройская отвага ошеломили турокъ. Растерявшись, они не сумѣли использовать выгодъ своего положенія и были на-голову разбиты: жалкіе остатки ихъ еще утромъ сильнаго флота, прибитые къ берегу, безславно догорали, время отъ времени взлетая на воздухъ и осыпая пламенемъ Синопъ, а командовавшій имъ турецкій адмиралъ Османъ-паша былъ взятъ въ плѣнъ и отправленъ въ Севастополь. Громъ Синопской побѣды мигомъ отозвался во всѣхъ концахъ Россіи и сдѣлалъ имя Нахимова народнымъ. Самъ же герой, украшенный св. Георгіемъ 2-й ст., на всѣ поздравленія съ побѣдой и восторженные отзывы о немъ застѣнчиво отмахивался и скромно и убѣжденно повторялъ: «Не я, Михаилъ Петровичъ Лазаревъ—вотъ

кто сдѣлалъ все-съ». Англія и Франція не простили Россіи Синопскаго погрома и тотчасъ же выслали въ Черное море на помощь Турціи свои флоты, которые, однако, медлили вступать въ бой съ нашими моряками. Съ этого времени Россіи одной, безъ всякихъ союзниковъ, пришлось вести войну съ тремя державами. Вскорѣ къ нимъ присоединилась и быстро усиливавшаяся въ то время Сардинія. Со всѣхъ концовъ охватило Россію зарево войны, главнымъ же театромъ военныхъ дѣйствій оказался въ концѣ концовъ Крымскій полуостровъ. Осенью 1854 г., высадившись у Евпаторіи на крымскій берегъ, непріятель направился къ нашему главному порту на Черномъ морѣ — Севастополю, съ цѣлью уничтожить запертый въ его гавани Черноморскій флотъ и овладѣть самимъ городомъ. Главнокомандующій нашими силами въ Крыму кн. Меншиковъ, прикрывшій было путь врагу на Севастополь, потерпѣлъ пораженіе на берегахъ рѣки Альмы. Послѣ этого, чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ остальной Россіи, Меншиковъ отступилъ къ сѣверу, а чтобы заградить непріятелю доступъ къ Севастополю съ моря, онъ приказалъ затопить на севастопольскомъ рейдѣ наши корабли, экипажи же съ затопленныхъ судовъ обратить на усиленіе крѣпостного гарнизона. Тяжело было героямъ Синопа и Наварина разстаться съ морской дѣятельностью для исполненія сухопутной службы, а еще мучительнѣе было пускать ко дну ихъ славные корабли, такъ долго замѣнявшіе имъ родной очагъ, и для чести и славы которыхъ каждый готовъ былъ пожертвовать жизнью. Но дѣлать было нечего, приказъ главнокомандующаго былъ исполненъ, и Севастополь спѣшно сталъ готовиться къ оборонѣ. Командованіе Сѣверной и Южной частями было поручено Корнилову и Нахимову. И здѣсь скромный герой Синопа остался вѣренъ себѣ: онъ объявилъ Меншикову, что не признаетъ себя хорошимъ сухопутнымъ генераломъ и готовъ подчиниться младшему въ чинѣ, лишь бы командованіе находилось въ надежныхъ рукахъ. По счастью, Меншиковъ не внялъ этой просьбѣ.

Убѣдившись, что рѣшеніе князя неизмѣнно, Нахимовъ объѣхалъ ввѣренныя ему позиціи. Выходъ въ море былъ запертъ, морское сраженіе было немыслимо, для сухопутной же обороны не хватало войскъ: оставалось одно—умереть съ честью. Ясно видѣлъ это Нахимовъ и рѣшилъ исполнить свой долгъ до конца. И вотъ началась безсмертная 11-ти-мѣсячная Севастопольская оборона, во время которой каждый, начиная отъ солдата и кончая адмираломъ, увѣнчаннымъ синопскими лаврами, исполнили долгъ вѣрнаго слуги Государя и честнаго сына отечества. Безропотно покорились они своему удѣлу и умирали какъ герои, одушевленные одной мыслью о поддержаніи чести родины. Долго хранила судьба всѣми обожаемаго и безстрашнаго Нахимова, долго яркимъ свѣточемъ свѣтилъ онъ всѣмъ своимъ товарищамъ и подчиненнымъ, даже въ послѣднія минуты жизни не забывавшимъ помолиться о продленіи его дней и въ предсмертныхъ мукахъ находившимъ себѣ утѣшеніе въ томъ, что онъ еще живъ и невредимъ. Не взывая въ приказахъ ни къ геройству, ни къ мужеству, Нахимовъ, какъ и всегда, поддерживалъ въ защитникахъ Севастополя энергію простымъ, но самымъ дѣйствительнымъ способомъ: своимъ собственнымъ примѣромъ. Вполнѣ спокойно, съ изумительнымъ хладнокровіемъ появляясь изо дня въ день на самыхъ открытыхъ и опасныхъ мѣстахъ, онъ невольно внушалъ убѣжденіе, что жертвовать собой для исполненія долга—самое простое и обыденное дѣло, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ каждомъ являлась какая-то увѣренность въ собственной неуязвимости. Тихій и ласковый, всегда внимательный къ подчиненнымъ, онъ какъ-то необыкновенно во-время умѣлъ подбодрить, умѣлъ сказать слово утѣшенія, отъ котораго каждому становилось радостно и легко на душѣ, такъ легко, что и умирать было не страшно. Въ своемъ пренебреженіи жизнью, Нахимовъ дошелъ до того, что не предпринималъ даже самыхъ простыхъ мѣръ предосторожности. Тогда какъ всѣ офицеры, по приказанію начальства, давно уже носили солдатскія шинели, чтобы

не служить мишенью для непріятельскихъ выстрѣловъ, Нахимовъ одинъ не разставался съ сюртукомъ съ эполетами. На сдѣланное же ему начальствомъ по этому поводу замѣчаніе, онъ со своей обычной простотой и

Памятникъ адмиралу П. С. Нахимову.

искренностью убѣжденія отвѣтилъ: «Если бы вы, ваше сіятельство, замѣтили мнѣ это при началѣ обороны, я, конечно, исполнилъ бы ваше желаніе, но теперь люди такъ привыкли видѣть меня въ эполетахъ, что пріѣхать на бастіонъ безъ нихъ мнѣ будетъ ужъ неловко». Видя

его, несмотря на полное отсутствіе предосторожности, постоянно цѣлымъ и невредимымъ, тогда какъ вокругъ все падало и умирало, люди стали считать его жизнь завѣтною. Скоро однако пробилъ и его часъ. Съ мая 1855 года онъ получилъ 4 сильныхъ контузіи *), но не хотѣлъ лечиться, скрывалъ отъ всѣхъ свои страданія и попрежнему изо дня въ день появлялся на бастіонахъ. 28-го іюня около полудня завязалась сильная канонада на Малаховомъ курганѣ. Черноморскіе моряки, безпредѣльно преданные Нахимову, старались всѣми силами оберегать его и подъ какимъ-то предлогомъ уже собирались отвести его отъ опаснаго мѣста, какъ вдругъ раздались крики матросовъ, залюбовавшихся на какой-то удачный выстрѣлъ. Заинтересованный, Нахимовъ остановился и обернулся въ сторону возгласовъ. Одна за другой провизжали надъ нимъ двѣ пули: одна изъ нихъ ударила въ мѣшокъ около Нахимова, другая—сразила его самого въ високъ. Въ страшномъ смятеніи его наскоро перенесли въ морской госпиталь и тутъ только, раздѣвъ его, увидѣли, какъ сильно онъ страдалъ отъ контузій: вся спина его распухла и посинѣла. 36 часовъ боролась его желѣзная натура со смертью, и смерть одолѣла; 30-го іюня, въ 11 ч. утра, послѣ нѣсколькихъ судорожныхъ движеній и тяжкихъ вздоховъ, онъ тихо скончался, такъ и не придя въ сознаніе до самой кончины. Тяжко поразила севастопольцевъ, а за ними и всю Россію эта все же для всѣхъ неожиданная мученическая кончина Нахимова. Отлетѣлъ его могучій духъ, такъ долго витавшій надъ Севастополемъ, и каждый понялъ, какъ невознаградима была утрата его для осиротѣвшаго гарнизона. Немногимъ пережилъ его и самъ Севастополь: 27 августа, со взятіемъ врагами главнаго укрѣпленія Севастополя — Малахова кургана, дальнѣйшее сопротивленіе стало невозможнымъ и наши войска покинули Севастополь и перешли на Сѣверную сто-

---

*) Контузія—поврежденіе, наносимое пролетающими вблизи огнестрѣльными снарядами, при чемъ цѣлость кожи не нарушается, а является опухоль и изліяніе крови подъ кожей.

рону севастопольской бухты; но, прежде чѣмъ уйти изъ него, они не оставили въ немъ камня на камнѣ: всѣ оставшіяся зданія были ими сожжены, а укрѣпленія и пороховые погреба взорваны на воздухъ: врагамъ достались однѣ лишь пылавшія и окровавленныя развалины, груды камней и пепла.

Десятки лѣтъ спустя, въ возродившемся изъ пепла Севастополѣ, на Графской пристани, противъ Морского собранія вознесся грандіозный памятникъ. Памятникъ этотъ краснорѣчиво говоритъ потомству о доблестныхъ подвигахъ «души Севастопольской обороны»—адмирала П. С. Нахимова.

Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ (1806—1854).

Есть памятникъ въ Севастополѣ. На вершинѣ Малахова кургана, на каменной глыбѣ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ пробитой пушечными выстрѣлами, надъ грозно разверзтымъ жерломъ пушки силуэтомъ выдѣляется на небѣ въ полусидячемъ положеніи, съ протянутой точно въ мольбѣ рукой, фигура молодого еще на видъ человѣка въ адмиральскомъ мундирѣ. Смерть незримо уже витаетъ надъ нимъ. Минуты его сочтены. Онъ и самъ это хорошо знаетъ, но на его искаженномъ уже предсмертной мукой лицѣ, въ его заглянувшихъ уже въ вѣчность глазахъ все еще сквозитъ горячая любовь къ тому, что онъ покидаетъ здѣсь, на землѣ, и въ смертельной тоскѣ и тревогѣ за участь боготворимой имъ родины съ его помертвѣлыхъ устъ судорожно срываются незабвенныя, завѣтныя слова: «Отстаивайте же Севастополь». Памятникъ этотъ— правдивый снимокъ съ одного изъ самыхъ доблестныхъ героевъ Севастополя, Владиміра Алексѣевича Корнилова, всю свою жизнь поработавшаго на благо родины, всегда на первый планъ ставившаго ея честь и славу и не перестававшаго думать о ней даже и въ послѣднія минуты своей геройской кончины.

В. А. Корниловъ, сынъ заслуженнаго моряка, родился въ родовомъ имѣніи въ Тверской губерніи. Получивъ образованіе въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ и выпущенный оттуда мичманомъ въ 1823 г., Корниловъ попалъ въ кружокъ свѣтскихъ молодыхъ людей и сильно увлекся веселой жизнью столицы. Вскорѣ, однако, къ его большому счастью, а также и къ счастью родины, которой онъ впослѣдствіи такъ много послужилъ, ему пришлось очутиться подъ командой знаменитаго Лазарева. Лазаревъ, съ его необыкновеннымъ пониманіемъ людей и умѣніемъ угадывать, чего стоитъ тотъ или иной человѣкъ, сразу же замѣтилъ даровитость молодого мичмана и, съ сожалѣніемъ видя, что юноша, съ его страстью къ французскимъ романамъ и веселымъ развлеченіямъ, пренебрегаетъ службой и какъ бы совсѣмъ не понимаетъ своего настоящаго призванія, рѣшилъ перевоспитать его. Строгостью и требовательностью съ одной стороны и серьезными отеческими внушеніями съ другой, онъ добился своего: Корниловъ взялся за умъ, и въ очень скоромъ времени легкомысленный юноша превратился въ серьезнаго, дѣльнаго и образцоваго офицера. И когда Лазаревъ, назначенный начальникомъ штаба Черноморскаго флота, сталъ переводить къ себѣ понемногу своихъ любимыхъ офицеровъ, Корниловъ оказался однимъ изъ первыхъ, кого Лазаревъ пожелалъ имѣть при себѣ. Постоянное общеніе съ этимъ удивительнымъ человѣкомъ и его высокій примѣръ наложили отпечатокъ на всю дальнѣйшую дѣятельность Корнилова. Преклоняясь передъ своимъ любимымъ учителемъ и самъ богато одаренный отъ природы, В. А. во всѣхъ своихъ трудахъ являлся достойнымъ ученикомъ Лазарева, всюду проявляя необыкновенную добросовѣстность въ исполненіи долга, громадный запасъ разнородныхъ свѣдѣній и изумительное умѣніе вліять на своихъ подчиненныхъ, направлять ихъ, вызывать въ нихъ интересъ и сознательное отношеніе къ дѣлу и уваженіе къ своему человѣческому достоинству. Получивъ въ командованіе

подъ его же надзоромъ заложенный въ 1840 г. корабль «Двѣнадцать Апостоловъ», онъ довелъ его до безусловнаго совершенства, при чемъ въ то время, когда повсюду кругомъ господствовала суровость и даже жестокость въ обращеніи съ матросами, онъ достигъ самыхъ блестящихъ результатовъ совсѣмъ инымъ путемъ. Какъ и Нахимовъ, онъ упразднилъ у себя тѣлесное наказаніе и дѣйствовалъ на команду собственнымъ примѣромъ и нравственнымъ воздѣйствіемъ. Быстро подвигаясь по службѣ, какъ выдающійся офицеръ, онъ въ 1849 г., уже въ чинѣ контръ-адмирала, былъ назначенъ исправляющимъ должность начальника штаба Черноморскаго флота и портовъ. Съ восторгомъ встрѣтивъ это назначеніе, давшее ему возможность примѣнить къ дѣлу всю свою энергію, Корниловъ скоро поразилъ всѣхъ своей необыкновенной способностью къ управленію, которую онъ выказалъ на этомъ посту. Каждый ясно увидѣлъ, что передъ нимъ не новичокъ, а опытный начальникъ, великолѣпно знакомый со всѣми мельчайшими подробностями дѣла. Почти не зная отдыха, трудился Корниловъ, съ самаго ранняго утра и до поздней ночи сидѣлъ онъ за работой, съ головой уйдя въ любимое дѣло. Эта кабинетная дѣятельность въ Николаевѣ не мѣшала ему, однако, часто посѣщать Севастополь. Морякъ душой, онъ отдыхалъ на палубѣ кораблей, и каждый разъ, когда отрядъ крейсеровъ возвращался въ Севастополь, онъ дѣлалъ всѣмъ судамъ самый тщательный смотръ и производилъ имъ настоящій экзаменъ, чтобы лично убѣдиться въ познаніяхъ и распорядительности старшихъ и исполнительности младшихъ. Объявленіе въ 1853 г. турецкой войны застало Корнилова въ Одессѣ, гдѣ онъ находился вмѣстѣ съ главнокомандующимъ кн. Меншиковымъ. Возвратившись немедленно въ Николаевъ, В. А. проѣхалъ оттуда въ Севастополь, навѣстилъ тамъ начальниковъ эскадръ и, принявъ мѣры къ охранѣ города, рѣшилъ произвести рекогносцировку турецкихъ береговъ. На пароходѣ «Владиміръ» онъ снялся 23 октября съ якоря и въ сопровожденіи 4-хъ паро-

ходовъ пустился въ море. Наткнувшись, почти у входа въ Босфоръ, на турецкую эскадру, Корниловъ вернулся въ Севастополь и, принявъ командованіе эскадрой, бывшей подъ флагомъ Новосильскаго, на другой же день снова отплылъ въ море. Турки однако уже исчезли. Передавъ тогда эскадру Новосильскому съ порученіемъ идти на соединеніе къ Нахимову, вышедшему изъ Севастополя еще 11 октября, самъ Корниловъ на пароходѣ «Владиміръ» поспѣшилъ впередъ. 5-го ноября на горизонтѣ показалось 6 большихъ судовъ. Принявъ ихъ за эскадру Нахимова, Корниловъ быстро направился къ нимъ, но, подойдя къ первому изъ нихъ на болѣе близкое разстояніе, убѣдился, что это большой непріятельскій пароходъ «Первазъ-Бахри». Не задумываясь, пустился Корниловъ за нимъ въ погоню, нагналъ его и вступилъ съ нимъ въ бой. Не прошло и 2-хъ часовъ, какъ половина команды «Первазъ-Бахри» была перебита, капитанъ его убитъ, и самъ пароходъ со спущеннымъ на немъ турецкимъ флагомъ, захваченъ въ плѣнъ и отправленъ Корниловымъ въ Севастополь. Другія, видѣнныя Корниловымъ, суда тѣмъ временемъ исчезли. Это была первая наша побѣда на морѣ, первое сраженіе между двумя колесными пароходами. Заграницей сй отказались повѣрить: невѣроятнымъ казалось, чтобы одинъ пароходъ въ виду цѣлой непріятельской эскадры рискнулъ на такой отчаянный по смѣлости шагъ. Отправивъ свою добычу въ Севастополь, Корниловъ скоро и самъ долженъ былъ послѣдовать за ней. На «Владимірѣ» недоставало угля. 12 ноября въ Севастополь было привезено двумя кораблями, отправленными туда Нахимовымъ для починки, извѣстіе объ открытіи турецкой эскадры въ Синопѣ. Узнавъ объ этомъ, Корниловъ на пароходѣ «Одесса» и въ сопровожденіи пароходовъ «Крымъ» и «Херсонесъ» полетѣлъ на всѣхъ парахъ къ Синопу. Не поспѣвъ къ началу боя, ему удалось быть свидѣтелемъ его побѣдоноснаго конца. «Помоги Богъ Павлу Степановичу!» горячо молился Корниловъ, подходя къ Синопу и слыша пальбу.

Соединившись съ эскадрой Нахимова уже подъ самый конецъ боя, Корниловъ, какъ и всѣ, боготворившій Нахимова, все время безпокойно спрашивалъ: «Здоровъ ли адмиралъ?» Когда же наконецъ ему удалось увидѣть Нахимова живымъ и невредимымъ, восторгу его не было конца. «Поздравляю васъ, Павелъ Степановичъ, съ побѣдой,—съ искренней радостью привѣтствовалъ онъ доблестнаго побѣдителя,—вы оказали большую услугу Россіи и прославили свое имя». Трогательная дружба соединяла этихъ двухъ славныхъ героевъ. Ни тотъ, ни другой никогда не упускали случая выказать другъ другу взаимное уваженіе и, несмотря на происки услужливыхъ людей, стремившихся поссорить адмираловъ на почвѣ соревнованія и зависти, оба были чужды этому унизительному чувству и, свято понимая свой долгъ, искренно отдавали предпочтеніе передъ собой одинъ другому и всегда твердо рука объ руку шли къ одной общей цѣли – къ пользѣ и славѣ Россіи. Теперь же, когда въ недалекомъ будущемъ не трудно было предвидѣть тяжелый историческій моментъ для Россіи, оба героя рѣшили стойко и дружно встрѣтить невзгоду, и, если потребуется, не задумываясь отдать родинѣ и свою жизнь. Этотъ тяжелый моментъ скоро насталъ и потребовалъ обѣщанныхъ ему жертвъ. Синопская побѣда подняла противъ Россіи почти всю Западную Европу, и союзные флоты Англіи и Франціи поспѣшили на выручку Турціи въ Черное море. Предвидя, что враги наши не ограничатся дѣйствіями на морѣ, а постараются обложить Севастополь и съ суши, главнокомандующій кн. Меншиковъ заблаговременно вывелъ войска изъ Севастополя, чтобы обезпечить ему сообщеніе съ Россіей, и поручилъ защиту города Корнилову. Горячо принялся Корниловъ за дѣло, день и ночь кипѣла у него работа, батареи росли, покрывались орудіями, и не успѣли оглянуться, какъ въ нѣсколько дней создались укрѣпленія, немало удивившія непріятеля, обходившаго тѣмъ временемъ Севастополь съ востока. Укрѣпивъ городъ съ

моря, Корниловъ принялся за оборонительныя работы съ сухого пути. Его необычайная энергія въ это время поражала всѣхъ. Слабый и болѣзненный вообще, онъ не щадилъ своихъ силъ и всѣ дни проводилъ въ лихорадочной дѣятельности, всюду поспѣвая, все пре-

Памятникъ В. А. Корнилову.

дусматривая, противъ всего принимая мѣры и ни въ какихъ обстоятельствахъ не теряя присутствія духа и самообладанія. Благодаря этой поистинѣ нечеловѣческой дѣятельности, въ концѣ марта 1854 г. Севастополь былъ уже совершенно исправный военный портъ. Въ полной боевой готовности ждали севастопольцы по-

явленія врага; на севастопольскомъ рейдѣ стоялъ флотъ изъ 14 кораблей, 7 фрегатовъ, 1 корвета, 2 бриговъ и 11 пароходовъ. Но, раздувъ пламя войны съ разныхъ концовъ Россіи, врагъ медлилъ подступить къ Севастополю. Только въ первыхъ числахъ сентября непріятельская армія высадилась у Евпаторіи и двинулась къ устью рѣки Альмы. Разыгравшееся тутъ 8 сентября сраженіе окончилось неудачно для русскихъ, и кн. Меншиковъ отошелъ къ Севастополю. Взвѣсивъ всѣ обстоятельства дѣла и опасаясь, что непріятель займетъ южныя высоты и, дѣйствуя оттуда, собьетъ съ позиціи эскадру Нахимова, чѣмъ несомнѣнно облегчился бы входъ непріятеля на рейдъ, Корниловъ собралъ совѣтъ изъ флагмановъ и капитановъ и предложилъ имъ выйти въ море и атаковать непріятельскія суда, столпившіяся у Лукулла. Онъ разсчитывалъ, что при счастьи можно разнести непріятельскую флотилію, а при неудачѣ—избѣгнуть позорнаго плѣна, взорвавъ сцѣпившіеся съ нами корабли на воздухъ. «Такимъ образомъ», —говорилъ Корниловъ, «спасая честь русскаго флота, моряки защитили бы своей грудью и родной портъ: обезсиленный союзный флотъ не дерзнетъ атаковать сильныя приморскія батареи Севастополя, а безъ содѣйствія флота и союзныя войска будутъ безсильны. Наши же войска, укрѣпившись въ Севастополѣ, могли бы продержаться до прибытія подкрѣпленій». Но этотъ геройскій проектъ сочувствія не встрѣтилъ; по городу уже ходилъ проектъ кн. Меншикова затопить корабли на рейдѣ и обратить людей съ нихъ на подкрѣпленіе гарнизона. Зналъ объ этомъ проектѣ и Корниловъ, и сердце его обливалось кровью при этой мысли. Распустивъ совѣтъ, онъ отправился къ Меншикову и сообщилъ ему свой проектъ, настаивая на томъ, что разстрѣлянныя суда такъ же великолѣпно могутъ служить подводной преградой, какъ и цѣлыя. Меншиковъ рѣшительно отвергъ его предложеніе и приказалъ затопить фарватеръ. Съ щемящей болью въ груди покорился Корниловъ этому приказанію, и суда были

затоплены. Навзрыдъ плакали моряки, глядя, какъ разступившіяся волны поглощали одинъ за другимъ дорогіе ихъ сердцамъ корабли. Съ этихъ поръ дѣятельность Корнилова, какъ и его друга Нахимова, сосредоточилась на укрѣпленіяхъ Севастополя. Городъ жилъ въ постоянномъ ожиданіи штурма, и каждый день дѣлались къ нему приготовленія. «О сдачѣ нечего и думать», говорилъ въ своихъ приказахъ Корниловъ; «если вамъ кто-нибудь скажетъ моимъ именемъ, что нужно сдаваться, разстрѣляйте того, какъ измѣнника. Если я самъ прикажу сдаться, разстрѣляйте и меня». Наступилъ наконецъ кровавый день 5-го октября, день крещенія Севастополя огнемъ и желѣзомъ. Рано утромъ, едва открылась канонада, Корниловъ поскакалъ на ближайшій отъ его квартиры 4-й бастіонъ, оттуда на 5-ый, гдѣ былъ Нахимовъ. Съ визгомъ и трескомъ летали снаряды, со всѣхъ сторонъ слышались стоны, едва успѣвали уносить раненыхъ. Покойно и строго было выраженіе лица Корнилова, глаза свѣтились ярче обыкновеннаго, щеки пылали. Высоко держалъ онъ голову, и всѣмъ казалось, что онъ будто выросъ за эти нѣсколько мгновеній. Остановившись на 5-мъ бастіонѣ около Нахимова, онъ долго и спокойно разговаривалъ съ нимъ, точно не замѣчая ядеръ, бороздившихъ вокругъ нихъ землю, точно не слыша, какъ то на землѣ, то въ воздухѣ разрывались бомбы. Проѣхавъ затѣмъ на 6-ой бастіонъ, онъ написалъ тамъ письмо женѣ и, снявъ съ себя часы, доставшіеся ему отъ отца, передалъ ихъ и письмо курьеру со словами: «Передайте пожалуйста женѣ: часы должны принадлежать старшему сыну, боюсь, что ихъ здѣсь разобьютъ». Съ 6-го бастіона онъ отправился на Малаховъ курганъ и, постоявъ тамъ до половины 12-го, собрался уже было уходить съ него, какъ вдругъ ядромъ ему раздробило лѣвую ногу у самаго живота. Кровь брызнула изъ раны, и герой упалъ. Тотчасъ же подбѣжали къ нему офицеры, подхватили его и положили на брустверъ между орудіями. «Отстаивайте Севастополь», угасшимъ

голосомъ прошепталъ онъ имъ. На перевязочномъ пунктѣ онъ причастился; оттуда его перенесли въ госпиталь. Отлично сознавая, что ему уже не вернуться къ жизни, онъ утѣшалъ оплакивавшихъ его друзей и отъ времени до времени съ мольбою повторялъ: «Спаси Богъ Государя и Россію, Севастополь и флотъ!» Ему дали какого-то успокоительнаго; онъ задремалъ. Раздавшійся однако вскорѣ шумъ пробудилъ его; открывъ глаза, онъ поинтересовался узнать, въ чемъ дѣло. Услышавъ въ отвѣтъ извѣстіе объ отбитіи врага, онъ радостно улыбнулся и, какъ бы борясь со сковывавшей уже его языкъ смертью, едва слышно произнесъ «ура!» Это было его послѣднее слово. Въ половинѣ четвертаго его уже не стало. Общее отчаяніе и общія горькія слезы проводили его въ могилу. Какъ родного брата, оплакивалъ его Нахимовъ. На мѣстѣ, гдѣ палъ Корниловъ, матросы набожно сложили крестъ изъ ядеръ.

Спи спокойно, страдалецъ! Свято исполнили твой завѣтъ севастопольцы, до послѣдней минуты героями держались они, начертавъ своими подвигами безсмертныя страницы въ родной исторіи, но не судилъ Богъ въ конецъ отстоять родной городъ, одолѣли враги, побѣдили, только

...такъ побѣдили, что долго потомъ
Не совались къ намъ съ дерзкимъ вопросомъ.
А и такъ побѣдили, что съ кислымъ лицомъ
И съ разбитымъ отчалили носомъ *).

Контръ-адмиралъ Владиміръ Ивановичъ Истоминъ (1811—1855).

Своею памятью кровавой
Нашъ Севастополь величавый
Въ скрижаляхъ родины блеститъ...

И эта «кровавая память» краснорѣчиво говоритъ русскому сердцу о цѣломъ рядѣ доблестныхъ сыновъ

*) «Солдатская пѣснь о Севастополѣ» Апухтина.

Россіи, не задумавшихся положить свою голову за честь родины, за правое святое дѣло и вѣру родного народа.

Предъ Севастопольской осадой
Что слава всѣхъ осадъ другихъ!

Двѣнадцать разъ луна мѣнялась,
Луна всходила въ небесахъ,—
А все осада продолжалась,
И поле смерти расширялось
Въ облитыхъ кровію стѣнахъ.
Четыре смѣны вражьей силы,
Четыре войска тамъ легло,—
И безполезныя могилы
Въ волнахъ морскихъ, въ степи унылой
Въ борьбѣ безвыходной нашло.
У нихъ, у насъ вождей любимыхъ
Косила смерть, недугъ сражалъ;
И много славныхъ, много чтимыхъ
Исчезло тамъ, незамѣнимыхъ,—
А Севастополь все стоялъ!

Въ числѣ этихъ многихъ исчезнувшихъ, «славныхъ, незамѣнимыхъ» былъ и Владиміръ Ивановичъ Истоминъ, геройскій защитникъ севастопольскаго укрѣпленія—Малахова кургана, того самаго кургана, гдѣ нашли себѣ мученическую кончину и Корниловъ, и Нахимовъ, и самъ создатель твердыни—Истоминъ.

В. И. Истоминъ происходилъ изъ дворянъ Эстляндской губ. и родился въ 1811 г. По достиженіи 11 лѣтъ мальчикъ, какъ и всѣ его 4 брата, поступилъ въ Морской кадетскій корпусъ. Къ 1827 г. онъ прошелъ весь кадетскій корпусъ, но, къ его большому сожалѣнію, не могъ еще быть произведенъ въ мичманы, такъ какъ къ этому времени ему еще не исполнилось законнаго для производства числа лѣтъ. Въ Кронштадтѣ въ это время снаряжалась для похода въ Средиземное море эскадра контръ-адмирала графа Гейдена. Мечтавшій о подвигахъ и славѣ, юноша Истоминъ приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы попасть на эту эскадру. Старанія его увѣнчались успѣхомъ,— и онъ, юный гардемаринъ, былъ назначенъ на корабль

«Азовъ» къ знаменитому впослѣдствіи Лазареву. 8-го октября 1827 года эскадра графа Гейдена покрыла себя лаврами Наваринскаго боя, и 16-ти лѣтній Истоминъ, особенно отличившійся въ этотъ день, удостоился двухъ наградъ: лично надѣтаго на него начальникомъ эскадры знака отличія Военнаго Ордена и офицерскаго чина. Начавшееся съ этого времени знакомство Истомина съ Лазаревымъ скоро перешло въ чувство восторженнаго поклоненія и беззавѣтной преданности со стороны молодого человѣка къ своему командиру. Лазаревъ же со своей стороны, съ его умѣніемъ по достоинству оцѣнивать людей, не могъ не остановить свое вниманіе на открытомъ и честномъ обликѣ юноши, одареннаго большими военными способностями и умѣвшаго съ необыкновеннымъ самоотверженіемъ забывать о самомъ себѣ ради общаго дѣла. Самъ глубоко честный по натурѣ, выше всего ставившій служеніе родинѣ и долгу, онъ отличалъ молодого Истомина, воздавая должное его заслугамъ, и сильно скрашивалъ свои начальническія къ нему отношенія отеческой заботливостью и сердечной привязанностью. Эта нравственная связь между ними крѣпла день ото дня. Въ 1830 г. на томъ же кораблѣ «Азовъ» Истоминъ возвратился въ Кронштадтъ и до 1834 г. служилъ въ Балтійскомъ флотѣ. Когда же М. П. Лазаревъ былъ назначенъ главнымъ командиромъ Черноморскихъ портовъ, Истоминъ, по избранію Лазарева, былъ переведенъ въ Черноморскій флотъ. Здѣсь онъ примкнулъ къ тѣсному и славному кружку, первыя мѣста въ которомъ занимали П. С. Нахимовъ и В. А. Корниловъ. Оба эти замѣчательные человѣка относились съ большой симпатіей къ Истомину и, близко познакомившись съ нимъ, научились цѣнить въ немъ отличнаго моряка и уважать, какъ человѣка съ прекрасными душевными качествами и высокой честности. Въ 1845 г. намѣстникъ Кавказа, кн. М. С. Воронцовъ обратился къ Лазареву съ просьбой прислать въ его распоряженіе одного изъ лучшихъ моряковъ для ближайшей разработки мѣстныхъ морскихъ вопросовъ.

Выборъ Лаза́рева палъ на Истомина. М. С. Воронцовъ, съ его рыцарскимъ характеромъ и большимъ умомъ, скоро оцѣнилъ своего новаго подчиненнаго, и Вл. Ив., ставъ въ близкія къ нему отношенія, за все время совмѣстной съ нимъ работы пользовался не только безграничнымъ довѣріемъ и уваженіемъ князя, но и его большой привязанностью. Въ 1850 г. Истоминъ въ чинѣ капитана II ранга былъ назначенъ командиромъ 120-пушечнаго корабля «Парижъ». Принявъ командованіе этимъ судномъ, Истоминъ быстро сдѣлалъ его образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ 1851 г., когда обострившееся болѣзненное состояніе Лазарева вынудило его сложить съ себя служебныя обязанности и отправиться для леченія въ Вѣну, Истоминъ сопровождалъ своего любимаго учителя заграницу, самоотверженно ухаживалъ за нимъ до самой его кончины и своей нѣжной, заботливой рукой навѣки закрылъ ему глаза. Горько оплакивая Лазарева, онъ привезъ его тѣло въ Севастополь для преданія землѣ въ родномъ и близкомъ покойному городѣ. Тѣмъ временемъ наступилъ 1853 годъ, годъ объявленія нами войны Турціи. Эскадра адмирала Нахимова, надъ которой, по его собственному выраженію, «виталъ духъ знаменитаго учителя», покрыла себя вѣчной славой и удивила міръ Синопскимъ погромомъ. Въ этотъ знаменательный день особенно отличился корабль «Парижъ», окончательно укрѣпившій за своимъ командиромъ, Истоминымъ, репутацію отличнаго моряка и отважнаго и распорядительнаго командира. Любуясь блестящими дѣйствіями «Парижа», адмиралъ Нахимовъ, среди самаго разгара боя, зная, какъ цѣнится подчиненными его одобреніе, приказалъ поднять сигналъ благодарности, но всѣ сигнальныя фали*) адмиральскаго корабля «Императрица Марія» были перебиты непріятельскими снарядами, и поднять сигналъ было не на чемъ. Синопскій бой далъ Истомину чинъ контръ-адмирала. Вслѣдъ за Синопомъ наступилъ грозный

*) Фаль—на судахъ веревка для поднятія флаговъ, косыхъ рей, и т. п.

1854 годъ. Альминское сраженіе было нами проиграно, и армія князя Меншикова вынуждена была отступить къ Бахчисараю. Обнаженный Севастополь со скромнымъ составомъ черноморскихъ экипажей и самой незначительной частью сухопутныхъ войскъ сталъ напряженно ждать соединенныхъ непріятельскихъ армій съ Сѣверной стороны. Первоначально Истомину было ввѣрено командованіе укрѣпленіями этой стороны, но затѣмъ эту должность принялъ на себя В. А. Корниловъ, и Истоминъ былъ назначенъ къ нему начальникомъ штаба. Когда же получилось извѣстіе о движеніи непріятеля на беззащитную Южную сторону, Истоминъ получилъ въ командованіе 4-ую дистанцію (съ Малаховымъ курганомъ) оборонительной линіи Севастополя. Неутомимо, съ какимъ-то ожесточеннымъ рвеніемъ принялся Истоминъ за работу. Обладая обширными познаніями по различнымъ отраслямъ военнаго искусства, онъ почти собственноручно возводилъ твердыни своей дистанціи. Не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ Малаховъ курганъ сдѣлался неузнаваемымъ. Изъ небольшихъ, ничтожныхъ укрѣпленій Истоминъ создалъ грозную твердыню, 11 мѣсяцевъ не только противостоявшую всѣмъ усиліямъ непріятеля, но и наводившую на него непреодолимый ужасъ. Болѣе полугода Истоминъ, не раздѣваясь, не досыпая и не доѣдая, напряженно отстаивалъ ввѣренную ему позицію. Кошмарный день октябрьской бомбадировки, доставившій Истомину орденъ св. Георгія 3 ст. и лестный рескриптъ генералъ-адмирала, былъ въ то же время днемъ большого горя для него: этотъ день унесъ въ могилу его любимаго товарища-друга, В. А. Корнилова. Смертельно раненаго на Малаховомъ курганѣ Корнилова перенесли въ госпиталь. Улучивъ свободную минутку, Истоминъ, съ тоской и тревогой въ душѣ, бросился навѣстить своего друга. Успокоивъ Корнилова относительно хода дѣлъ на бастіонѣ, онъ попытался было подать умирающему надежду на благополучный исходъ его раны.—«Нѣтъ, нѣтъ, туда, къ Михаилу Петровичу!» донесся до него едва слышный

отвѣтъ. Измученное тоской, сердце Истомина не выдержало, онъ бросился на шею своему уже заглянувшему въ иной міръ другу, горько заплакалъ и стремительно побѣжалъ на бастіонъ искать тамъ и своей смерти. Съ этого дня и до самой кончины Истоминъ, несмотря на рану руки и контузію головы, буквально ни на одинъ день не покинулъ бастіона. Являясь блистательнымъ образцомъ беззавѣтной храбрости, распорядительности и исполненія долга, онъ какъ бы не замѣчалъ своего геройства и безыскуственный, простодушный, посреди царившаго кругомъ ада, ужаса и смерти, находилъ въ себѣ еще силы шутить и, точно предчувствуя, что Малаховъ курганъ будетъ его неизбѣжной могилой, нерѣдко говаривалъ: «Я давно уже выписалъ себя въ расходъ и живу теперь на счетъ англичанъ и французовъ». Сроднившись съ мыслью о невозможности покинуть живымъ Малаховъ курганъ, онъ съ какой-то необыкновенной, суровой страстностью исполнялъ свою обязанность и увлекалъ къ тому же другихъ. Сила и значеніе его на Малаховомъ курганѣ были громадны. Его личныя качества и военныя достоинства дѣлали его любимцемъ окружающихъ и возлагали на него большія надежды. Истоминъ и курганъ слились въ одно нераздѣльное понятіе для Севастополя, и всѣ твердо вѣрили, что Малаховъ курганъ неприступенъ, такъ какъ съ Истоминымъ шагъ назадъ невозможенъ. Мрачныя предчувствія Истомина сбылись. Ему дѣйствительно не суждено было выйти изъ этого ада, не суждено было пережить оставленіе родного Севастополя. 7 марта 1855 г. ядро, брошенное съ французской батареи, оторвало ему голову. Защитника Малахова кургана не стало. Ударъ ядра послѣдовалъ такъ низко, что Георгіевскій крестъ, висѣвшій у него на шеѣ, разлетѣлся вдребезги. Остался только кусокъ георгіевской ленты, пересланной впослѣдствіи Нахимовымъ отцу Истомина. Въ кипящей жизни Севастополя давно уже привыкли къ мысли о томъ, что многимъ суждено положить голову за Государя и отечество: жадная смерть одного за другимъ уносила до-

блестныхъ защитниковъ Севастополя, и тѣмъ не менѣе кончина Истомина произвела громадное впечатлѣніе. Новое постигшее Черноморскій флотъ горе вызвало необычайное стеченіе народа, столпившагося около церкви, гдѣ лежалъ покойный. Всѣ начальствующіе, всѣ подчиненные и всѣ тѣ, которые могли сойти съ возложенной на нихъ стражи, сочли своей обязанностью отдать послѣдній долгъ погибшему герою. Совершенно обезглавленное тѣло его лежало въ гробу посреди церкви, покрытое кормовымъ флагомъ съ корабля «Парижъ», съ которымъ онъ такъ славно дѣйствовалъ въ Синопскомъ бою. 35-й флотскій экипажъ, выстроенный на площади около церкви, въ послѣдній разъ привѣтствовалъ своего любимаго начальника. Горько оплакивалъ его Нахимовъ. Послѣ грустной службы въ церкви печальная процессія потянулась къ тому мѣсту, гдѣ были могилы Лазарева и Корнилова. Истоминъ нашелъ себѣ мѣсто рядомъ со своимъ любимымъ учителемъ и дорогимъ другомъ. Вся толпа, молившаяся за упокой души павшаго героя, сопровождала его до послѣдней обители, несмотря на безпрестанно падавшія на проходимую процессіей мѣстность непріятельскія ракеты и бомбы. Казалось, никто не только не смущался, но даже и не замѣчалъ этого. Такъ ушелъ въ вѣчность еще одинъ праведный заступникъ передъ Всевышнимъ за русское оружіе и защищаемое Россіей святое дѣло. Возведенная имъ твердыня продержалась еще пять мѣсяцевъ. Свято храня память о своихъ погибшихъ герояхъ и ихъ завѣтахъ,

За Севастопольской стѣной
Держался грудью русскій строй.

Но Господу угодно было
Свою Россію испытать:
Не мощь враговъ насъ побѣдила,
Не длань ихъ городъ сокрушила,
Самъ Богъ судилъ его отдать!

27-го августа палъ Малаховъ курганъ. Дальнѣйшая защита Севастополя сдѣлалась безцѣльной, и

наши войска, разоривъ и въ конецъ разрушивъ городъ, отступили.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но въ памяти Россіи неизмѣнно царятъ величавые образы ея героевъ, а четыре гранитныхъ плиты въ склепѣ Севастопольскаго собора съ надписями: Лазаревъ, Корниловъ, Истоминъ, Нахимовъ вызываютъ въ каждомъ дѣйствительно русскомъ душой высокопатріотическое и горделивое чувство.

Хвала вамъ, славные бойцы!
Вамъ, наши свѣты-молодцы,
Упавшимъ въ жаркомъ боѣ!..
Мольбой за васъ мы чтимъ вашъ прахъ,
И память вѣчную въ сердцахъ
Вамъ сохранимъ, герои!

Романъ Исидоровичъ Кондратенко. (1857—1904).

Въ глухую ночь, въ чужомъ краю,
Подъ дикій вой жестокой бури
Сложилъ ты голову свою
Въ многострадальномъ Портъ-Артурѣ!
За честь страны своей родной,
Во тьмѣ зловѣщей каземата
Погибъ, какъ истинный герой,
Ты смертью русскаго солдата!

—

Да! дивный подвигъ сохранятъ
Сердца грядущихъ поколѣній...
Твой образъ будетъ ихъ учить
Своей духовной красотою,
Какъ надо родину любить
Самоотверженной душою.
Онъ будетъ намъ примѣръ являть,
Примѣръ вовѣкъ неизгладимый,
Какъ надо честно умирать
За Русь, за свой народъ родимый.

В. Ивановъ.

«Война родитъ героевъ», говоритъ старинная пословица, и сложилась она, эта пословица, не случайно: цѣлый рядъ вѣками наблюдаемыхъ явленій подтверждаетъ ее; оправдываетъ ее и русская исторія, столь богатая славными, незабываемыми именами. И дѣйстви-

тельно, не было такой войны, которая не имѣла бы своихъ героевъ, не создала бы замѣчательныхъ полководцевъ. Нерѣдко кровавая буря, бѣдствія боготворимой родины будятъ въ незамѣтномъ до того человѣкѣ дремавшія въ немъ могучія силы, выдвигаютъ его изъ ряда обыкновенныхъ людей и награждаютъ безсмертіемъ. Немало доблестныхъ героевъ дала намъ и послѣдняя наша, тяжелая по воспоминаніямъ, несчастная для насъ русско-японская война. Подвиги ея героевъ были велики, но не громки... Это были не легендарные герои, а подвижники, мученики, душу свою полагавшіе за родину, за свой народъ. Къ числу такихъ народныхъ героевъ принадлежалъ и Романъ Исидоровичъ Кондратенко, соединявшій въ себѣ и доблесть Нахимова, и инженерные таланты Тотлебена, и скромность беззавѣтнаго слуги долга—Истомина. «Слава твоя неувядаема, но потеря невознаградимая», сказалъ про него престарѣлый герой русско-турецкой войны Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ, услышавъ, что Кондратенко не стало. И дѣйствительно, это славное русское имя никогда не умретъ въ памяти русскаго народа, и преждевременная кончина Кондратенко, этой «души Портъ-Артурской обороны», какъ его всѣ называли, долгое еще время будетъ съ щемящей болью отзываться въ русскихъ сердцахъ.

Родился Р. И. Кондратенко въ 1857 г., 30 сентября, въ гор. Тифлисѣ. Онъ былъ самымъ младшимъ членомъ многочисленной семьи маіора Исидора Денисовича Кондратенко, который, живя на скромное жалованье, не имѣлъ средствъ приглашать гувернеровъ, и потому дѣти росли, предоставленныя самимъ себѣ. Романъ былъ тихій, задумчивый мальчикъ. Большой любитель природы и животныхъ, онъ зачастую цѣлые дни просиживалъ въ полѣ, предаваясь тамъ своему любимому развлеченію—ловлѣ бабочекъ, букашекъ и пауковъ, и все это бережно приносилъ домой. Когда Роману исполнилось 6 лѣтъ, матеріальное положеніе его семьи настолько ухудшилось изъ-за болѣзни отца,

что родителямъ пришлось разстаться со своимъ младшимъ сыномъ. Въ судьбѣ Романа приняла тогда большое участіе Юлія Васильевна Кондратенко, жена старшаго сына маіора—Елисея, которая и взяла мальчика къ себѣ. Около 18 лѣтъ была она для Романа любящей матерью, имѣвшей сильное вліяніе на его образованіе, а особенно на развитіе тѣхъ прекрасныхъ душевныхъ качествъ, которыми такъ щедро надѣлила природа будущаго героя. Учившійся сначала въ Тифлисѣ подъ руководствомъ Юліи Васильевны, Романъ былъ опредѣленъ затѣмъ въ военную гимназію въ Полоцкѣ. Учился Кондратенко прекрасно, охотно помогалъ товарищамъ въ занятіяхъ, а съ переходомъ въ старшіе классы взялъ даже на себя подготовку поступавшихъ въ корпусъ дѣтей. По окончаніи Полоцкой гимназіи, онъ поступилъ въ 1874 г. въ Николаевское инженерное училище, гдѣ и продолжалъ усердно заниматься вплоть до производства въ офицеры, послѣдовавшаго въ 1877 г. Выйдя въ офицеры, онъ былъ назначенъ въ 1-ый Кавказскій саперный баталіонъ, стоявшій тогда въ Тифлисѣ. Здѣсь Р. И. поселился у своего брата Елисея и при помощи той же Юліи Васильевны сталъ продолжать свое образованіе и совершенствоваться въ иностранныхъ языкахъ. Прослуживъ въ Тифлисѣ 2 года, Кондратенко уѣхалъ опять въ Петербургъ, чтобы поступить тамъ въ Николаевскую инженерную академію. Способности молодого офицера сразу же были замѣчены здѣсь, и когда черезъ два года онъ блестяще окончилъ академическій курсъ, его назначили на Кавказъ въ качествѣ военнаго инженера, поручивъ ему составить проектъ возведенія укрѣпленій въ Батумѣ. Романъ Исидоровичъ исполнилъ это порученіе настолько удачно, что работами его сильно заинтересовались въ Петербургѣ, и о немъ стали говорить, какъ о выдающемся инженерѣ. Въ 1885 г. Р. И., съ его ненасытной жаждой знанія, поступилъ въ старшій классъ академіи Генеральнаго Штаба, а по окончаніи здѣсь курса принялъ предложенную ему службу

въ Виленскомъ военномъ округѣ. Вступивъ въ исполненіе своихъ обязанностей, онъ прежде всего постарался ближе ознакомиться со строевой службой и лучше узнать русскаго солдата. Съ цѣлью сойтись ближе съ нижними чинами, онъ часто велъ съ ними разговоры не какъ начальникъ, а какъ равный,— попросту, по душѣ, и солдаты дѣйствительно скоро и отъ всей души полюбили его за простоту, за сердечное отношеніе къ ихъ нуждамъ и за ясное, толковое и терпѣливое объясненіе всѣхъ мелочей строевой службы. Въ 1888 г. состоялось назначеніе Кондратенко на должность штабъ-офицера при управленіи Минской мѣстной бригады. Много пришлось ему поработать въ этой должности; работалъ онъ и въ праздники, просиживалъ за спѣшными работами и ночи напролетъ, но никогда никому не жаловался на это, считая, что работа—естественное занятіе человѣка, и что каждый долженъ работать для общаго дѣла по мѣрѣ своихъ силъ. Въ 1891 г. онъ женился на дочери полковника Надеждѣ Дмитріевнѣ Потопчиной, а вскорѣ послѣ свадьбы состоялось его назначеніе въ штабъ Виленскаго военнаго округа. Въ слѣдующемъ 1892 г. онъ былъ произведенъ за отличіе по службѣ въ полковники. Въ Вильнѣ Р. И. пробылъ до декабря 1895 г., а затѣмъ былъ назначенъ командиромъ 20-го стрѣлковаго полка въ г. Сувалкахъ. И тутъ, съ присущимъ ему трудолюбіемъ, Р. И. работалъ безъ устали и какъ родной отецъ заботился о ввѣренныхъ его попеченіямъ солдатахъ. Пять лѣтъ спустя, въ началѣ 1900 г., Кондратенко, произведенный въ генералъ-маіоры, былъ назначенъ дежурнымъ генераломъ въ штабъ Приамурскаго военнаго округа. Какъ и всюду, куда его ни забрасывала судьба, Романъ Исидоровичъ, очутившись на Дальнемъ Востокѣ, по-прежнему всѣми силами старался расширить свой умственный кругозоръ и пополнить свои знанія. Въ этомъ незнакомомъ ему доселѣ краѣ все занимало его, казалось ему интереснымъ, достойнымъ вниманія, и онъ тщательно принялся за изуче-

ніе какъ самаго края, такъ и его населенія. Такъ въ безпрерывныхъ трудахъ прошли 4 года. Въ 1904 г. началась русско-японская война. Къ этому времени Р. И. состоялъ уже начальникомъ 7-ой Восточно-Сибирской Стрѣлк. бригады, которая въ началѣ военныхъ дѣйствій была развернута въ дивизію. Во главѣ этой-то дивизіи Р. И. и очутился въ Портъ-Артурѣ, гдѣ покрылъ себя неувядаемой славой, гдѣ обезсмертилъ свое имя и гдѣ принялъ мученическій конецъ, заставивъ этимъ извѣстіемъ содрогнуться всю Россію.

До этого момента жизнь Р. И. не блистала яркими событіями, это была обыкновенная исторія одареннаго отъ природы, но очень скромнаго, добросовѣстнаго и любящаго свое дѣло ученаго офицера. Не отличавшійся ни честолюбіемъ, ни славолюбіемъ, никогда не стремившійся выдвинуться, быть на виду, Кондратенко до войны гораздо болѣе былъ извѣстенъ среди солдатъ, чѣмъ въ высшихъ кругахъ, и только въ годину тяжкихъ испытаній, выпавшихъ на долю Россіи, явилъ онъ, этотъ скромный труженикъ, свой мощный духъ.

Укрѣпленія Портъ-Артура были еще не вполнѣ закончены, когда произошло первое ночное нападеніе на русскій флотъ подъ стѣнами этой крѣпости. Явившись въ Портъ-Артуръ, Р. И. сталъ спѣшно заканчивать ихъ и приводить все въ боевой порядокъ. Благодаря его энергіи, съ сухопутной стороны быстро выросъ цѣлый рядъ укрѣпленій, а тѣмъ временемъ японцы, подготовляясь къ осадѣ, подвозили войска и военные грузы и ограничивались только мелкими стычками.

Послѣ паденія Цзинь-чжоу вскорѣ произошелъ первый серьезный бой за крѣпость. Руководилъ имъ Кондратенко. Это было первое его боевое крещеніе, и онъ, выказавъ въ самыя тяжелыя минуты боя необыкновенное мужество и хладнокровіе, заставилъ заговорить о себѣ не только офицеровъ, но и нижнихъ чиновъ. За этимъ боемъ послѣдовалъ цѣлый рядъ атакъ и штурмовъ, и всѣ ихъ геройски отражалъ Романъ Исидоровичъ; какъ одинъ человѣкъ, шли

за нимъ его войска. Только разъ, при штурмѣ горы Юпилаза, на одну минуту дрогнулъ его отрядъ и сталъ отступать. Не растерялся въ этотъ жуткій моментъ Кондратенко: его горячія слова, обращенныя съ полнымъ довѣріемъ къ солдатамъ, снова воодушевили ихъ, они бросились впередъ за своимъ любимымъ начальникомъ, и штурмъ японцевъ былъ отбитъ и на этотъ разъ. На другое утро вновь закипѣлъ бой... Кто знаетъ, можетъ и онъ могъ бы окончиться такъ же благопріятно для русскихъ, какъ и предыдущій, но, къ сожалѣнію, крѣпостное начальство въ самый разгаръ боя внезапно потребовало ген. Кондратенко въ крѣпость. Неблагопріятные результаты его отсутствія не замедлили тотчасъ же сказаться: оставшіяся безъ своего доблестнаго руководителя, лишившіяся его нравственной поддержки и личнаго примѣра, войска стали отступать въ самую крѣпость... Съ этого дня японцы обложили Портъ-Артуръ и повели правильную осаду.

Съ началомъ этой осады была создана особая должность начальника сухопутной обороны. Должность эту до самой своей смерти занималъ Романъ Исидоровичъ Кондратенко. Съ этого времени его славная дѣятельность приняла тѣ размѣры, въ результатѣ которыхъ онъ сдѣлался «душой обороны». Ведя оборону крѣпости почти самостоятельно и руководя нетолько этой обороной, но и постройкою разнаго рода оборонительныхъ сооруженій, онъ на каждомъ шагу подвергалъ себя серьезной опасности, ни мало однако не заботясь объ этомъ. Онъ несъ на себѣ всѣ тяготы этой великой девятимѣсячной борьбы, обнаруживая необыкновенную энергію, силу воли, глубокое знаніе дѣла и истинно русское сердце, обливавшееся кровью за всѣ невзгоды его родины. Въ трудныя минуты боя онъ неожиданно являлся на самый опасный пунктъ и ласковымъ словомъ ободренія или личнымъ примѣромъ умѣлъ вдохнуть новыя силы въ усталыхъ, измученныхъ безсонными ночами и всякими лишеніями защитниковъ крѣпости. Подъ обаятельнымъ вліяніемъ

Кондратенки, по одному его слову люди беззавѣтно шли на смерть; своей душевной чистотой онъ будилъ въ сердцахъ своихъ подчиненныхъ тѣ благородныя струны, которыя подвигаютъ людей на великія дѣла.

Успѣшному отраженію ожесточенныхъ штурмовъ въ продолженіе всей осады много способствовали изготовляемыя по указанію Романа Исидоровича ручныя гранаты и бомбочки, производившія большія опустошенія въ рядахъ осаждавшихъ. 30-го сентября генералъ Кондратенко за оказанную имъ храбрость былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-ой степени, а Высочайшимъ приказомъ отъ 22 октября, за отличіе въ дѣлахъ противъ японцевъ, былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты; въ томъ же мѣсяцѣ онъ былъ пожалованъ и орденомъ св. Георгія 3-й степени.

Въ теченіе мѣсяца шло ужасающее бомбардированіе крѣпости. Укрѣпленія были обращены чуть не въ груду развалинъ, но, несмотря на всю безнадежность положенія, несмотря на всѣ нравственныя и матеріальныя лишенія, доблестные защитники не падали духомъ: съ ними былъ ихъ любимый начальникъ генералъ Кондратенко, который ободрялъ и успокаивалъ своихъ сподвижниковъ, ласково разговаривалъ и даже шутилъ съ ними. Въ это тяжелое время выказались въ полномъ блескѣ его громадныя нравственныя силы и крѣпость духа. Дѣйствія его всегда были смѣлы и рѣшительны, и самъ онъ всегда являлся туда, гдѣ требовалось его присутствіе. Никто не зналъ, когда генералъ спитъ, когда отдыхаетъ: проводя даже ночи на укрѣпленіяхъ или за чертежами, Кондратенко до такой степени утомлялся почти непрерывной работой, что нерѣдко окружающіе принуждены были водить его подъ руки. Эта физическая слабость не могла однако уничтожить его могучаго духа, которымъ жила вся крѣпость; уничтожила его смерть, давно уже подстерегавшая доблестнаго защитника Портъ-Артура.

Объѣзжая позиціи въ ночь на 3-е декабря 1904 г., Романъ Исидоровичъ со своимъ штабомъ заѣхалъ на фортъ № 2, наиболѣе поврежденный бомбардировками

непріятеля, чтобы лично убѣдиться въ степени полученныхъ имъ поврежденій и въ то же время вручить офицерамъ и солдатамъ Георгіевскіе кресты.

Японцы, очевидно, слѣдили за пріѣздомъ Романа Исидоровича: вскорѣ по направленію къ офицерскому каземату, въ которомъ находился ген. Кондратенко, былъ выпущенъ сначала шестидюймовый снарядъ, а за нимъ 11-ти дюймовый, попавшій въ ранѣе поврежденное мѣсто. Раздался страшный взрывъ, затѣмъ наступила гробовая тишина...

Что-то зловѣщее было въ этой тишинѣ, и каждый чувствовалъ, что случилось что-то ужасное, непоправимое... Это «ужасное, непоправимое» дѣйствительно произошло: осколокъ разорвавшагося снаряда унесъ въ могилу защитника и надежду осажденной крѣпости—Романа Исидоровича Кондратенко.

Вздрогнула Россія, узнавъ, что отлетѣлъ его могучій духъ, вздрогнула и приготовилась къ бѣдѣ. Бѣда пришла. Суровая, безпощадная. Не стало у русскихъ Кондратенко—не стало и Портъ-Артура...

Прахъ безвременно погибшаго народнаго героя по волѣ Государя Императора былъ торжественно перевезенъ 26 сентября 1905 г. въ Петербургъ и погребенъ па кладбищѣ Александро-Невской Лавры, близъ могилы непобѣдимаго Суворова.

«Вѣчная тебѣ память, Романъ Исидоровичъ, явилъ ты въ себѣ русскаго человѣка во весь ростъ; вѣчная тебѣ за то слава» (М. Драгомировъ).

Витязь! Ты палъ, за отчизну сражаясь,
Вѣчная память тебѣ!
Палъ ты, какъ левъ, отъ враговъ отбиваясь,
Спи же спокойно въ землѣ!
Спи же спокойно! Ты вѣрно присягу,
Вѣрно свой долгъ исполнялъ,
Славу родному военному стягу
Службой своею стяжалъ.

(Изъ стих. «Украинца»).

2-е декабря 1904 года въ Артурѣ.

Памяти генерала Кондратенко.

Нѣтъ, мы его оплакивать не станемъ,—
Оплачутъ его тамъ, гдѣ время есть для слезъ.
Онъ съ нами вмѣстѣ здѣсь осады бремя несъ,
Онъ былъ всегда, вездѣ, повсюду между нами.
То, какъ простой солдатъ, шелъ съ цѣпью впереди,
То ночи напролетъ сидѣлъ за чертежами...
Никто не зналъ, когда онъ спитъ... Съ дѣлами
Онъ жилъ, скорѣй горѣлъ... и на какомъ огнѣ!
И сердце дѣтское онъ сохранилъ въ груди,
Смѣялся онъ, какъ дѣти, простодушно...
Пускай кругомъ его бушуетъ цѣлый адъ,
Его спокоенъ ликъ, его спокоенъ взглядъ.
Умѣлъ въ лицо глядѣть онъ смерти равнодушно;
Гдѣ онъ—кругомъ его спокойствіе царитъ.
Такимъ онъ былъ всегда—такимъ и въ гробѣ спитъ.
И мѣста нѣтъ слезамъ у тѣла его, нѣтъ.
Онъ самъ сіялъ звѣздой; спокойный, ровный свѣтъ
Ея погаснетъ ли въ мгновеніе одно?
Пускай звѣзда исчезла ужъ давно,
Но лучъ ея попрежнему блеститъ.
Пройдутъ вѣка, но ряду поколѣній
Все кажется: звѣзда еще горитъ...
И сколько слезъ святыхъ и чистыхъ вдохновеній
Она собой, погаснувши, внушитъ...
И правнукъ правнукамъ разскажетъ про него,
Разскажетъ, какъ въ годину испытаній
Родной страны здѣсь бился онъ, герой,
Какъ начерталъ искусною рукой
Преграды для врага на Угловой,
На Длинной и на той горѣ,
Что поднялась, какъ жертвенникъ высоко;
Разскажетъ, какъ мечталъ врагъ залетѣть далеко
И какъ же падалъ онъ глубоко.
И фортъ второй, гдѣ зимнія квартиры
Себѣ устроилъ врагъ во рву и тамъ сидѣлъ,
Крича, что фортомъ онъ ужъ овладѣлъ,
А самъ не смѣлъ взглянуть на русскіе мундиры!
Разскажетъ, какъ сюда, на фортъ второй,
Безстрашный пріѣзжалъ герой,
Какъ видъ его внушалъ и мужество и силу,
И какъ нашелъ онъ тамъ безвременно могилу;

И вызоветъ разсказъ изъ глазъ потомковъ слезы...
А мы, съ кѣмъ пережилъ онъ здѣсь войны суровой грозы,
Не смѣемъ плакать мы, не можемъ мы грустить...
Пока враговъ мы видимъ за валами,
Намъ цѣль одна—врага отбросить прочь;
Заплачемъ мы, когда заря блеснетъ надъ нами,
Когда пройдетъ томительная ночь,
Но не теперь... не мѣсто здѣсь слезамъ...
А между тѣмъ доносятся все къ намъ
　　Рыданія могучія такія...
Кто жъ это плачетъ, кто? То плачетъ вся Россія...
Она его ждала, готовила ему
Вѣнки лавровые и громъ рукоплесканій...
О! Сколько тамъ теперь мучительныхъ рыданій,
　　Извѣстно Богу одному!

Цѣна 75 коп.

2007096549